

■ Жан-Поль Тюийе ■

ЦИВИЛИЗАЦИЯ ЭТРУСКОВ

Загадочная цивилизация приоткрывает тайны...

ЦИВИЛИЗАЦИЯ ЭТРУСКОВ

ЖАН-ПОЛЬ ТЮИЙЕ

ЦИВИЛИЗАЦИЯ ЭТРУСКОВ

Загадочная цивилизация
приоткрывает тайны...

У-Фактория
АСТРЕЛЬ
МОСКВА

УДК 94(37)
ББК 63.3(0)3
Т98

Перевод с французского
Татьяны Баженовой

Тюийе Ж.-П.

Т98 Цивилизация этрусков / Жан-Поль Тюийе; пер с фр.
Т. Баженовой. – Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель,
2011. – 254 [2] с.

ISBN 978-5-9757-0542-6 (ООО «Агентство прав У-Фактория»)
ISBN 978-5-271-37795-2 (ООО «Издательство Астрель»)

Этруская цивилизация — одна из самых загадочных страниц истории древности. Значительное влияние, оказанное этрусками на античный мир, хорошо известно и изучено. Однако в судьбе самих этрусков до сих пор остается слишком много неясного: откуда пришел этот народ, каково происхождение их языка и письменности?

**УДК 94(37)
ББК 63.3(0)3**

Подписано в печать 01.09.2011. Формат 84x108/32. Усл. печ. л. 13,44
Тираж 2000 экз. Заказ № 1788

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги и брошюры

ISBN 978-5-9757-0542-6 (ООО «Агентство прав У-Фактория»)
ISBN 978-5-271-37795-2 (ООО «Издательство Астрель»)

© Armand Colin, Paris, 2003.
© Баженова Т.А., перевод на рус. яз., 2011
© ООО «Агентство прав У-Фактория»
© ООО «Издательство Астрель»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Этруская цивилизация — самая первая из всех, расцветших на земле Италии. Ее «золотой век» относится примерно к 700—450 гг. до н.э. Несмотря на то что эта цивилизация развивалась главным образом в центральной Италии, между рекой Арно, Тирренским морем и Тибром, она вырвалась весьма далеко за пределы этого региона, — как на север (Паданская равнина), так и на юг (Кампания), — вплоть до того, что Катон Старший полагал, будто вся Италия целиком находилась под влиянием этрусков. Но сила этрусков не сводится к одному лишь политическому доминированию. На фоне других народов Италии (умбры, оски и др.) в I тыс. до н. э. этруски имели выдающуюся культуру: никто не оставил такого количества надписей, не породил столько произведений искусства, не имел такого сильного влияния на соседние народы, в том числе на Рим, — согласимся, что одно лишь это имеет серьезнейшие последствия. На этих основаниях обоснованно можно говорить об этрусской цивилизации, несмотря на то, что некоторые осторожничают в использовании данного термина по отношению к другим современным ей итальянским «народам». Во всяком случае, когда Джузеппе Микали издает в 1826 г. свой знаменитый труд «L'Italia avanti il dominio dei Romani»¹, написанный

---

¹ «Италия до римского господства» (пер. с ит.) — *Прим. пер.*

в духе романтизма и пронизанный антибонапартизмом, в первую очередь он обращает свой интерес к этрускам. Это был решительный поворот в сторону этрускологии, к исследованиям об этрусках. Другие итальянские историки начала XIX в., такие как Сисмонди или Пиньотти, также обращались к истории этрусков, когда разрабатывали свою теорию трех крупных эпох в истории Италии, которая должна была дать легитимную силу политике объединения Италии, а значит, и возрождения нации. Италия, по этой теории, уже переживала три величайших момента цивилизации и политического могущества: эпоху этрусков, эпоху Римской империи и период Ренессанса. Туристы, посещающие этрусский некрополь Монтероцци в Тарквинии, испытывают ярчайшие эмоции, рассматривая погребальные фрески в небольших подземных гробницах. Даже на Стендаля колоссальное впечатление произвел визит, в ходе которого он, будучи французским консулом в Чивитавеккье, в 1830-е гг. впервые увидел «расписные подземелья Пер-Лашез» в Тарквинии. Это восхищение, однако, не помешало ему участвовать, как и любому другому, в торговле древностями, извлеченными из погребений Вульчи или Тарквинии.

Всякий, кто намеревается писать или читать об истории этрусков, опираясь на четкую и подробную хронологию, рискует оказаться разочарованным. Давно уже прошли времена императора Клавдия, который, по словам Светония, мог описать на греческом языке всю длинную историю этрусского народа. Все наши «письменные» источники, содержащие или нет ссылки на историков, будучи косвенными, предоставили нам некоторые сведения о датах, но лишь в той мере, в которой греческие и римские историки были вынуждены упомянуть о военных столкно-

вениях между этрусками, греками и римлянами. Например, благодаря Геродоту мы имеем сведения о крупном военном сражении, в ходе которого между 540 и 535 гг. до н. э. в Тирренском море этруски из Цере (Черветери), выступившие в союзе с карфагенянами, разбили греческий флот где-то между Корсикой и итальянским побережьем. Несколько десятилетий спустя, в 474 г. до н. э., неподалеку от города Кумы, то есть немного южнее, этруски были разгромлены новым хозяином Западного Средиземноморья, сиракузским тираном Гиероном, который в качестве дара Зевсу в Олимпии преподнес этрусский шлем (по меньшей мере). Гораздо больше точных дат появляется, как только в игру вступает Рим, и с осады города Вейи в 406—396 гг. до н. э. начинается завоевание Этрурии. Только отсутствие второй декады (книги 11—20) сочинения Тита Ливия «История Рима от основания Города» лишило нас основных сведений о дате завершения этого завоевания. Также мы имеем весьма точные даты правления этрусской династии в Риме в 615—509 гг. до н. э.: еще предстоит проанализировать значение этого периода в общей истории этрусков. Однако сами этруски не оставили нам никаких сведений о своей истории. Глядя на обширные консульские списки Рима, мы не имеем списков этрусских царей или магистратов, и любая попытка выстроить политическую хронологию становится напрасной.

Таким образом, этруская цивилизация, которую мы собираемся изучать, — это больше, чем история этого народа, основанная всецело на хронологии. Однако это совершенно не означает, что мы отказываемся от диахронического видения: закрывать глаза на его важность означало бы представить искаженную и обездвиженную картину этрусского общества, все сферы которого находи-

лись в постоянном развитии в начале I тыс. до н. э. Косвенные источники, в частности археологические, заполняют некоторые лакуны, но не полностью, а опубликованные интерпретации этих археологических источников всегда порождают различные споры. Мы не считаем, что, просто сложив все эти гипотезы, можно восстановить всю историю этрусского общества.

ПРОЛОГ

ЗАГАДКА ВОСЬМОЙ ПЛАСТИНЫ

10 октября 1992 г. в городе Кортоне, что возвышается над знаменитым Тразименским озером, к карабинеру Камучи подошел человек, чтобы сообщить итальянским властям о находке семи небольших бронзовых пластин. Этот скромный рабочий открыл новую страницу в этрускологии, поскольку найденные бронзовые пластины были покрыты красивой, очень аккуратной надписью, несомненно выполненной на этрусском языке, что не удивительно, поскольку Кортоне была одним из крупнейших городов независимой Этрурии и играла, среди прочих, решающую роль в исследованиях об этрусках, предпринятых в эпоху Нового времени. Этруская академия, основанная в 1727 г., была одной из наиболее активных организаций, среди ее членов-корреспондентов и важных персон были Монтескье и Вольтер, и по сей день туристы могут посетить Музей Этрусской академии, гордостью которого, помимо других экспонатов, является богато украшенный бронзовый светильник, созданный в V в. до н. э. и впоследствии немного отреставрированный.

Всем тем, кто долгое время считал этрусскую цивилизацию загадкой, крупно повезло. Рассмотрим же обстоятельства этой находки: если рабочий утверждал, что случайно

нашел эти таблички на строительной площадке, наиболее вероятно, что они были трофеем одного из многочисленных *tombaroli*, грабителей могил и различных археологических памятников, которые постоянно орудуют в Италии и, особенно, на территории древней Этрурии. Несомненно, в этом случае вознаграждение, полученное в результате честной передачи находки государству, предпочтительнее, чем рискованная торговля на международном рынке антиквариата. Самое интересное — большой перерыв между передачей находок полиции и Археологическому управлению Флоренции и моментом, когда о них стало официально известно научному миру (что вызвало небывалый ажиотаж) и широкой общественности. Этот источник, который отныне стал называться табличкой из Кортонны (*Tabula cortonensis*), — по аналогии с табличкой Клавдия, великолепной латинской надписью, высеченной на бронзовой пластине, найденной в Лионе в XVI в., — был опубликован лишь через десять лет после его обнаружения. Табличка еще в древности была разбита на восемь кусков (рис. 9). Восьмой фрагмент не сохранился. Однако нехватка одного фрагмента ничуть не препятствует пониманию текста, представленного в конце 2000 г. на крупной выставке «Gli Etruschi», организованной венецианским Палаццо Грасси, а затем выставленном в самой Кортоне. Теперь всякий может увидеть табличку из Кортонны в Музее Этрусской академии, наряду со знаменитым бронзовым светильником и замечательными статуэтками божеств, также выполненными из бронзы.

Отныне мы имеем третий по длине текст на этрусском языке (40 строк — 32 на лицевой стороне и 8 на оборотной, 206 слов). Однако загадочные обстоятельства, окружившие этот источник до его публикации и обнаружения

ния, заставляют вспомнить о романтических условиях находки самого длинного этрусского текста, известного на сегодняшний день — Загребской мумии (1200 слов). Это удивительное название отсылает нас к настоящему роману о мумии: хорватский аристократ, привезя из путешествия по Египту мумию в качестве сувенира, что было распространено в XIX веке (европейские музеи полны туристическими покупками такого рода), обнаружил, что ленты, которыми была обернута мумия, были покрыты очень длинным текстом, написанном главным образом черными чернилами. И лишь в конце века было обнаружено, что текст написан на языке этрусков: это был ритуальный календарь, странную историю которого мы попытаемся воспроизвести чуть ниже. К этому же списку принадлежит вторая по длине этруская надпись, табличка из Капуи, которая долгое время в специальной археологической литературе называлась Черепицей из Капуи, поскольку эта надпись из 300 слов была высечена на прямоугольной плоской плитке из терракоты и была сделана более неумелым почерком, чем в двух вышеупомянутых случаях.

Табличка из Кортонны (примерно 45 x 30 см), полностью исписанная с одной стороны и только в верхней части — с оборотной стороны, была поначалу интерпретирована как юридический текст: это делало ее очень интересной, поскольку большинство эпитафических источников, которыми мы располагаем, носят религиозный характер, что не удивительно, ведь в античности преобладало суждение об этрусках как о «самых религиозных из людей». Согласно первым издателям, текст из Кортонны, датируемый 200 г. до н. э., был чем-то вроде контракта купли-продажи или аренды земли, возможно виноградников: в одном из отрывков сразу было расшифровано выражение «*sep zic*

zichuche», то есть «этот текст был написан...», что является вполне уместным в документе юридического характера. Также в этом источнике часто встречаются имена числительные, что может означать указание на меры площади или денежные суммы. Продавцы принадлежали к богатым семьям города, таким как Кузу, представители которой уже были известны по другим надписям, и их аристократические погребения мы можем идентифицировать. Что же касается покупателей (или арендаторов), их было много, и они имели более скромный социальный статус. Третья серия имен собственных в табличке из Кортонны, предположительно, принадлежала гарантам этой сделки: среди них были магистраты и, в частности, «zilath machl gasnal» (строка 24), долгое время считавшийся высшим магистратом этрусского государства, но который мог проживать только в кортонском полисе.

На оборотной стороне также можно прочитать (вероятно) слово «tarsminas», которое, по мнению тех же исследователей, могло означать Тразименское озеро, а следовательно, и его прибрежную территорию, то есть, как уже было сказано, совсем рядом с Кортонной. Начало надписи, выгравированной на оборотной стороне, является датировкой, которая напоминает римскую датировочную формулу. Читаем «zilci larthal cusus titinal larisalc salinis aulesla», что переводится следующим образом: «При магистратах (*zil-ci* по форме напоминает слово *zil-ath*, упомянутое выше) Ларсе Кузу, сыне Титины и Ларисе Салини, сыне Авла». Если оставить в стороне вопрос о фамилии, передающейся по материнской линии, — хотя это является свидетельством высокого положения женщины в этрусском обществе, — в примере с этими двумя верховными магистратами можно обнаружить сходство с римским мане-

---

ром обозначать год именем двух правящих консулов: так, 63 г. до н. э. был годом консульства Цицерона и Антония (по-латински, *M. Tullio C. Antonio consulibus*). Все это, повторимся, лишь ряд весьма убедительных гипотез: мы сможем оценить масштабы нашего незнания, только лишь когда отметим, что некоторое время спустя после этой публикации на свет появилась длинная статья одного из лучших специалистов по этрусскому языку, Карло де Симоне, в которой табличка из Кортонны предстает перед нами как текст... разумеется, религиозного характера — это описание погребальной церемонии (по-латински, *parentatio*), организованной семейным кланом. Одним из важнейших моментов в этой интерпретации является вопрос первоначального местонахождения этой бронзовой таблички, весьма неплохо сохранившейся, хоть и фрагментами: находилась ли она в общественном, официальном учреждении или в фамильном склепе, то есть в частном владении? Мы также задаемся вопросом о сведениях, сохранных другими металлическими предметами, созданными одновременно с табличкой, — имеют ли они одинаковое происхождение? Таким образом, мы видим, что наши вопросы гораздо более многочисленны, чем ответы на них, и что этрускологов ждет долгая работа.

ГЛАВА 1

ДВА СТОЛПА ЭТРУССКОЙ ЗАГАДКИ: ЯЗЫК И ПРОИСХОЖДЕНИЕ

ЭТРУССКИЙ ЯЗЫК

Письменность

Начать хотелось бы с той же самой таблички из Кортонны не только потому, что она была открыта сравнительно недавно, но и потому, что этот источник и его история великолепно иллюстрируют современный уровень наших знаний об этрусском языке. Так, вопрос языка неразрывно связан с другим наболевшим вопросом этрусологии — происхождение этого «загадочного» народа. И постараемся больше не использовать это прилагательное! Первым позитивным моментом является то, что мы без труда можем прочесть этрусские тексты, поскольку написаны они буквами греческого алфавита, несколько приспособленными к отражению этрусского языка. Прочтение этрусского языка стало действительно весьма простой задачей после того, как было установлено, что подавляющее большинство надписей выполнено в обратном направлении, справа налево. Однако некоторые из них все же написаны слева направо, но это не должно нас смущать: мы наблю-

даем то же самое и в греческих надписях архаического периода. Очевидно, что направление письма не является основной проблемой, поскольку и в греческом, и в этрусском языках существовали так называемые «бустрофедоны», — тексты, строки которых поочередно направлены справа налево и слева направо, словно борозды, оставляемые плугом. Между тем нельзя сказать, что выбор в пользу написания текста справа налево является неосознанным, и весьма вероятно, что он мог иметь свои корни в иконографии: рассмотрим, к примеру, мифологические сцены, представленные на сосудах чернофигурного стиля, — чаще всего они читаются справа налево в этрусской керамике и слева направо в аттической.

Расшифрованная письменность неизвестного языка

С самого начала следует разделить такие понятия, как письменность и язык: собственно этрусский язык остается для нас неизвестным по многим причинам, однако написан он греческими буквами, которые мы отлично знаем. Подобную картину мы видим с галльскими надписями, зачастую выполненными буквами греческого и латинского алфавитов. Прямо противоположная ситуация складывалась с линейным письмом Б до его дешифровки. Язык был нам известен, — это был, очевидно, греческий, но скрывался он под маской письменности, долгое время оставшейся неразгаданной, пока Вентрис и Чедвик не поняли ее технику. Прежде чем рассмотреть обстоятельства, которые привели этрусков к греческому алфавиту, и дать первичную характеристику их языку, их первым надписям, датируемым 700 г. до н. э., необходимо добавить одно

уточнение к вопросу о прочтении таблички из Кортоны: хоть мы и можем с точностью прочитать все буквы, все же не всегда получается точно установить разделение между словами, которые в большинстве своем для нас ничего не значат! Нам очень повезло с этим красивым и очень аккуратным текстом, поскольку он содержит знаки препинания, что является редкостью. Это круглые точки или треугольники, а также знаки разделения между главами. Так, первый издатель увидел в «*tarsminas*» одно-единственное слово, предположив, что оно могло обозначать Тразименское озеро, а второй исследователь прочитал в этих же буквах два слова, смысл которых оказался скрытым.

Эвбейцы и их алфавит

Итак, в самом начале VII в. до н. э. этруски открыли для себя греческий алфавит и начали его использовать: именно в эту эпоху стали регулярными их контакты с первыми греческими поселенцами, пришедшими в Италию и обосновавшимися в 770 г. до н. э. на Питиусских островах, на современной Искье, на севере Неаполитанского залива. Это произошло в эпоху первых Олимпийских игр, до того, как на континенте была основана колония Кумы. Перед тем как вплотную перейти к письменности, коротко отметим, что первые греческие колонии пытались продвигаться как можно ближе к северу Италии, и впоследствии на будущей территории Великой Греции, на Апеннинском полуострове на Сицилии, различные колонии будут основаны южнее (Сиракузы, Тарент, Сибарис, Кротон). Но это лишь первая волна греческой колонизации; через 150 лет экспедиции второй волны, фокейской, продвинут-

ся еще дальше — в 600 г. до н. э. была основана Массилия (современный Марсель). Единственной причиной этой странной географической закономерности первой волны колонизации было то, что греки, желавшие обосноваться в Западном Средиземноморье, были, безусловно, движимы нехваткой земель на их родине. Действительно, они находили в Кампании невероятно плодородные почвы, в чем можно и сегодня убедиться, если проследовать по побережью, скажем, до Сорренто или других городов. На этом же моменте акцентируют внимание и античные авторы.

Однако эта причина была второстепенной по отношению к другой мотивации, которая толкала людей на освоение новых земель, — поиск металлов: для тех греков, которые искали свое Эльдorado, Центральная Италия была символом изобилия рудными богатствами, особенно это касалось острова Эльбы, настоящего железного рудника посреди моря. И это не просто гипотеза: показательно, что в ходе очень важных раскопок, проводимых в последние десятилетия на острове Искья, была обнаружена железная руда, гематит, привезенный напрямую с острова Эльбы. Но почему же греки не продвинулись еще дальше, прямо к самой Эльбе? Единственным объяснением, почему это продвижение оказалось невозможным, было то, что этруски господствовали на этих территориях, и их могущество не позволяло их вытеснить. Это имеет серьезное значение в вопросе о происхождении этрусков: в этот период они жили в Центральной Италии, а если кто-то и придерживается теории миграции с востока, то она должна была произойти намного раньше, в конце второго тысячелетия или по крайней мере в начале первого. Кроме того, как отметил Жак Эргон, если будущие этруски в ходе

своей масштабной экспедиции прошли бы через Сицилийский пролив около 700 г. до н. э., то греческие поселенцы непременно отметили бы это и данное происшествие оставило бы след в классических источниках!

Первые греческие надписи

Кто же они, эти первые греческие поселенцы? Это были выходцы с Эвбеи, острова, отделенного от Беотии проливом Эврипос, течения в котором постоянно меняются. Впоследствии это название в латинском языке станет означать любой пролив (*euripus*). Именно у них этруски заимствуют особый алфавит — так называемый красный, или западный греческий: как известно, в классической Греции существовали различные диалекты и различные алфавиты. Например, знак «трезубец» в хрестоматийном языке Аттики, на ионийском диалекте, который мы изучаем по учебникам, означает звук «пси», а у этрусков же он служит для обозначения звука «кхи». Эвбеицы были очень хорошими металлургами: неудивительно, что они первыми пошли по этому «морскому» пути в поисках металла, о котором мы немедленно начнем разговор. В ходе раскопок на Искье, о которых мы уже упоминали (исследователи Г. Бухнер и Д. Риджвэй), в 1954 г. был обнаружен необыкновенный эпиграфический источник. На красивом родосском кубке третьей четверти VIII в. до н. э., найденном в погребении ребенка или юноши, была выгравирована надпись, представлявшая собою метрический стих (два эпических гексаметра) о забавах с последующим испитием вина из «кубка Нестора», о котором есть упоминание в *Илиаде*. Так, с этого времени гомеровские поэмы стали

известны и успешно цитировались эвбейскими колонами, явно жившими в атмосфере пиршества. Еще более удивительной представляется другая археологическая находка из некрополя Остерия-делл-Оса на территории античного полиса Габии, что недалеко от Рима. Там, в одном из могильников, был обнаружен сосуд, датируемый 770 г. до н. э., на котором были выгравированы пять греческих букв (возможно, следует читать «eulip»). Быть может, это была одна из древнейших известных греческих надписей во всем мире. Предположив, что эвбейцы часто посещали финикийцев на острове Искья, можно задаться вопросом: возможно, греки заимствовали финикийский алфавит отсюда, а не из Восточного Средиземноморья.

Аристократия письменности, должность писца

Если этруски и заимствовали эвбейский алфавит, то, несомненно, для того, чтобы упростить торговлю с эвбейцами, которые пришли в поисках тосканских металлов, а взамен предлагали разнообразные предметы роскоши. Керамика здесь, как правило, является основным археологическим источником: действительно, в VIII в. до н. э. эвбейские сосуды появляются в некрополях Южной Этрурии. Владение письменностью долгое время было признаком аристократизма: не случайно в роскошных и богатых погребениях VII в. до н. э. находили азбуки и различные инструменты, связанные с письменностью. Так, в Этрусском музее Ватикана хранится сосуд-буккоро (см. главу 4) с плоским дном, на тулове которого выполнены надписи силлабическим письмом и отдельные буквы алфавита. В XIX в. возникло предположение, что этот сосуд был чернильни-

цей, и такая интерпретация перешла в археологическую литературу, хотя это был, скорее всего, сосуд для парфюмерного масла. Совершенно точно мы можем утверждать то, что эта «чернильница», датируемая последней четвертью VII в. до н. э., была найдена в Черветери, в некрополе Сорбо, в аристократическом тумулусе, находящемся рядом с великолепным погребением Реголини-Галасси. Самой прекрасной находкой такого рода остается табличка для письма из Марсельяны д'Альбеньи, что недалеко от города Косы (хранится в музее Гроссето).

В некрополе Бандителла было обнаружено захоронение второй четверти VII в. до н. э. Захоронение было окружено плитами, за что его прозвали «Круг Костей», поскольку в нем были найдены, среди прочих ценных вещей, два предмета из кости: гребенка, украшенная изображениями фантастических животных, и небольшая табличка для письма с тремя стилосами и двумя скребками для стирания. На центральной части, покрытой воском, с помощью стилоса писали текст (впоследствии этот метод стал известен и в Риме), а на верхнем краю таблички был выгравирован алфавит из двадцати шести букв, написанных справа налево, причем некоторые из них не использовались этрусками: этот алфавит был предназначен, вероятно, для будущих учеников.

Говоря о социальном статусе, отметим, что письменность на протяжении нескольких веков остается престижным занятием. Высокий ранг этрусского писца неоспорим, достаточно рассмотреть надгробный рельеф из Клузия, который в настоящее время хранится в Палермо, — рельеф, датируемый 490—480 гг. до н. э. Здесь изображена сцена награждения победителей в спортивных состязаниях: на помосте восседают три фигуры, — два магистрата и

писец, вписывающий в диптих имена победителей. Отметим, что этот писец был одет точно так же, как и магистраты, а в эпоху Античности это являлось серьезным знаком. Изображенный наравне с ними, писец, очевидно, являлся носителем высокого ранга: Дж. Колонна очень справедливо сопоставил этот рельеф с историей, рассказанной Титом Ливием в начале книги II его «Истории». В то время как царь этрусского города Клузий Порсена осаждал Рим, чтобы восстановить там власть Тарквиниев, Муций Сцевола решил проникнуть в их лагерь и убить царя. Герой прибывает в тот самый момент, когда Порсена вместе с писцом начинал выдачу жалованья: оба персонажа были одеты абсолютно одинаково, и Муций Сцевола, не зная, как обнаружить этрусского царя, которого в лицо он не знал, по ошибке убил писца. Этот случай, имевший место быть в 509 г. до н. э., то есть почти в то же время, когда был создан упомянутый выше рельеф из Клузия, показывает особенный статус этрусского писца.

Принятие и адаптация алфавита

Воспринятый этрусками эвбейский алфавит очень быстро распространился, и вскоре он был адаптирован к их собственной фонетической системе. Например, в этрусском языке нет некоторых взрывных согласных, таких как Г, Б или Д. Этрускам хватало соответствующих глухих и придыхательных звуков К, Пи Т, а также -кх-, -пх- и -тх-. Так, третья буква греческого алфавита «гамма» сохранилась со значением глухого К: в латинском языке это значение сохранится, вот почему латинская буква С занимает третью позицию, — это имеет корни в этрусском языке. Однако

латыни необходимы были звонкие взрывные согласные, поэтому, благодаря маленькому диакритическому знаку, рядом с С появляется буква G. Этруски же, в свою очередь, изобретут специальный знак для обозначения звука Ф, который в греческом изображался очень сложно — с помощью диаграммы или двойной буквы (дигамма + придыхание, или наоборот): это был новый графический знак в форме цифры 8, появился он после V в. до н. э. и являлся единственной характерной буквой собственно этрусского алфавита (см. табличку из Кортонны, строки 14, 21 и 29). Эта буква была отмечена на надписи, выполненной на каменной надгробной плите из Перузии — этот текст занял четвертое место по длине после таблички из Кортонны. Эта надпись из Перузии, посвященная разделению земель, знакомит нас с двумя семьями, одна из которых — Афуна, — неоднократно встретится нам с этим характерным символом в форме 8 (вторая крупная семья, упомянутая в тексте, — Велтина).

Прежде чем закончить с алфавитом и перейти к вопросам, связанным непосредственно с языком, необходимо добавить, что этрусская письменность эволюционировала с течением времени и она имеет множество вариаций. В целом различают северное и южное письмо, но существует также множество региональных особенностей: так, в Кортоне — знаменитая табличка является тому примером, — постоянно встречаются развернутые E, читаемые в обратном направлении, невозможно дать им точное фонетическое значение: возможно, это всего лишь художественная вариация, ставшая все же очень любопытной? Есть мнение, что различия кроются в протяженности или акценте по отношению к обычной E. Однако лингвисты, изучающие текст из Кортонны, до сих пор не получили убе-

дительных ответов. В той же географической зоне встречается символ, похожий на греческую прописную лямбду или перевернутую букву V, которая на самом деле является упрощенной буквой M.

Различия между северным и южным вариантами письма проявляются, в частности, в написании знака, обозначающего звук K (на юге Этрурии использовали только знак C) и в манере обозначать свистящие звуки, в том числе в конце слова. Эти различия в письменности проливают свет не только на указанное выше. Они показывают нам, что история Этрурии — это прежде всего история этрусских городов со всей их спецификой, в силу которой они нередко становились противниками, что в результате и привело к гибели тосканской цивилизации под воздействием сокрушительного удара одного лишь Рима. Эти надписи, каждый раз очень узнаваемые, являются в конечном счете не только хорошим источником для хронологии, но и интересным критерием для определения городов, которые могли играть ключевую роль в доминировании на той или иной территории в определенный момент ее развития. Это имеет решающее значение для понимания того, как Кампания и паданская равнина были заселены этрусками. Разумеется, при таком подходе такие источники, как керамика, не должны быть заброшены, — вот почему в эпиграфике придают особую важность носителю, на котором сделана надпись.

Перевоплощения этрусского алфавита

Намеки на географические вариации должны нам напомнить, что история этрусского алфавита на этом не заканчивается. Мы уже упоминали латинский алфавит,

который был заимствован у этрусков, а не напрямую у греков, о чем свидетельствует присутствие С в третьей позиции. Однако этрусский алфавит был передан и другим народам Северной Италии, таким как реты (Западные и Центральные Альпы) и венеты (северное побережье Адриатического моря), которые, подобно этрускам, заимствовавшим эвбейскую письменность, приспособили его к своим языкам. Примечательно, что у венетов было обнаружено несколько образцов этрусских алфавитов, — из Клузия и из Южной Этрурии, — которые могли успешно использоваться. А в Эсте известен настоящий «храм письменности», посвященный богине Рейтии: были найдены многочисленные бронзовые таблички с выгравированными на них алфавитами, а также письменные принадлежности, в том числе стилосы. Эти предметы, да еще и в сакральном окружении, свидетельствуют о большом значении письменности, которая подарила нам этрусские надписи, подобные табличке из слоновой кости из Марсельяны д'Албеньи.

Обратим внимание на то, что большинство наиболее древних надписей были найдены в женских погребениях, а буквы алфавита (в основном буква А) с конца VIII в. до н. э. присутствовали на предметах, связанных с прядением и ткачеством, — явно женскими занятиями. Таким образом, было предположено, что этрусские женщины могли играть особенную роль в распространении письменности. Впоследствии, как мы уже упоминали, письменность станет уделом этрусских аристократов.

Путешествие в Северную Италию и в альпийский регион приводит нас, наконец, к весьма интригующему вопросу о происхождении рун. Очевидно, что рунические надписи, обнаруживаемые в Центральной и Северной Ев-

ропе, начиная с эпохи Поздней римской империи и вплоть до начала II тыс. н. э., имели сходства с надписями ретов, венетов, или лепонтийцев, которые в конечном счете отнесли к этрусскому языку.

Язык

Эпиграфические источники

На сегодняшний день мы имеем около 12 000 этрусских надписей, сделанных в основном на керамических изделиях, на камне или бронзе. Надпись на льняных лентах Загребской мумии остается исключением. Ежегодно публикуются новые тексты, которые журнал «Studi Etruschi»² регулярно издает в своем «Rivista di Epigrafia Etrusca»³. Однако большинство этих надписей являются короткими и однообразными. В конечном счете мы имеем лишь десяток более-менее длинных текстов. В остальном же это эпитафии, на которых указано имя умершего и краткие сведения о его жизни и профессии, или же это votive предметы, на которых указано, что дар был преподнесен таким-то человеком такому-то божеству. Такие источники несут в себе главным образом имена собственные и скудную лексику. То же можно сказать и о более длинном тексте — Кортонской табличке, поскольку из 206 слов, составивших эту надпись, 107 являются именами собственными, объединенными в четыре списка, следующих друг за другом. В конечном счете мы имеем всего 60

---

² Этрусские исследования (пер. с ит.) — *Прим пер.*

³ Обзор этрусской эпиграфики (пер. с ит.) — *Прим пер.*

слов, имеющих лексическое значение, но и они остаются нашим «больным местом», поскольку гапаксы, — слова, встречающиеся только однажды, — в большинстве случаев не поддаются точному переводу.

Отсутствие билингов

Неизбежно вспоминая пример с Розеттским камнем, затронем тему возможных двуязычных надписей. Речь идет о нескольких поздних очень коротких этрусско-латинских погребальных надписях, с которыми связано больше проблем, чем позитивных моментов. В 1961 г. при раскопках этрусского порта Пирги были найдены три золотые пластины начала V в. до н. э. с текстом о посвящении правителем города Цере даров богине Уни (Астарте). Надписи были сделаны на этрусском и пуническом языках. Поначалу возникло предположение, что был найден долгожданный двуязычный текст, но оказалось, что надписи не идентичны.

Лемноская стела

Первым заключением, к которому пришли лингвисты, стало то, что этрусский язык остается изолятом, наподобие нынешнего баскского языка: невозможно сравнить этрусский язык с каким-либо другим известным языком или языковой группой, во всяком случае, ни с одним индоевропейским языком. Действительно, единственное сходство, которое можно отметить в случае с этрусским языком, — это близость с текстом погребальной стелы из

Каминьи, на Лемносе, острове на севере Эгейского моря, завоеванном афинянами в VI в. до н. э. Наряду с некоторыми различиями, которые справедливо позволяют назвать его «подобным этрусскому», но не этрусским языком, этот лемносский догреческий язык имеет многие лексические, фонетические и морфологические сходства с этрусским, что не могло быть случайностью. К примеру, отмечают, что в этом лемносском языке, как и в этрусском, не было взрывных согласных, и лишь одна задненебная гласная: -o (в этрусском -u). Такое выражение, как «avis sialchvis», невозможно не рассмотреть с точки зрения этрусского языка, — оно обозначает, вероятно, определенное количество лет (ср. этрусский «avil» — «год»). Остается лишь предположить, что лемносскую надпись оставили представители этрусской «колонии», основанной в период гипотетической миграции с востока около 1200 г. до н. э. Письменность восточных этрусов развивалась автономно, отсюда и отличия.

Этрусский язык не является индоевропейским

И все же в течение более 150 лет филологи пытались, хоть и безуспешно, сравнить этрусский язык со всеми индоевропейскими и близкими языками, — итальянскими (умбрский), оскским, латинским, а также кельтским, греческим или хеттским, не говоря уже о некоторых семитских языках. Следует отметить некоторые сходства языков, поскольку этруски, общаясь с индоевропейцами на протяжении тысячи лет, несомненно, имели некоторые лингвистические заимствования. Так, вино на этрусском языке пишется *vinu*, а племянник или внук, — *nefts*, как

peros на латинском. Поначалу специалисты пытались установить связи между языками, но эти попытки были обречены на провал.

Этрусский язык не относится к индоевропейским, о чем свидетельствуют некоторые морфологические и лексические признаки. Он является агглютинативным языком: при склонении существительных суффиксы, обозначающие множественное число и косвенный падеж (к примеру, дательный), прибавляются друг к другу, то есть «склеиваются», а не объединяются, как в латинском, принадлежащем к индоевропейской языковой группе, к т.н. флективным языкам. Так, этрусское существительное *clan*, сын, в дательном падеже множественного числа пишется *clenarasi*: *clen* (корень) — *ar* (суффикс множественного числа) — *asi* (суффикс дательного падежа); различие между *clap* и *clen* весьма относительно. Для сравнения приведем пример родительного падежа множественного числа латинского слова *consul* — это *consulum*, где окончание *-um* обозначает одновременно множественное число и родительный падеж. Таким образом, этрусский является агглютинативным языком, как венгерский, финский или турецкий. Можно взять пример из последнего, который не является индоевропейским: слово *gül*, роза, в родительном падеже звучит как *gülin*, во множественном числе *güllir*, а в родительном падеже множественного числа — *güllirin*. Вопрос словарного запаса предельно ясен. В таких консервативных сферах, как названия членов семьи или цифрах, — которые нам хорошо известны в этрусском языке, — слова радикально (за исключением единственного заимствования — слова *neft*) отличаются от тех, что мы знаем в различных индоевропейских языках, и это не может быть случайностью. *Clan*, сын, *sech*, дочь, *puia*, су-

пруга, *ati*, мать; *ci*, три, *tach*, пять, — все эти примеры весьма показательны и являются доказательством того, что этрусский язык не может быть привязан ни к одной ветви индоевропейской языковой группы.

Фонетика и морфология

Повторим, что эта ситуация не помешала филологам в течение века достичь значительных успехов. Дело не только в том, что сегодня мы имеем словарь этрусского языка, конечно, очень неполный — мы великолепно знаем слова, обозначающие степень родства, а также слово *avil* — год, поскольку в эпитафиях эти слова, очевидно, использовались чаще, чем, скажем, технические термины или абстрактные выражения. Однако серьезных успехов добились еще и в фонетике и морфологии. Выпадение гласных во внутренних слогах было обнаружено давно: имя *Av(i)le* — в связи с *avil* ! — превращается в *avle* и в конечном счете становится латинским именем Авл. По этому поводу можно сделать интересную ремарку, касающуюся точного имени латинского поэта Персия (Персий Флакк Авл), писавшего в I в. до н. э. и принадлежавшего к большой этрусской семье города Вольтерры: его имя правильно пишется на латинском *Aules*, а не *Aulus*, как мы привыкли видеть, и этот нюанс напрямую связан с этрусским языком, на котором говорили его ближайшие предки.

Подписи, высеченные на оборотных сторонах бронзовых зеркал, содержат имена многочисленных греческих героев и богов на этрусском языке и дают нам богатые сведения о лингвистике: *menerva*, Минерва-Афина, стала

menrva, — здесь мы видим заимствование из италийских языков, имя Аполлона на этрусском поначалу писалось *Arulu*, а затем *Arli*; Ахилл, герой *Илиады*, стал *Achle*, а Одиссей-Улисс становится не кем-нибудь, а *Uthste*: вспомним, что в этрусском языке нет ни *o*, ни *d*, а лишь одна гласная *u* и один зубной звук *-t*.

Долгое время считалось, на примере эквивалентных латинских глаголов *dedit*, *dedicavit* и других, что прошедшее время в этрусском языке обозначалось окончанием *-ce* (как и прошедшее время в греческом и в других языках). На votivных предметах часто встречается глагол «*mulu-vaпесе*», обозначающий, что та или иная особа преподнесла данный предмет храму. Однако в этрусском языке зачастую использовались (как нам кажется, без всякого различия) глухие и придыхательные согласные (выше мы видели, что Одиссея называли *Uthste*, хотя и *Utste* также считалось допустимым), следовательно, можно предположить, что прошедшее время с окончанием *-che* имеет такое же значение. Теперь мы убеждены, что глаголы прошедшего времени с окончанием *-che* — это пассивный залог, а глаголы с окончанием *-ce* относятся к действительному залогу.

Литература

До сих пор мы говорили лишь о надписях, сделанных на камне, керамике или бронзе, наподобие тех, что выгравированы на оборотных сторонах зеркал и которые дают нам богатые сведения о заимствованиях из греческого языка. Мы очень ограничены в этих случаях, поскольку такие тексты — единственное, что мы имеем, и, таким образом,

они являются единственными источниками, на основе которых мы можем пролить свет на язык этрусков. Однако в действительности этруски не ограничивались лишь короткими текстами: существовала настоящая этрусская литература, на что намекают многочисленные античные источники.

Религиозная литература

Античные авторы многократно упоминают этрусские книги: *libri haruspicini*, посвященные жертвоприношениям и гаданиям, *libri fulgurales*, посвященные молниям, *libri rituales*, регулировавшие множество ритуальных действий, в частности производившихся при основании новых городов, в том числе и Рима. Книги эти не дошли до нас в оригинальных этрусских вариантах, но мы можем ознакомиться с ними в латинской интерпретации: выдержки и переводы из этих книг оставили нам Авл Цецина из Вольтерры, хороший друг Цицерона, или же Луций Тарквиний Приск, пятый царь Рима (заметим, что оба они были выходцами из знатных этрусских семей). К несчастью, их полные переводы не сохранились, и мы имеем лишь несколько разрозненных цитат, например, в трудах Сенеки и Плиния. Можно достаточно уверенно предположить, что многие этрусские тексты представляли собой написанные на льняном полотне книги, известные в Риме по крайней мере еще в начале периода Республики. Именно так был записан религиозный календарь, разрезанный на куски и впоследствии ставший пеленальными лентами Загребской мумии. Ученые считают, что эти льняные книги, свернутые в свитки, изображены на различных этрус-

ских гипсовых, каменных или глиняных рельефах (например, в знаменитых гробницах в Цере).

...и мирская

В одном из отрывков о римских племенах Варрон, крупный латинский эрудит, сообщает нам о некоем Волнии, который писал трагедии для театра на этрусском языке. Помимо этого известны барельефы из этрусских городов Вольтерры и Перузии, напоминающие декорации для театрального представления. Среди прочих в святилище близ Ареццо был обнаружен настоящий театр из камня со скамьями-ступенями для зрителей (*cavea*); это сооружение датируется второй половиной II в. до н. э. Другой важный литературный жанр в Этрурии, упоминания о котором постоянно встречаются в латинских текстах, это историческая проза. Наиболее яркий пример для нас — это император Клавдий, который в своей речи в Сенате в 48 г. н. э. упомянул *auctores Tusci*, этрусских историков, которых он противопоставил собственно римским: именно этрусские историки позволили ему доказать, что царь Сервий Туллий, настоящее этрусское имя которого было Мастарна, был выходцем из тосканского города Вульчи, а не из латинского города недалеко от Рима. Несомненно, Клавдий, который был женат в первом браке на Ургуланилле, девушке из знатной этрусской семьи, мог использовать семейные архивы. Эти же источники позволяли ему даже, по словам Светония, написать «Историю этрусков» и «Историю Карфагена».

От семейных архивов перейдем к другому ряду источников, которые называются *Elogia Tarquiniensia*: речь

идет о латинских надписях I в. н. э. из этрусского города Тарквинии, в которых рассказывается о деяниях местного аристократического рода Спуринна. Многие выходцы из этой крупной семьи играли роли первого плана в конце периода Республики, например, один из них был личным гаруспиком (жрецом) Юлия Цезаря. Можно предположить, что эти надписи, записанные только в I в. н. э., имели первоисточником более ранние этрусские тексты, описывающие жизнь рода Спуринна начиная с VI в. до н. э. Религиозные книги, а также драматические и исторические произведения — вот причина, по которой молодые богатые римляне IV в. до н. э., например Фабии, ехали учиться в Цере. «Я знаю тексты, доказывающие то, что в то время было общепринятым обучать юных римлян этрусской литературе (*litteris estuscis*), подобно тому, как сегодня обучаются греческой литературе» (Тит Ливий).

ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Признаем честно, происхождение этрусков — это тот вопрос, в котором не было никакого прогресса с начала XX в. Оставим в стороне появившуюся еще в XVIII в. гипотезу о приходе этрусков с севера от ретов. Эта гипотеза впоследствии была доработана с учетом археологических сведений, и в конце XIX в. ее ярким сторонником стал В. Хельбиг, веривший в миграцию италийских и этрусских племен из ретских Альп в конце II тыс. до н. э. Эта «нордическая» теория почти не подтверждается античными источниками. Античные авторы дают две версии происхождения этрусков. Согласно историку Гелланику с Лесбоса, жившему в V в. до н. э., этруски на самом деле

были пеласгами — народностью, занимавшей Балканский полуостров и острова Эгейского моря до греков. Прибыв в Италию по Адриатическому морю, а если быть точнее, — через порт Спина, что в дельте реки По, они направились через Кортону в города Вульчи и Цере. Здесь они и получили свое название «этруски».

Более популярной в античности была гипотеза Геродота, превратившая этрусков в лидийцев из Малой Азии, переселенных при следующих обстоятельствах: «при царе Атисе, сыне Манеса, во всей Лидии наступил сильный голод [от недорода хлеба]. Сначала лидийцы терпеливо переносили нужду, а затем, когда голод начал все более и более усиливаться, они стали искать избавления, придумывая разные средства. Чтобы заглушить голод, они поступали так: один день все время занимались играми, чтобы не думать о пище, а на следующий день ели, прекращая игры. Так лидийцы жили 18 лет. Между тем бедствие не стихало, а еще даже усиливалось. Поэтому царь разделил весь народ на две части и повелел бросить жребий: кому оставаться и кому покинуть родину. Сам царь присоединился к оставшимся на родине, а во главе переселенцев поставил своего сына по имени Тирсен. Те же, кому выпал жребий уезжать из своей страны, отправились к морю в Смирну. Там они построили корабли, погрузили на них всю необходимую утварь и отплыли на поиски пропитания и [новой] родины. Миновав много стран, переселенцы прибыли в землю умбров и построили там город, где и живут до сей поры. Они переименовались, назвав себя по имени сына своего царя [Тирсена], который вывел их за море, тирсенами».

Эта гипотеза получила одобрение практически всех античных авторов и долгое время вводила в заблужде-

ние исследователей нового времени, которые отмечали «восточные» черты этрусской цивилизации. Различные предметы, архитектурные элементы, иконографические мотивы, появившиеся вследствие торговой деятельности или художественного влияния, то есть являвшиеся обыкновенными чертами ориентализирующего стиля, ошибочно объяснялись миграцией с востока. Если же исключить эти свидетельства, не останется решительно ничего, что могло бы оправдать данную точку зрения. В этрусской религии огромное значение уделялось гаданиям, особенно на печени принесенных в жертву животных и людей, и известно, что этот вид гадания был распространен на востоке, в частности в Вавилоне. А ведь религия — это весьма консервативная сфера. На основании этого некоторые исследователи пришли к выводу, что Этрурия была «частичкой Вавилона в Италии». Сейчас уже очевидно, что изложение Геродота является мифическим повествованием, относящим происхождение этрусков к периоду, предшествующему Троянской войне, и связывающим название народа с именем героя-основателя. Восток во всех своих чарующих красках окутывает загадочное рождение тирренского народа, как и римляне не упускали случая подчеркнуть свое троянское происхождение. К тому же совершенно очевидно, что этот рассказ о колонизации имеет много общего с вполне реальной греческой колонизацией, охватившей почти все Средиземноморье, и в первую очередь Италию, начиная с VIII в. до н. э.

Один античный историк выступил против этой гипотезы, имевшей успех среди всех его собратьев. Это был ритор Дионисий Галикарнасский, современник Юлия Цезаря. В своем труде «Римские древности» Дионисий изложил и опроверг две восточные теории, которые мы уже

разбирали, прежде чем изложить свое собственное мнение по поводу происхождения этрусков. Дионисий отметил, что Ксанф Лидийский, один из наиболее авторитетных историков древности у себя на родине, не упоминает ни в одном из своих трудов о предводителе лидийцев по имени Тирсен или о переселении тирренов в Италию. Он также добавляет, что «те, кто хочет видеть в пеласгах и тирренах один народ, серьезно ошибаются». Они, по словам Дионисия, не имеют ни схожих обычаев, ни единого языка. И в заключение он признает в этрусках автохтонный народ, что следует из самобытности их нравов и языка.

Теория Дионисия порождена не столько его научной добросовестностью, сколько политическими взглядами. Этот греческий историк пришел в Рим, восхищаясь его устройством и системой управления. Он активно продвигал в своих трудах идею о том, что римляне имеют греческое происхождение и что культура их создана усилиями людей, пришедших из Греции. То есть он пытается приписать Риму исключительно греческое или восточное происхождение. Таким образом, он не мог согласиться с такой же теорией происхождения относительно этрусков, и автохтонность этого народа стала вполне естественным объяснением, понижающим этрусков по сравнению с римлянами. Дионисий не раз был уличен в негативном отношении к этрускам в своем изложении первых веков истории Рима. Он не только выступал против тезиса о том, что Рим мог быть основан этрусками, поддержанного многими авторами, но и отказывался признавать очевидные этрусские заимствования в римской культуре. Происхождение того или иного обычая или церемонии Дионисий связывал с правлением Ромула или началом Республики, но ни в коем случае не с правлением трех этрусских царей в Риме.

Повествование Геродота также имеет мало общего с научным подходом: оно основано на видении истории народов как постоянной миграции и изобилует деталями романтического характера. Повествование о троянских истоках Рима имеет похожую окраску. Древние народы, имевшие тесные торговые отношения, всегда стремились доказать свое родство, о чем говорит Тацит. Этот историк пишет, что этруски говорили о своем восточном происхождении во время правления Тиберия, и требовали официального постановления, свидетельствовавшего об их родстве с сардами Малой Азии. Последние воспользовались преимуществом благодаря этому единому происхождению, чтобы заявить лично императору о своих древних связях с Италией. Эта тема родства легко объясняет некоторые наиболее известные теории о происхождении этрусков: помимо восточной гипотезы, которая могла восходить к персидскому двору, пеласгская теория могла объясняться интенсивными торговыми отношениями между греками и этрусками в Адриатике в V и IV вв. до н. э. Напротив, идея об автохтонности этрусков могла быть распространена у сиракузцев, которые стремились уничтожить этрусскую гегемонию на морях в первой половине V в. до н. э. и которые несколько не стремились признать в тосканцах «братский» народ.

По причине слабого научного характера этих различных античных теорий современные исследователи этрусков практически не занимаются вопросами их происхождения. Неразрешимой проблемой, над которой постоянно ломают голову исследователи, стала, в частности, проблема этрусского языка, который не является родственным никакому другому. Необходимо честно признать, что вопрос происхождения этрусков по сей день остается открытым.

ГЛАВА 2

ПЯТЬ НАЗВАНИЙ ЭТРУСКОВ

ЭТРУСКИ, ТУСКИ, ТИРРЕНЫ/ТИРСЕНЫ

«Тиррены у римлян были известны под именами *этруски* и *туски*. Греки звали их тирренами в честь Тирсена, сына Атиса, который, согласно легенде, отправил из Лидии поселенцев к прибрежным районам» (Страбон). В настоящее время мы употребляем этноним *этруски* и говорим об этрусской цивилизации лишь благодаря тому, что на латыни этот народ назывался *Etrusci*. По словам Страбона, это название не было единственным, — другой этноним *Tusci* немедленно вызывает ассоциации с Тосканой. Но нельзя идентифицировать древнюю Этрурию с одной лишь итальянской провинцией, хоть именно там и открыли древности этрусков в XVI в. Также добавим, согласно Страбону, что греки, как правило, называли своих средиземноморских противников «Τυρρηνοί» или «Τυρσηνοί» — в зависимости от диалекта и от периода; во всяком случае, у Геродота и в различных надписях в Дельфах мы встречаем вторую форму. Совокупность этих трех названий не должна удивлять нас, поскольку все они восходят к одному корню **turs*, к которому добавлены различные

префиксы и суффиксы и который претерпел вполне понятные фонетические изменения: так, оба латинских слова имеют суффикс *-с*, который, по-видимому, использовался для обозначения многочисленных народов Центральной Италии, соседствующих с римлянами, например, *Vols-c-i*, *Нерні-с-і*, *Аугун-с-і* (вольски, герники, аврунки). Все они были покорены римлянами в начале периода Республики, еще до первых столкновений Рима с этрусками. Так, **turs-c-i* (*i* обозначало множественное число) дает *tussci*, а затем *tusci*, вследствие регрессивной ассимиляции *-г*, *-с*, *-s*, а затем упрощения двойной согласной.

Возможно, именно этот корень **turs* встречается и в других языках. Обратимся теперь к одному историческому событию, благодаря которому мы, возможно, чуть больше узнаем о древнейшей истории этрусков. Египетские источники (иероглифические надписи в Карнакском храме и погребальном храме Рамзеса III) повествуют о вторжении «народов моря» в 1232—1190 гг. до н. э., то есть в годы правления Минептаха и Рамзеса III — именно в эту эпоху Восточное Средиземноморье потерпело ряд потрясений, самым крупным из которых стало падение Трои и Хеттского царства. Итак, среди этих «народов моря» имеются вполне легко узнаваемые, такие как ахейцы (Акаоуаш), филистимляне (Peleset), ликийцы (Loukou) и не так хорошо узнаваемые сарды (Shardance, нам известны сарды из Малой Азии), сицилийцы (Shakalesh). В этом списке фигурируют и Т(о)ursha. Не являются ли они нашими знаменитыми тирренами-тирсенами-тусками? Если Tursha — это и есть будущие этруски, то перед нами свидетельство их путешествия на восток в конце II тыс. до н. э., и это очень сильный довод в пользу гипотезы об их восточном происхождении.

Турсикина из Клузия

Если говорить о менее романтических и менее экзотических источниках, то мы будем весьма удивлены, обнаружив этот же самый корень **turs(i)k* в Этрурии и на этрусском языке. В Лувре хранится золотая фибула конца VII в. до н. э., найденная в Каstellучо ди Пиенца, недалеко от Клузия: на этом украшении имеется длинная надпись, свидетельствующая о том, что одним из владельцев этого особенного украшения был некто Турсикина. Перед нами имя собственное. Это понятно, исходя из окончания *-na*, которое свойственно этрусским фамилиям (Порсена, Вибенна). Быть может, наш Турсикина вернулся в Этрурию, став богатым в другой стране, и смог приобрести такой престижный, изысканный, выполненный великолепной техникой предмет из драгоценного металла.

ЛИДИЙЦЫ ВЕРГИЛИЯ

В латинской литературе не всегда используются этнонимы *Tusci* или *Etrusci* для обозначения этрусков. В частности, поэты чаще используют слово *Lydi*. Этот этноним, обозначающий лидийцев, жителей крупного региона Малой Азии, поначалу может смутить нас, однако если мы говорим только об италийских народах, двусмысленности можно избежать. В античной литературе преобладала теория восточного происхождения этрусков: это было единодушное суждение древних авторов о том, что этруски были мигрантами из Малой Азии, а точнее из Лидии, следовательно, лидийцами. Впрочем, эта теория предпо-

лагала определенные этимологические вариации на тему сходств между словами *ludus* (игрой), *ludius* (гладиатор) и *Lydi* (лидийцы). Это приводило античных авторов к заключению, что этруски изобрели очень много игр до своего отъезда из Малой Азии. То, что Геродот нам рассказывает об игре в кости, подтверждается современными исследованиями: во-первых, в Этрурии было найдено множество игральных костей, а экземпляры, найденные в Вульчи, отличаются тем, что цифры на их сторонах были написаны прописью; на орнаментах, украшающих гробницы в Цере, можно обнаружить игровой стол, а литературные (Тит Ливий) и иконографические источники (сосуд в стиле буккерио из Клузия, украшенный круговым штампом; фреска из Капуи) также свидетельствуют о любви этрусков к игре в кости.

Вергилий в «Энеиде» зачастую также использует слово «лидийцы». Родился он близ Мантуи, в деревне Андес, и не отрицал того, что его родина была этрусской до того, как стала частью провинции Цизальпинской Галлии. В песне 10 «Энеиды», в отрывке, где перечислялись этрусские корабли, поэт не упустил случая рассказать об истоках своего родного города и подчеркнуть их этрусскую доминанту. Раскопки в Мантуе, проведенные в последние годы, полностью подтвердили, как мы увидим в следующей главе, этрусское происхождение города, а также подарили нам многочисленные этрусские надписи. И это еще не все: тот, кого мы всегда называли Вергилием, в действительности носил, как и любой добропорядочный римский гражданин, три имени (имя, фамилию и прозвище) — Публий Вергилий Марон. Так вот, фамилия Марон, похожая, быть может, на другие обычные латинские фамилии, как Цицерон или Туберон, связана с независимой Этрурией:

у этрусков слово *taru* (в их языке нет гласной -о) обозначало магистрата далеко не низкого ранга, и можно предположить, что семья Вергилия захотела сохранить этот почетный знак для своих потомков.

Однако можно вспомнить не только о родном городе или о фамилии, говоря о Вергилии и этрусках. Эпический шедевр античной литературы несет явную печать любви к этрускам. Ведь все предшествующие источники причисляли этрусские города к противникам Энея в его борьбе с рутулами Турна, а в «Энеиде» они причислены к его союзникам, от Мантуи до острова Эльба, обладающего «неисчерпаемыми ресурсами металла». Таким образом, этруски имели прямое отношение к победе Энея, а значит, и к основанию Рима. Единственной тенью на этой идеальной картине была фигура Мезенция, тирана Цере, жестокого «врага богов», который, помимо прочих своих безумств, убивал заключенных, привязывая их на несколько дней к трупам. Что примечательно, имя Мезенций было обнаружено недавно, на кувшине VII в. до н. э. из Цере. Эту надпись, выгравированную на сосуде, ныне хранящемся в Лувре, выявил Д. Брикель, специалист по этрусской эпиграфике.

Преданность Вергилия своим этрусским прародителям достигает высшей точки в описании происхождения Энея и его соратников. Эти троянцы были потомками некого отправившегося в Малую Азию Дарданоса, который был выходцем из этрусского Корифа, или Кортоня, то есть из самого сердца Этрурии. То есть для троянцев Энея переезд в Центральную Италию, запланированный богами, был не чем иным, как возвращением к истокам. И если за этрусками часто признают лишь заслугу в благоустройстве Рима в VII — VI вв. до н. э., когда были осушены заболоченные

долины, замощена площадь, построены храмы и театры, то, читая Вергилия, есть искушение сказать, что этруски стояли у самых истоков основания города.

РАЗЕННЫ/РАСНА

Этруски, тосканцы, тиррены, лидийцы — так их называли греки или римляне. Учитывая то, что наши источники в большинстве своем являются косвенными, можем ли мы узнать, как они называли себя сами? Мы имеем одно ценное указание, зачастую отвергаемое нынешними исследователями, на наш взгляд, весьма скоропалительно. Дионисий Галикарнасский, о познаниях которого, равно как и о предубеждениях против этрусков, мы уже говорили, сообщает в первой книге «Римских древностей», что этруски называли себя именем одного из своих царей — Разенна, а вследствие выпадения гласной, начиная с V в. до н. э. — расна. Это слово звучит очень по-этрусски со своим суффиксом *-na*, уже знакомым нам, который фигурировал в различных надписях. И одна из них, а возможно, и группа надписей, заставила некоторых авторов поставить под сомнение слова Дионисия.

Мы часто встречали словосочетание «*zilath mechl rasnal*», которое переводилось как *praetor populorum Etruriae* (претор народов Этрурии). Слово *zilath* хорошо известно, оно обозначает высшую магистратуру этрусской республики, слово *rasnal* переводится согласно Дионисию, а вот *mechl* остается неизвестным. В совокупности словосочетание похоже на обозначение высшей магистратуры независимой Этрурии, которая в латинской форме, указанной выше, встречается во многих эпиграфических

текстах. Тем не менее некоторые современные лингвисты обнаружили, что сочетание «zilath mechl gasnal», фигурировавшее также в Кортонской табличке, должно читаться вместе с названием города, и, следовательно, переводить нужно *praetor rei-publicae*: речь шла не о магистрате всего этрусского народа, а лишь о верховном магистрате каждого города.

Дионисий Галикарнасский, таким образом, ошибался: слово *rasna* следует понимать не как «этрусская», а как часть слова «республика». Похожая проблема возникает с выражением «tular gasnal», начертанном на межевых столбах близ Кортонны (известно, что слово «tular» является эквивалентом латинского *finis* и обозначает «территориальную границу»): являются ли эти столбы знаками границ Этрурии? Навряд ли, так как они находятся весьма далеко от течения реки Тибр, которая считалась границей Этрурии. Таким образом, напрашивается другая интерпретация — это пограничные столбы города Кортонны. С другой стороны, в Фезулах был найден еще один межевой столб с надписью «tular sprinal», что означает «границы города». Почему формулировка отличается от кортонской? Почему в том случае было использовано слово «gasna»? Итак, необходимо искать другое объяснение и предположить, что в случае с Кортонной слово «расна» могло означать имя собственное и границу частной собственности.

ГЛАВА 3

ТРИ ЭТРУРИИ

ТИРРЕНСКАЯ ЭТРУРИЯ

Границы региона

Традиционно тирренская Этрурия — это регион между Арно, Тибром и Средиземноморьем (Тирренским морем). Однако эти границы являются скорее культурными, нежели политическими, и со временем они изменялись. Начнем с города Фезулы, который в эпоху этрусков был более значимым, чем Флоренция, и который некоторое время мог быть одним из двенадцати городов Додекаполиса. Здесь находятся наиболее красивые погребения, выполненные в «восточном» стиле, наподобие толосов. Например, гробница Монтаньола в Кьинто Фьорентино, в которой имеется центральная колонна; курганы Комеаны; толос Монтефортини (640—630 гг. до н. э.), в котором был найден ряд необыкновенных изделий из слоновой кости. Эта территория, не оставшаяся в стороне от культуры вилланова, несомненно, находилась под влиянием Фезул. В районе между Флоренцией и Болоньей, между реками Арно и Сиеве, за последние годы были найдены многочисленные следы проживания

этрусков, начиная с VII в. до н. э. и вплоть до римского завоевания. В ходе раскопок в Пожжио Колла было обнаружено, что в этом регионе имел место расцвет ряда этруских поселений (Фрасколе, Лонда, Понтассиеве, Сан Пьеро а Сьеве), следовательно, можно заключить, что мало-помалу «пустоты» между рекой Арно и паданской Этрурией заполнялись этрускими поселениями. Подобная «пропасть», но только на юге, между долиной Тибра и территорией Капуи также активно заполнялась в ходе открытий, сделанных, например, в Аньано или Фрозиноне.

На северной границе это не единственные исключения: города Лукка и Пиза, что в нижнем течении Арно, также располагались на правом берегу, или, во всяком случае, севернее Арно. Что же до верхнего течения этой реки, оно представляет собой странный изгиб, который окружает этрусскую область Казентино, где находилось очень важное святилище в Монте-Фальтероне. Если же Тибр отделяет этрусков от умбров, сабинов или латинян, — дуэт этруских Вейев (правый берег) и латинского Рима (левый берег) весьма показателен, — есть и более завуалированные примеры: Фалерии и Капена (правый берег) не являются этрускоговорящими, а Фидены (левый берег) всегда были ближе к Вейям, нежели к Риму. Наконец, морская граница, или тирренская, не является только лишь береговой линией: остров Эльба является жизненно важной точкой для этрусской цивилизации, также не следует забывать об острове Джильо, что расположен перед мысом Арджентарио, вблизи которого были обнаружены обломки судна, к которым мы обратимся в конце этого труда.

Географические черты

Тирренская Этрурия была разделена на двенадцать городов-государств, составлявших т.н. додекаполис. Однако, вместо того чтобы изучать каждый из этих городов по отдельности, мы дадим характеристику историко-географическим зонам, в которых расположены эти города. Благодаря богатству Этрурии появилась возможность товарообмена и торговли, что в итоге способствовало появлению цивилизации. Мы встречаем множество текстов о плодородии этрусских земель, например, у Диодора Сицилийского: «Поскольку они живут на земле, богатой разнообразными плодами и усердно ее возделывают, они имеют в избытке сельскохозяйственные продукты. Свойства их почв позволяют им вести изнеженный образ жизни, поскольку, населяя бесконечно плодородную страну, где может произрастать все, они имеют про запас разные плоды. Действительно, Этрурия, занимающая главным образом долины, разделенные холмами со склонами, пригодными для земледелия, очень плодородна; влажность на ее территории умеренна не только зимой, но и летом».

Хотя пышные погребения в восточном стиле имеются повсеместно, как мы видели на примере Флоренции и близлежащих территорий, а также в Вольтерре и Ветулонии, все же южная приморская Этрурия была самым быстроразвивающимся регионом. Цере, Тарквинии, Вейи, Вульчи — все они расположены недалеко от моря, но не на побережье. У городских стен располагались некрополи, которые сегодня являются единственным свидетельством роскошного прошлого этих горделивых тосканских столиц. Наиболее ярким примером в этом отношении яв-

ляется Вульчи — в свое время город был надолго оставлен жителями из-за смертельной эпидемии.

Этрусский город Цере (современный Черветери), властитель моря, которое находилось всего в нескольких километрах от него, был построен на плато между впадинами Манганелло и Мола, а на соседних плато (Бандитачча, Монте Абатоне) были обнаружены крупные некрополи. Город Тарквинии был построен на плато Чивита, а река Марта, вытекающая из озера Большена, текла на север города, благоприятствуя тем самым сообщению с Тирренским морем. Знаменитый некрополь Монтероцци с подземными гробницами, украшенными фресками, располагается на соседнем плато рядом с Чивита, чуть западнее, ближе к морю. Помимо реки Марты, которую мы только что упомянули, было множество маленьких речушек, и они сильно упрощали сообщение внутри Этрурии: река Фьора протекала с юга на север, в Вульчи, Омбронна, доходящая до Мурло, и Цецина. Плутарх неоднократно упоминает этрусские реки. Необходимо упомянуть и о множестве озер, таких как Большена, или Браччиано, которые разместились в древних кратерах. Некоторые лагуны вдоль моря были высушены и теперь не сохранились: например, озеро Прелиус, на берегах которого располагались города Ветулония и Розелле. Эти лагуны выступали в качестве портов и позволяли кораблям причаливать в менее опасных условиях. Следует сказать, что в этой части Тирренского моря берега не очень удобны, однако в древние времена люди довольствовались легкими портовыми сооружениями.

Горные образования здесь более разнообразны благодаря известнякам и песчаникам, а горные вершины тут достигают высоты более 1000 метров (Монте Амиата, Че-

тона). Города также выглядят по-другому, поскольку они расположены не на плато из туфовых залежей, как, например, Орвието, который нынешние жители называют «Скала»: подобное зрелище можно увидеть лишь на Адриатическом побережье и в Веруккьо, близ Римини. Так, город Перузия был построен на одном из небольших холмов с отличным видом на долину реки Тибр. Но нужно признать, что размеры поселений в этом регионе не превышали 30 га (Кортонна, Ареццо, Клузий, Фезулы), то есть были намного меньше, чем, скажем, в городах Южной Этрурии, начиная с Вейцев. Так например, поселение Перузия было намного менее крупным, нежели в наши дни. Напротив, этруская Вольтерра была намного больше, как видно по очертаниям городских стен, чем поселение эпохи Средневековья и Нового времени.

Ресурсы: сельское хозяйство

Как мы уже видели, Этрурия всегда славилась плодородием своих земель, несмотря на то, что равнины здесь были не очень обширными. Можно предположить, что завоевание Кампании и долины реки По имели целью овладеть новыми плодородными землями. Слова Диодора Сицилийского о влажности данного региона могли удивить нас, но именно здесь мы должны подчеркнуть их: дело в том, что избыточная влажность была бóльшим врагом сельского хозяйства, нежели засуха; именно влажность была причиной голода. Диодор не упускает случая сообщить об особенностях работы этрусских крестьян. Не случайно на одной из сторон бронзовой повозки из Бисенцио конца VIII в. до н. э. изображены воины, а на

другой — сельскохозяйственные сцены. Символическим свидетельством этой деятельности также стала небольшая бронзовая скульптура из Аррецо около 400 г. до н. э., изображающая крестьянина с плугом, который тянут два запряженных быка: если это не типичная сельскохозяйственная сцена, то скорее ритуальный момент при основании города, указывающий на основной вид деятельности. В ряду менее «художественных» творений привлекают внимания большие глиняные сосуды, покрытые красной глазурной краской и украшенные штампованными рельефами. Созданные в Южной Этрурии, в городе Цере, очевидно, они предназначались для хранения сельскохозяйственных продуктов.

Этруски могли производить хлеб, вино и масло в больших количествах. Во время периода Республики они были если не «хлебным амбаром» Рима, то, во всяком случае, снабжали римлян зерном при неурожае. Во время Второй Пунической войны, как сообщается у Тита Ливия, этрусские крестьяне собирались поддержать африканскую экспедицию, предоставив Сципиону Старшему зерно, необходимое для войск. Помимо прочего, они поставляли лес для строительства кораблей. Знаменитый Циминиенский лес, что между Сутри и Витербой, был в этом отношении нескончаемым источником ресурсов. Леса были полезны во многих отношениях, поскольку они давали дрова для отопления, использовались в больших количествах в печах для плавки металла, и в них водилась дичь. Была очень популярна этрусская охота на кабанов. Не случайно в период Вилланова сцены охоты, выполненные различными техниками, были одним из самых распространенных мотивов этрусской иконографии. Одна лишь фраза Плутарха об Этрурии подытожит сказанное: «Вся эта страна усаже-

на деревьями, богата пастбищами для скота и прекрасно орошена реками».

Поначалу этрусски привозили масло из Греции, точнее, из Коринфа. Оттуда они заимствовали и само название: на небольшом этрусском сосуде буккерио 650—630 гг. до н. э. нанесена надпись «aska eleivana», что означает, вопреки сомнениям некоторых исследователей, простую транскрипцию с греческого — «сосуд для масла». И все же, начиная с того момента, когда было начато этрусско-коринфское производство специальных сосудов, наполненных ароматическими маслами и сделанных непосредственно в Этрурии (в Вульчи, в Тарквинии), следует заметить, что этрусски самостоятельно производили и само масло. Они не только умели подражать грекам, но и стали их соперниками, о чем можно судить по активному экспорту этих небольших этрусско-коринфских сосудов почти по всему Средиземноморью, например в Карфаген.

Вино также производилось повсюду в Этрурии, и в настоящее время считается, что виноградарство восходит к периоду Вилланова. Это вино экспортировалось на различные иностранные рынки начиная с VII в. до н. э., что можно утверждать сначала по амфорам, изготовленным в Цере, Вульчи и Пизе, а затем и по бронзовым сосудам, в частности по кувшинам с длинным носиком, обнаруженным севернее Альп. Отсутствие этрусских амфор для перевозки во внутренней Галлии (хотя в Лионе они были обнаружены) ничего не доказывает, поскольку этрусское вино могло перевозиться в других сосудах или в бочках (были обнаружены небольшие деревянные бочки в погребениях Черветери). Этруски получали высокие доходы, как, например, Цере, где делают вино и по сей день. Плиний сообщает о том, что вина из области Тарквинии-

Вульчи могут сравниться с лучшими. Все сельскохозяйственное богатство этрусков превосходно выражается в том, что оно, по словам многих авторов, заставило галлов вторгнуться в Италию: вином и маслом Этрурии клузиец Аррунт прельстил галлов и убедил совершить длинное путешествие на юг (Тит Ливий).

Горные ресурсы

Богатые угодьями равнины; озера, изобилующие рыбой; леса, богатые дичью, где растут огромные сосны, пихта, бук и дуб, востребованные для морского судостроения. Единственной тенью на этой идеальной картине, особенно если сравнивать Этрурию с Грецией, стало отсутствие каменных и мраморных карьеров. Мрамор из Каррары начали использовать лишь с окончанием периода Римской республики, и в этрусских некрополях и святилищах мраморные саркофаги или статуэтки всегда были исключением. Тосканцы, очевидно, предпочитали обожженную глину для архитектурных конструкций и декора. Но даже если этрусское сельское хозяйство подарило огромное богатство части населения и античные источники постоянно говорят о плодородии страны, то значение подземных и горных ресурсов было преувеличено античными авторами. Отсутствие в этом отношении открытий в археологии обусловлено самой природой исследований: рудники разрабатывались веками и зачастую следы этрусского периода были попросту стерты. Иногда сложно, за отсутствием показательных находок, установить, что та или иная шахта или подземный ход относится к этрусской или римской или средневековой эпохе. Но тем не менее,

в нескольких этрусских поселениях были найдены печи и металлургические горны. Ни у кого нет сомнений в значимости горнопромышленного и металлургического района, образованного островом Эльбой и Популонией: начиная с Вергилия, воспевавшего остров «щедрый на неисчерпаемые железные руды».

Многие авторы подчеркивали изобилие металла, в частности железа с острова, который греки прозвали Эфалией, «черный от сажи» (Диодор Сицилийский). Известно, что поиски руды были двигателем греческой колонизации вдоль берегов Тирренского моря, а открытие гематита с острова Эльбы на Искье не требует комментариев: это был очевидный взлет этрусской цивилизации.

Чтобы покончить с «железной темой» острова Эльбы и подтвердить, что это железо имело обычай путешествовать на юг, процитируем античного автора. Диодор Сицилийский, основываясь на данных Посидония Апамейского, писал: «Остров Эльба богат железосодержащими породами, которые дробят на кусочки для последующей плавки и подготовки металла. Занимающиеся этим трудом мастера дробят металл и плавят его в превосходных печах: там, на сильном огне металл плавится и выливается в слитки определенных размеров, похожие на большие губки. Купцы покупают их оптом и привозят в Путеолы, а также на другие рынки. Затем кузнецы обрабатывают их и производят всевозможные изделия. Они делают разного рода оружие, кирки, серпы и прочие орудия очень высокого качества. Затем купцы экспортируют эти изделия по всему миру».

Остров Эльба — далеко не единственный регион Этрурии, богатый рудами. Необходимо также упомянуть территорию Популонии, в особенности прилегающую к Кампи-

ля Марритима, а также целый регион между Вольтеррой и Масса Марритима, обозначенные итальянским термином, в переводе означающем «богатые металлом холмы». Там добывали железо и медь, а также свинец, серебро и олово. Основная зона добычи олова находилась во французской Бретани и особенно на английском полуострове Корнуолл: длинный «оловянный путь» вплоть до юга Италии, несомненно, оставил множество следов, например, знаменитый кратер из Вика, соседствовавший с сосудами из этрусской бронзы в захоронении кельтской принцессы. В ходе раскопок близ Масса Марритима, проводимых в последние годы Дж. Кампореале, было обнаружено поселение VII—VI вв. до н. э., в котором проживали рабочие и инженеры, разрабатывающие близлежащие рудники. Археологи смогли доказать, что поселение определенно находилось в подчинении у этрусского города Ветулония.

Другие металлоносные регионы, которые можно упомянуть, находятся в Апуанских Альпах к северу от Пизы, вокруг Аррецо и в горах Толфа между двумя крупными южными городами Тарквинии и Цере, которые, вероятно, соревновались между собой в первенстве: на этих территориях было железо, медь, свинец и серебро.

Естественно, этруски не ограничивались одной лишь разработкой своих рудников и экспортом сырой руды, который был серьезным источником доходов. Тосканцы, несомненно, использовали железо, медь и олово для изготовления различных орудий, посуды или votивных предметов, статуй и статуэток, ставших шедеврами этрусского искусства. Об этом свидетельствуют такие изделия, как Химера из Аррецо, статуя Оратора из Тразименского озера, трезубцы из Вульчи, светильники, чаши для питья из бронзы, кувшины для вина с длинным носиком, ситулы,

ладанники, стамносы, резервуары с жемчужными (иногда) краями, экспортировавшиеся в Европу в большом количестве. Кувшины с длинным носиком, в частности, завоевали кельтский мир в V в. до н. э., и местные народы копировали формы этих металлических сосудов. Некоторые полагают, что орнаменты на ручках этих этрусско-италийских бронзовых сосудов оказали определенное влияние на формирование кельтского искусства. Хотя в источниках зачастую и нет ссылок на более древние периоды, античные авторы отлично осознавали богатство этрусков, позволявшее уже в погребениях периода Вилланова оставлять бронзовые изделия внушительных размеров, намного больше, чем в некрополях греков.

ДВЕ ПРОВИНЦИИ ЭТРУРИИ

Говоря на эту тему, прежде всего необходимо процитировать Полибия и Страбона, которые подчеркивают существование двух этрусских «провинций» и сопоставляют их историю. Полибий, например, пишет о долине реки По, которую поэты часто называли Эридан: «Равнинами владели некогда тиррены, равно как и так называемыми Флегрейскими полями в окрестностях Капуи и Нолы, которые многим хорошо известны и пользуются славой за свое плодородие. Таким образом, при изучении истории тирренского владычества следует иметь в виду не только ту страну, которую они занимают теперь, но названные выше равнины и те богатые средства, какие извлекали они из тех местностей. По соседству с тирренами и в сношениях с ними были кельты. С завистью взирая на блага этой страны, они по маловажному поводу внезапно с

огромным войском напали на тирренов, вытеснили их из области Пада и сами завладели равнинами». Что касается Страбона, его интересует Кампания, где он отмечает тот же ход событий: «Прежде всего, поговорим о Кампании. Некоторые утверждают, что в Кампании изначально жили опики и авсоны, затем — оски из Сидицин, вытесненные впоследствии кумейцами, которые в свою очередь были изгнаны тирренцами. Плодородие местных земель превосходило все ожидания завоевателей. Тирренцы основали здесь двенадцать городов, главный из которых был назван Капуя. Но чрезмерная роскошь жизни тирренцев вскоре заставила их утонуть в изнеженности, поэтому, подобно тому как они удалились из долины реки По, они вынуждены были покинуть Кампанию перед угрозой самнитов, которых впоследствии вытеснили римляне». Вполне очевидно, что два этих отрывка свидетельствуют об исключительном богатстве двух долин, паданской и кампанийской, которые какое-то время принадлежали этрускам.

Паданская Этрурия

Легенды об основании

История паданской Этрурии была серьезно пересмотрена в последние годы, как в географическом, так и в хронологическом аспектах, благодаря многочисленным археологическим открытиям. Помимо Болоньи, которая всегда оставалась столицей и метрополией этой северной «провинции», особое место в созвездии этрусских городов занимали Веруккьо и Мантуя. На другой стороне, на западе, в Рубьере, что в долине реки Секкьи, были обна-

ружены два надгробия с надписями на этрусском языке, которые указывают на то, что с конца VII в. до н. э. эта территория, близкая к Реджио Эмилия, уже была сильно подвержена этрусскому влиянию. На одной из двух надписей было впервые обнаружено слово *zilath*, как известно, обозначающее верховного магистрата, соответствующего римскому претору, но такие свидетельства, скорее, ожидалось найти в таком городе, как Тарквинии: этот *zilath* Авл Амфура, скорее, был там «царем» или военачальником. Открытия этрусских надписей всегда показательны, и открытие длинной надписи, датируемой концом VII в. до н. э., в Болонье великолепно показывает преемственность между виллановианским и этрусским периодами.

Предания, собранные Сервием, комментатором Вергилия, указывают на двух героев-основателей паданской Этрурии, в частности, города Мантуя, такого дорогого сердцу латинского поэта. По словам одних, Мантую и весь паданский додекаполис основал сам Таркон, брат Тирсена, героя-эпонима Тарквиниев. Эту легенду передавали авторы, отлично знавшие этрусские реалии, — Веррий Флакк, написавший в эпоху Августа труд «*Res Etruscae*», и Цецина, выходец из знатной семьи города Вольтерра. Другие источники сообщают, что основателем был некто Окн, сын или брат Авлета, царя Перузии, который был выходцем из Мантуи. Окна (или Аукна) также называют сына Тибра (настоящая этруская река-бог) и Манто, нимфы из Мантуи.

Объединившись, эти две легенды превращают паданскую Этрурию в часть тирренской Этрурии, при этом они отличаются по хронологическому принципу, — первая относит нас к самым истокам этрусского народа, в то время как вторая, где фигурировал город Перузия, появив-

шийся достаточно поздно, очевидно, относится к более позднему периоду. Также выделяют две стадии колонизации: первая в IX—VIII вв. до н. э., то есть в эпоху Вилланова, целью ее был поиск новых сельскохозяйственных угодий; и вторая, начавшаяся во второй половине VI в. до н. э., была вызвана интересами торговли. Обратимся к эпиграфическим источникам, например в Болонье, и особенно в Марцоботто, большинство фамилий имеют особый суффикс *-alu*, а суффикс *-na*, часто встречающийся в остальной Этрурии, напротив, тут почти не употребляется. Безусловно, выводы могут быть разными, но в данной ситуации безосновательно полагать, что крупная волна миграции двинулась из тирренской Этрурии, из Клузия или Орвието: несомненно, не стоит закрывать глаза на региональное развитие и «колонизацию», происходившую в пределах «Падании».

Можно сказать с уверенностью, что эти «миграции» населения завершились созданием второго союза двенадцати городов на севере Апеннинского полуострова. Тит Ливий весьма ясно выразился: «Между двумя морями» — речь идет о Тирренском и Адриатическом морях — «этруски обосновались двумя группами по двенадцать городов, сначала по ту сторону Апеннин, на Нижнем море, а затем отправились на другую, основав там колонии; эти колонии заняли всю землю от реки По до Альп, за исключением уголка венетов, живущих вдоль залива». Были попытки увидеть в этой колонизации отголоски политических решений, принятых на более высоком союзном уровне, но тот факт, что первые паданские колонии были очень древними (эпоха Вилланова) не вписывается в данную теорию, поскольку этрусский союз не мог функционировать ранее конца VII в. до н. э.

Болонья

Теперь обратимся к Фельсине (по-этрусски — Вельсна), что впоследствии стала Боннонией, а затем Болоньей, когда племена бойев завладели городом. Она является столицей паданской Этрурии и в то же время крупным самостоятельным городом, о чем свидетельствуют археологические данные, и в частности, некрополи общей площадью 300 га. Именно это делает Болонью крупнейшим городом всей Этрурии. Поскольку в истории этого города прослеживается поразительная преемственность вплоть до современной эпохи, весьма сложной задачей становится исследование первоначального поселения, и хотя, например, были обнаружены сотни жилищ, тем не менее в крупных городах, как известно, они не занимали всю территорию, а иногда целые кварталы сначала проектировались и лишь потом застраивались.

Были обнаружены тысячи захоронений, которые позволили весьма точно выделить этапы в истории Болоньи, начиная с Бронзового века и до римского периода, когда в 189 г. до н. э. она превратилась в римскую колонию Боннонию. Необычайная роскошь некоторых погребений, изобилующих различными предметами, особенно аттическими вазами, привезенными из порта Спины, а также бронзой из Южной Этрурии, заставляет нас задаться вопросом об «успехе» Фельсины, который, вероятно, основывался на земледелии и металлургии. Не перечисляя всех бронзовых изделий, обнаруженных в гробницах, приведем лишь удивительный пример целого «склада», состоящего из почти пятнадцати тысяч различных орудий труда и изделий из бронзы, открытого на Пьяцца сан Франческо. Не стоит забывать и о географическом положении города:

этот центр контролировал течение реки Рено, впадающей в По. Также Фельсина могла контролировать дорогу в Мантую, а вместе с ней — в альпийские ущелья и Центральную Европу.

Как и все этрусские города, Болонья имела свою уникальную продукцию, которая нигде больше не встречалась. Это подковообразные стелы из песчаника, которые устанавливались на аристократических погребениях и которые в настоящее время стали гордостью Городского музея. Эти стелы восходят к прототипам эпохи Виллановы — большим прямоугольным плитам с диском на верхушке: возможно, это было подобием человеческого тела, как канопы из Клузия. В V и в IV вв. до н. э. округлая часть стелы превратилась в подкову, а прямоугольная часть значительно уменьшилась, чтобы ее можно было закрепить в земле. Эти подковообразные стелы уникальны, и их рельеф формируется путем выдалбливания материала вокруг фигур, причем на внутренних элементах выполнялись надрезы, а благодаря покраске можно было различить другие орнаменты. Декоративные изображения на стелах зачастую содержат схожие темы, например, дальние путешествия или похоронные процессии. Иногда встречаются сцены сражений между всадником и обнаженным пешим воином, которые можно интерпретировать как битвы между этрусским всадником и галльским воином, которые, вероятно, происходили в середине IV в. В редких случаях на этих стелах фигурирует имя умершего, написанное между двумя рельефами, например, имя Вел Каикна, выходца из знатной семьи Цецина, — он был, кажется, богатым судовладельцем или же могущественным полководцем, если судить по кораблю с гоплитами, изображенному на одной из сторон этой стелы, найденной в болонском некрополе

Джардини Маргерита. Ошибкой было бы не рассказать о красивом цилиндрическом сосуде, найденном в Болонье — ситуле Чартозы, найденной в могильнике начала V в. до н. э. Эти ситулы напоминают бронзовые ведра, сделанные из чеканных пластин; одним из шедевров является ситула Бенвенути в Эсте, датируемая VII в. до н. э. Мотивы, изображенные на этих ситулах — которые, несомненно, были предназначены для вина до того, как они оказались в погребении, — это сцены охоты, войны, спортивных или музыкальных соревнований, пиршеств и земледельческой жизни.

Спина

Город Спина, что в южной части дельты реки По, в период Античности располагался на берегу моря, с тех пор береговая линия немного сместилась к востоку. Можно ли считать его одним из двенадцати городов паданского додекаполиса? Прежде чем рассматривать различные гипотезы на этот счет, необходимо понять археологическое значение Спины, где было обнаружено 3800 погребений, открытых во время работ по осушению и удалению соли из лагуны. В этих погребениях, датируемых в большинстве своем V и IV вв. до н. э., были обнаружены тысячи аттических сосудов, нередко роскошных, в частности, больших кратеров, которые в настоящее время находятся в музее Феррары. В связи с этим возникает первый вопрос: греческое или этрусское происхождение у Спины? В некоторых источниках она упоминается как эллинистический полис (например, у Страбона). Также известно, что Спина, как и Цере, и Сифнос, и Афины, обладала храмом (так

называемой «Сокровищницей») в общегреческом религиозном центре в Дельфах. Но может ли это обстоятельство свидетельствовать о греческом происхождении Спины? Среди эпиграфических памятников Спины, конечно, присутствуют греческие надписи, но 70% всех надписей сделаны на этрусском языке в написании, совпадающем с письменностью северных городов Этрурии (Клузий, Пиза, Вольтерра).

Вторая задача — определить, являлась ли Спина настоящим городом, или просто портом, эмпорием, политически и экономически зависящим от Болоньи. Во всех эпитафиях имена жителей Спины состояли из одного слова, в то время как свободные жители Этрурии носили как минимум имя и фамилию. Можно ли из этого заключить, что жители Спины были ниже статусом, «зависимыми» от болонской купеческой аристократии? Однако подобная ситуация с именами была зафиксирована и в других городах, и это не может служить окончательным аргументом. Несмотря на то что поселение Спины изучено хуже, чем некрополь, исследователи отмечают, что город имел регулярную прямоугольную планировку и систему каналов. Таким образом, мы вправе полагать, что Спина — это город в полном смысле слова, который стал частью паданского додекаполиса и который конечно же постоянно поддерживал прямую связь со столицей, Болоньей. Греческое вино, выменянное на этрусский хлеб из паданской равнины, а также греческие амфоры, впоследствии попадавшие в Болонью, Мантую и далее, в кельтские мир, — все это приходило в Этрурию именно через Спину. Богатства, сохранившиеся в Сокровищнице Спины в Дельфах, очевидно, были получены от разного рода торговли, и можно утверждать, что это — результат

этрuscoго господства на море. Однако со временем устье По начало заливаться и кораблям становилось все сложнее причаливать у Спины — торговая роль этого города постепенно ослабла.

Марцаботто

Река Рено играла основную роль в развитии паданской Этрурии, и у ее истоков расположены города Казалецьо ди Рено и Марцаботто. Начиная с раскопок 1970-х гг. здесь были исследованы: некрополь эпохи Виллановы, расположенный рядом с одновременным поселением VI—V вв. до н. э. Сам некрополь и предметы, обнаруженные в нем, позволяют сделать вывод о богатстве некоторых погребенных в нем людей, а также о существовании импорта красивой аттической краснофигурной керамики. Эти этруски в IV и III вв. до н. э. уступили место кельтам: в Казалецьо был обнаружен кельтский некрополь, насчитывающий более ста захоронений, в которых было найдено многочисленное вооружение.

Марцаботто, расположенный примерно в 25 км к югу от Болоньи, изучен гораздо лучше многих других этрусских памятников. Вплоть до недавнего времени и шведских раскопок 1960-х гг. в Сан Джовенале и Аквароссе он считался единственным выдающимся этрусским поселением в этом районе. Необходимо отметить, что этот город не был заселен после этрусков, в результате этрусское название города было забыто, поскольку не было никакой преемственности с современной эпохой. Благодаря реке Рено город появился на свет, и благодаря ей же он пришел в запустение: существование брода привело к появле-

нию Марцаботто, который закрывал доступ к собственно Этрурии и к дороге в Лигурию и Пизу. Терраса, возвышавшаяся над устьем реки, размывалась бурным средиземноморским течением, и считается, что примерно четверть поселения была размыта.

Таким образом, город развивался на территории площадью около 25 га. Терраса расширялась к северу в сторону небольшого холма, напоминавшего акрополь, на котором располагались святилища и алтари — в ходе разведки было установлено, что по крайней мере еще одно крупное святилище находилось вне акрополя, в северной части города. Зато до сих пор не было обнаружено ни одной площади — центральной или периферийной, предназначенной для общественных сооружений, которые предполагалось обнаружить в населенном пункте такого типа. Постройки были защищены неглубоким рвом, снабженным двумя воротами: основные выходили к броду (на юго-восток) и, согласно классической схеме, вдоль этих дорог располагались некрополи, начинавшиеся сразу за воротами. Наиболее поразительным является то, что планировка Марцаботто, построенного в 500 г. до н. э. на месте весьма скромного первоначального поселения, является регулярной и формируется из основных элементов: имеется центральная линия с севера на юг, которую под прямым углом пересекают три поперечные дороги, все они в ширину составляют 15 м, и на каждой имеется два тротуара по 5 м шириной каждый, очевидно, предназначенных для уличной торговли. Восемь районов, расчерченных этими дорогами, были поделены в свою очередь на кварталы прямыми, проходящими с севера на юг улицами шириною 5 м. В этой регулярной городской планировке, изобретение которой приписывают Гипподаму Милетскому, находят не-

что греческое — наиболее ярким сравнением могут стать греческие колонии Сицилии и Южной Италии. Однако строгое направление дорог несет в себе типично италийскую черту. Во многих римских городах на центральном перекрестке археологи находили полуколонну с высеченным на ней крестом. Можно предположить, что это часть обрядов, осуществлявшихся при основании этрусских городов, которые впоследствии были восприняты римлянами, начиная с основания Рима.

Характерной чертой этрусского домостроительства был так называемый атриум, четыре ската крыши которого направлены внутрь двора, без опорных колонн. Само слово «атриум», как считается, имеет этрусские корни — от названия порта Адрия/Атрия. Эта планировка дома с атриумом все же не является древнейшей, известной в Италии на сегодняшний день: если рассмотреть результаты раскопок, в Розелле и в Риме, у подножия Палатина, были обнаружены аристократические жилища с атриумами, восходящие к концу VI в. до н. э. Такая относительная роскошь архаического жилища не была свойственна Марцаботто с его обыкновенными и однотипными домами, типичными для среднего класса «колониального» поселения: предметы обихода, найденные в ходе раскопок, подтверждают это представление, хотя была и исключительная находка — голова курона из фаросского мрамора. Во многих домах Марцаботто имеются комнаты, выходящие прямо на улицу, — они были предназначены для ремесленной и металлургической деятельности. Вероятно, железная руда поставлялась сюда с острова Эльбы и из Популонии.

Несмотря на раскопки, не вполне профессионально проведенные в XIX в., мы можем увидеть на акрополе

Марцаботто по крайней мере четыре религиозных сооружения, два храма и их замечательные боковые алтари, всегда направленные на юг, то есть — к поселению. Ни по каким признакам невозможно распознать божеств, которым поклонялись в этих храмах. Также необходимо упомянуть о небольшом святилище вод, расположенном на границе города, где были найдены многочисленные votive дары из терракоты и бронзы. Что касается захоронений, они вполне соответствуют духу эгалитарного общества: очень просто сложенные из плит из известнякового туфа, они были увенчаны надгробием в форме большого шара или. Исключительной находкой является надгробие, выполненное из мрамора и украшенное рельефами, на которых изображены животные и люди, участвующие в похоронных игрищах (подобное надгробие, но не из мрамора, было найдено в Болонье). Марцаботто не был разрушен галлами-бойями, поселившимися здесь в 350 г. до н. э., когда местные жители стали активно покидать город. Римское господство также не привело к строительству нового города на этом месте.

Веруккьо, Мантуя

С самого начала мы говорили о большом значении городов Веруккьо и Мантуя в рамках паданской Этрурии. Эти города мало известны и мало изучены, и именно их описанием мы завершим наш экскурс по важнейшим памятникам этого региона. Расположенный на юго-востоке региона, на одном уровне с рекой Арно, Веруккьо находится на скале, что вызывает ассоциации с Орвието и его некрополями, также расположенными у подножия плато,

с одной лишь разницей, что Веруккьо был отлично виден с Адриатики, через которую осуществлялась торговля. Берег был всего лишь в 15 км. Кроме того, Веруккьо расположился на берегу реки Мареккии, тем самым получая естественный выход к Римини, который был своеобразным эмпорием этого города. Прослеживается удивительная преемственность между постройками и захоронениями эпохи Виллановы (IX в. до н. э.) и крепкими домами V—IV вв. до н. э. (некоторые из них были более «аристократическими», чем в Марцаботто). Оценить богатство, которого город достиг в своем апогее между 750 и 550 гг. до н. э., позволяют захоронения, которые расположились на пути к морю: в этих случаях можно говорить о настоящей «царской аристократии» VII в. до н. э. Наиболее оригинальным является присутствие деревянных изделий, как правило, редко сохранявшихся, среди погребального инвентаря: мебель типа круглых столов на трех ножках или величественных тронов с искривленной спинкой, а также сундуки или рукоятки орудий и инструментов. Некоторые троны, бронзовые аналоги которых встречались в других городах Южной Этрурии, были украшены рельефными сценами, что поднимало социальный статус царской семьи, которой принадлежал такой трон. Так, в захоронении 89 изображена сцена обработки шерсти, за которой следит супруга хозяина, а также кортеж, идущий на общественную церемонию.

Веруккьо, расположенный недалеко от Адриатики и Умбрии, возможно, являлся пограничным городом, но его этрусское происхождение не вызывает сомнений — об этом свидетельствуют захоронения, погребальный инвентарь и сама планировка поселения. Его богатство позволило легко попасть в список двенадцати городов паданского

додекаполиса. Подобная ситуация сложилась и с Мантуей. Последние раскопки в центре города и в близлежащих пригородах доказали его этруское происхождение. В настоящее время мы имеем порядка десяти надписей из Мантуи на этруском языке, среди которых — модель алфавита, выгравированная на чаше, датируемой второй половиной IV в. до н. э. Таким образом, насколько сильно эта практика была распространена в архаическую эпоху, когда Этрурия принимала греческий алфавит, настолько редкой она стала в последующую эпоху. Все надписи были начертаны теми же буквами, что были в употреблении в Паданской Этрурии, и обнаруживают прямые связи с письменностью Северной Этрурии. Остатки поселения также имеют прямоугольную планировку, зафиксированную в Марцаботто. Также в Мантуе находят аттическую керамику V—IV вв. до н. э. и греческие винные амфоры, подобные тем, что находили в Спине: это был настоящий перераспределительный центр, направленный в кельтские страны. Мантуя, как и Спина, и Марцаботто, впрочем, как и весь регион севернее реки По, были непосредственно заселены этрусками лишь после 500 г. до н. э.

КАМПАНИЙСКАЯ ЭТРУРИЯ

Существование этруской провинции в Кампании никогда не ставилось под сомнение античными авторами, и выдержки из Полибия и Страбона, которые мы цитировали в начале данного раздела, вполне однозначны в этом отношении. К ним можно добавить отрывок из Плиния Старшего, в котором после восхваления счастливой Кампании перечисляются в хронологическом на первый взгляд порядке

народы, властвовавшие над ней: «В этой стране жили оски, греки, умбры, этрусски и кампанийцы». Также необходимо обратиться к другим текстам, дающим исторический очерк о том или ином городе региона, в частности о Капуе, являющейся столицей этого южного этрусского союза.

Начало этрусской колонизации

Долгое время считалось, что этрусская колонизация была связана с апогеем Союза тирренской Этрурии VI в. до н. э., когда крупные города региона, возможно даже в результате политического решения самого Союза, начали испытывать необходимость обосноваться на других территориях. Одной из целей колонизации стала богатая Кампания. Быть может, в битве 524 г. до н. э., в которой, согласно Дионисию Галикарнасскому, столкнулись этрусски и жители Кум под предводительством Аристодема, следует видеть отголосок тосканской экспансии. Что примечательно, культура Вилланова с ее захоронениями по обряду кремации и весьма характерным инвентарем не затронула Южную Италию. Однако, начиная с середины XX в., археологи начали открывать характерные для культуры Вилланова погребения по обряду кремации в Понтеканьяно, в Капуе и даже в Сала-Консилина. На сегодняшний день эти районы считаются южной границей распространения культуры Вилланова.

Именно некрополи Капуи предоставили нам наиболее полные сведения практически по всей этрусской истории с IX по V в. до н. э. Период Виллановы с его захоронениями в биконических урнах здесь органично переходит в разнообразные собственно этрусские древности, характеризую-

щиеся, среди прочих, наличием буккерио. Во-первых, в конце VII в. до н. э. это очень тонкая керамика буккерио, сначала ввозившаяся из Южной Этрурии, которую впоследствии научились копировать на месте. Затем — буккерио «тяжелое», с более толстыми стенками. Однако производство в Капуе на этом не прекращается. С конца VI в. до н. э. появляется кампанійская чернофигурная керамика, в которой ощущается влияние Аттики, но главным образом — этрусков.

В этрусской Кампании также было найдено несколько захоронений в погребальных камерах, украшенных фресками начала V в. до н. э. На одной из них (в гробнице мастера Бригоса) изображены игроки в кости: игра, не обошедшая стороной греков и имевшая ошеломительный успех в Этрурии. Эта погребальная роспись заставляет нас обратиться к другим многочисленным погребениям Пестума, которые (особенно в IV в. до н. э.) несут в себе множество черт этрусской изобразительной традиции; иконография погребальных церемоний, в частности сцен кулачных боев, повсеместно напоминает этрусскую.

Длительность этрусского присутствия в Кампании, безусловно, объясняет все разночтения и даже огромные несоответствия, имеющиеся у авторов относительно даты основания Капуи. Прислушаемся к римскому историку Гаю Веллею Патеркулу: «Некоторые утверждают, что Капуя и Нола были основаны этрусками в эпоху Гесиода, 800 лет назад, и я придерживаюсь того же мнения. Но оно сильно отличается от мнения Катона! Он приписывает основание Капуи, а затем и Нолы этрускам, и утверждает, что до того, как Капуя была взята римлянами, она существовала 260 лет. Учитывая, что Капуя к тому времени принадлежала Риму уже 240 лет, следует, что с ее основания прошло около 500 лет. Не в обиду Катону, если вдать-

ся в подробности, мне сложно поверить, что так мало времени было достаточно для развития, расцвета, падения и возрождения такого крупного города». Таким образом, мы имеем две возможные даты основания города, весьма отдаленные друг от друга: с одной стороны, это около 800 г. до н. э., в этом случае дата основания Капуи оказывается между датами основания Карфагена (814 г. до н. э.) и Рима (753 г. до н. э.). С другой стороны, версия об основании Капуи в 471 г. до н. э. несостоятельна, поскольку уже в 474 г. до н. э., как мы увидим ниже, этруски потерпели поражение в Кумах от Гиерона Сиракузского и были изгнаны из Капуи в 423 г. до н. э.

Конечно, в истории кампанийской Этрурии есть проблемы. Если признать идею колонизации и миграций, а не простых культурных трансформаций, то можно предположить, что в истории этрусков была два пути переселений: морское — из прибрежных городов Южной Этрурии, через Салернский залив; сухопутное — через долины рек Сакко и Лири, из внутренней Этрурии к стране фалисков, к территории, подвластной Капуе. Данную теорию о двух путях миграций подтверждают археологические источники, письменные материалы и даже топонимика. Капуя имеет связи с Капеной и с областью Фалерны, которая станет известна в римскую эпоху благодаря своим виноградникам, а также с рекой Вольтурн. Капуя имела второе название *Volturnum* — напоминает название города Вольсинии и *Fanum Voltumnae*, основного святилища этрусков. Однако некоторые оспаривают существование этого внутреннего пути от Тибра до Капуи, поскольку вдоль рек Сакко и Лири располагались воинственные племена герников, вольсков и аврунков, над которыми даже Риму удалось одержать победу с большим трудом. Исследователи

предпочитают думать, что наиболее разумным был путь сначала по морю, а затем через Вольтурн. Тем временем пустоты, существовавшие в археологии этого региона, начинали заполняться: в Алатри и Аньяно было обнаружено множество сосудов буккери VII—VI вв. до н. э., с помощью которых удалось определить этрусские перевалочные пункты на этом пути миграций. Другой интригующий вопрос, который мы здесь можем лишь слегка затронуть, — почему прото-этруски эпохи Вилланова, пришедшие на внутренние равнины в IX в. до н. э., не дошли до Кум, ключевого пункта Неаполитанского залива, где эвбейцы основали свою первую крупную колонию в Южной Италии в середине VIII в. до н. э. Единственным ответом может быть то, что им помешало присутствие довольно-таки могущественного коренного населения. Лишь греки, прибывшие сюда в 775 г. до н. э., смогли найти весомые «аргументы», чтобы «убедить» аборигенов дать им немного места для заселения.

Надписи

Эпиграфика всегда являлась важным критерием для характеристики этрусского влияния в том или ином регионе, и Кампания подарила нам свой набор этрусских надписей. Именно в Капуе был найден второй по длине текст на этрусском языке, после Загребской мумии, — это надпись стала известна в археологической литературе под названием «черепица из Капуи» и представляла собой терракотовую подставку, на которой был нацарапан текст. И все же некоторые исследователи предпочитают называть ее табличкой из Капуи (по аналогии с табличкой из Кортонны или табличкой

Клавдия из Лиона). Эта надпись, увидевшая свет в 1898 г. и хранящаяся в Берлинском музее, состоит из 62 строк и почти 300 слов, начертанных до обжига «черепицы». Текст, составленный из букв алфавита Южной Этрурии (Цере, Вейи), весьма непросто читать, поскольку между словами нет пробелов. Он разделен на десять разделов: очевидно, речь идет о ритуальном календаре, указывающем, какие приношения следует совершать божествам в тот или иной день. Несомненно, находившийся в святилище, а не в некрополе (как подавляющее большинство доступных нам этрусских текстов), этот текст восходит к V в. до н. э.

Однако табличка из Капуи, будучи самой сенсационной надписью, найденной в кампанийской Этрурии, не является единственной, и такие города, как Свессула и Нола, также подарили нам несколько надписей. Не останавливаясь на перечислении порядка пятидесяти ныне известных кампанийских надписей, ограничимся здесь последними открытиями и публикациями. Так, в Помпеях на протяжении длительного времени было найдено с десяток различных надписей, выполненных на сосудах буккоро, — все они были найдены в святилище Аполлона: можно предположить, что этрусский язык использовали одни лишь чужеземцы, и только лишь в этом святилище. Однако недавно были опубликованы надписи, выгравированные на керамике буккоро второй половины VI в. до н. э., обнаруженной в 1960-х гг. во время раскопок в Помпеях в «Доме Фавна». Это является доказательством этрусского присутствия в городе, ставшем впоследствии очень знаменитым. В Понтеканьяно, известном своими царскими захоронениями, в последние годы также находили керамику буккоро с выгравированными надписями: например, на двух сосудах конца VI в. до н. э., найденных в

мужском захоронении, на надписи фигурировало женское имя («я принадлежу Танаквиле Муриа»), — этот предмет, очевидно, был положен в могилу супругой покойного. На небольшом кубке начала IV в. до н. э., покрытом черным лаком, также имелась надпись о принадлежности, а это доказывает тот факт, что этрусский язык использовался некоторыми жителями по крайней мере после 423 г., когда этруски уступили южную Кампанию самнитам, говорившим на оскском языке.

Кампанийский додекаполис

На счет существования додекаполиса кампанийской Этрурии, во главе которого стояла Капуя, подобно Фельсине-Болонье в паданской Этрурии, Страбон весьма определенно пишет: «Тиррены основали там двенадцать городов, и один из них, главу, назвали Капуей». Происхождение названия «Капуя» точно не установлено. Происхождение этого названия относили к имени героя-эпонима по имени Капис, которого считали сыном Анхиса или двоюродным братом Энея. Наиболее любопытным является то, что слово *capus* на этрусском языке означает «сокол».

Хоть этрусский период в истории Капуи установлен, и город имел отчасти регулярную планировку, список одиннадцати других городов установить сложнее. При сопоставлении литературных (в частности, Страбона и Плиния Старшего), эпиграфических и археологических источников можно с легкостью выделить десяток городов: Нола, Калация, Помпеи, Геркуланум, Нукерия, Стабии, Свессула, Понтеканьяно. В некоторых случаях мы знаем одно лишь название, не зная, где город находится: Страбон

сообщает об этрусском городе под названием Маркина (топоним звучит явно по-этрусски), можно провести аналогию с именем Марк, *Marcus* в латинском языке. Долгое время считалась, что Маркина — это нынешний город Вьетри Сул Маре, поскольку это название, вероятно, восходит к латинскому прилагательному *vetus* (древний), подобно Орвието в Омбрии, столице тирренской Этрурии. Однако в ходе последних раскопок во Фратте ди Салерно было обнаружено множество этрусских древностей, поэтому теперь считается, что античный город Маркина находился именно здесь. Естественно, этот кампанийский союз должен был иметь свое центральное святилище, подобно *Fanum Voltumnae* в тирренском додекаполисе. Это святилище должно было находиться неподалеку от столицы, Капуи: вспоминается святилище Дианы Тифатинской, расположенное в 4 километрах от Капуи на склонах горы Тифата (сегодня — Сант-Анжело ин Формис). Это святилище было особенно известно в римскую эпоху, в частности в конце периода Республики. Что касается предыдущих периодов, то терракотовые барельефы VI в. до н. э. не оставляют никаких сомнений в том, что святилище существовало в архаическую, а значит, и в этрусскую эпоху.

ДРУГИЕ ЭТРУСКИ

Индивидуальные случаи

Этрусков можно было встретить за пределами их родных мест, точно так же, как и немало иностранцев можно было встретить в Этрурии. Для иллюстрации второго утверждения приведем в качестве примера надпись «Eli-

veitie», высеченную на кубке около 300 г. до н. э., найденном в Мантуе. В ней, очевидно, говорится о некоем гельвете, обосновавшемся в паданской Этрурии. На другом кубке, обнаруженном в Спине, начертано имя «Keltie», принадлежащее, судя по всему, кельту, приехавшему в крупный этрусский порт Адриатики. В Орвието были обнаружены имена «Katacina» и «Vergesa», также принадлежавшие кельтам (Катак, Верк), влившимся в этрусское общество и получившим к своему имени новый суффикс *-na*. И, наконец, приведем еще один пример свежей находки из Популонии — кубок V в. до н. э. с надписью «Kursike». Среди множества иностранцев, посещавших Популонию (что не вызывает удивления, ведь это крупный порт), мы встретили либо «настоящего» этруска с Корсики, находившейся под этрусским влиянием, либо урожденного корсиканца, ставшего этрусском.

Этруски за пределами своей родины также оставили нам множество следов. Известна греческая надпись начала V в. до н. э. на афинской Агоре — слово «tursanos». Вероятно, это был некий господин «Этруск», к сожалению, не оставивший о себе никаких других сведений. Больше информации мы получаем из этрусской надписи в Эгине, в святилище Афеи: представитель этрусского народа посчитал необходимым принести votivный дар греческой богине, при этом нельзя не упомянуть, что сами эгинцы также были отмечены присутствием в эмпории-святилище Грависке близ Тарквиниев. Археологические данные свидетельствуют и о более сложных перемещениях: так, погребальная стела VI в. до н. э., найденная неподалеку от Кунео на могиле некоего Ларса Мутику, возможно свидетельствует о том, что кельт, долгое время живший в Этрурии с тосканцами и воспринявший их культуру, вернулся

в свой родной Пьемонт. Красивый шлем периода Виллана, ныне хранящийся в Турине, был обнаружен в Асти, весьма близко: без всяких сомнений, это был шлем, созданный в Южной Этрурии в 800-е гг. до н. э.

Поскольку прямые контакты между Этрурией и другими регионами должным образом засвидетельствованы и их важность достаточно высока, можно задаться вопросом о существовании этрусских сообществ за пределами Этрурии. В самой Этрурии, к примеру, можно говорить о существовании групп карфагенян или греков в свободных гаванях (*emporía*) Пирги или Грависка. Действительно, иностранное сообщество существовало для облегчения товарообмена и торговли. Основными свидетельствами присутствия подобных сообществ являются эпиграфические источники, золотые пластинки из Пирги, составленные на финикийско-пуническом языке, многочисленные греческие надписи в Грависке. Мы не имеем никаких письменных источников, упоминающих о союзе между греками и этрусками, но в Пирги, порту Цере, по словам Геродота, имелся союз карфагенян и агиллейцев. Однако весьма сложно с точностью установить факт длительного пребывания этрусков в том или ином регионе, и отношения между двумя городами или двумя народами, безусловно, могут иметь разную форму.

Юг Галлии

Сразу сделаем оговорку, что, сравнивая этрусков с двумя другими народами, населявшими Западное Средиземноморье в VII—VI вв. до н. э., можно отметить, что они не основывали крупных поселений за пределами

Италии. В сравнении с фокейским Марселем и Ампурием (Эмпориум) и финикийско-пуническими факториями на Гибралтаре (Малага, Кадис, Ликсус), с трудом можно назвать хоть один по-настоящему этрусский город. Таким образом, необходимо искать ближе. На юге Франции в течение длительного времени внимание исследователей было приковано к Сен-Блез и Латам, порту-лагуна близ Монпелье, где были найдены тысячи амфор и этрусской керамики буккери, сделанной после 550 г. до н. э., а также множество этрусских надписей на керамике конца VI в. до н. э. Таким образом, можно допустить существование небольшой колонии этрусских торговцев на этой территории: на простой чаше буккери было обнаружено женское имя (Усиаль), возможно, местного происхождения, но измененное на этрусский манер; было предположено, что местная женщина вышла замуж за одного из этрусских «иммигрантов». Внимание археологов и историков сегодня зачастую приковано к брачным отношениям, по крайней мере, возможным, между местными женщинами и иностранными торговцами, это касается и Искьи, и Карфагена, поскольку среди погребального инвентаря встречаются предметы, сочетание которых является весьма странным, а также признаки смешанной культуры. Добавим, что последние раскопки подтверждают существование небольшого этрусского квартала в Латах в первое время существования города.

Этрусское присутствие в Лангедоке, мимолетное либо постоянное, подтверждается надписью, открытой к юго-западу от Агда (греческое название — Агафе), зависимого от Марсея, где были найдены этрусские шлемы и бронзовый трезубец V века. Эта надпись, датируемая первой половиной V в. до н. э., является самым длинным этрусским

текстом после Загребской мумии, найденным за пределами Италии. Выгравирована она на листе свинца, на обороте которого начертан текст на ионийском диалекте греческого языка. Оба текста, очевидно, касаются торговли. Говоря о самом Марселе, можно предположить, судя по известным объемам этрусского импорта, что в его истории (во всяком случае, в истории одного из кварталов) имел место «этрусский период», и было это одновременно с приходом фокейцев в Грависку, то есть в Тарквинии.

Этрусские жители Африки

Мы уже упоминали о Карфагене, который веками имел контакты с этрусками и особые привилегии. Долгое время исследователи были поражены количеством и разнообразием импортных товаров, и особенно этрусской керамики, обнаруженных на территории этого фокейского, а с VII в. до н. э. пунического города. Также считается, что первая керамика буккерио из Цере была практически сразу привезена в Африку. А в Цере, напротив, в тот же период попадает типичная фокейская керамика (ойнохоя, покрытая красным лаком, ступки, светильники). Раскопки, проведенные немцами на территории архаического поселения пунической метрополии между холмом Бирса и морем, подтвердили дату основания, фигурировавшую в письменных источниках (814 г. до н. э.). Также в ходе этих раскопок обнаружили буккерио, и не только в погребениях. Все это заставляет задуматься о теории существования этрусской колонии в Африке в этот период, чтобы объяснить наличие огромного количества этрусских сосудов. Золотая пластинка из Пирги, исписанная на пуническом

языке и обнаруженная в порту-святилище Цере, несомненно, является свидетельством существования союза между Цере и Карфагеном, который позволил им одержать морскую победу над греками при Фокее и Марселе. Табличка с надписью на этрусском языке, найденная в Карфагене, может указывать на то, что пунический купец имел доступ к этрусским территориям благодаря этому «паспорту», где указано, что он был «пуником из Карфагена». Саркофаги с изображениями умерших очень сходны в Карфагене и Тарквиниях, что можно объяснить лишь тесными контактами между выходцами из обоих городов. Надгробие в Карфагене напоминает надгробия в Цере, что может свидетельствовать о том, что в пунической земле похоронен этруск.

Отношения между Этрурией и Карфагеном продолжались даже после того, как и те, и другие потеряли свою независимость под напором римлян. В начале XX в. в долине реки Милиане, то есть в 50 км на юго-запад от Туниса, были обнаружены три межевых столба с надписями на нескольких сторонах, в целом представлявших восемь практически одинаковых надписей в пять строк. Сначала исследователи немного колебались с определением языка, но вскоре стало понятно, что несмотря на географическое положение, это были тексты на этрусском: наличие слова *tins* в 4-й строке не оставляло никаких сомнений — имя этрусского бога Тина / Тинии было отлично известно. Эти надписи были сделаны буквами позднего алфавита (III—I вв. до н. э.), как и на межевом столбе в Фезулах.

На этих межевых знаках написан следующий текст: «*m. unata/zutas.tul/dardanium/tins/*». В первых словах узнается имя Уната, упоминавшееся также в Клузии, а слово *zutas* могло быть фамилией, но это неизвестное

слово могло иметь другие значения (географическое происхождение, звание?); зато слово *tul* часто встречается в надписях (мы уже упоминали выше *tul-ar* в Фезулах), и обозначает оно границы территории: можно предположить, что речь идет о «земле дарданцев», защищаемой Тином-Юпитером, который, среди прочих, имел функцию защитника границ (в Риме — Юпитер Термин). В связи с этой надписью хочется отметить, что этруски, называвшие себя дарданцами, знали о мифе, согласно которому Дардан покинул Этрурию (Кортону) и основал Трою. Путешествие Энея в Италию было своего рода возвращением к истокам. Когда этруски обосновались на новой территории, они соотнесли себя с мифическим Дарданом, совершившим нечто подобное. Тот факт, что Эней чуть было не остался в Карфагене, как следует из эпopeи Вергилия, добавляет пикантности этой истории.

Речь здесь идет об этрусской «колонии», где говорили на слегка латинизированном языке, основанной на территории, некогда зависимой от Карфагена. Но когда? Быть может, это была гракховская «колонизация»? Но известно, что Гай Кракх намеревался «отобрать» колонию на территории Карфагена, что стало одной из причин его смерти. Долгое время считалось, что этруски поселились там во время гражданских войн I в. до н. э., в частности во время столкновения Суллы и Мариа в 80-е гг. до н. э. В Клузии, который был вероятной родиной Уната, были скомпрометированы сторонники Мариа, и большинство из них сбежали в Африку. Помимо того, что этрусский язык стал менее используемым в обществе после гражданской войны, подарившей этрускам римское гражданство, весьма привлекательна гипотеза касательно этрусского присутствия в Карфагене. Во время гражданской войны

Марий сам был вынужден бежать в Африку в 88 г. до н. э. и вновь вернулся с сотнями верных «уроженцев Италии».

Вдобавок Саллюстий в «Югуртинской войне» пишет, что Марий в конце II в. до н. э. встретил в Африке гаруспика: «В то же время Марий приносил в Утике жертву богам; по этому случаю гаруспик предсказал ему, что “внутренности принесенных жертв предвещают ему великое и чудесное будущее”». Так, начиная с этого времени, на территории Карфагена существовала этрусская колония, которая не могла обойтись без своих любимых слугителей культа: можно представить, что Уната и его «дарданские» спутники могли бы прийти из Кортонны подобно герою основателю Дардану. Наконец, благодаря одному из этих редких и таких ценных открытий в нашей источниковой базе по Античности, последнее имя встречается в римской эпиграфике в том же регионе.

Роман о мумии: этруски в Египте

Присутствие гаруспика вблизи Карфагена в конце II в. до н. э. позволяет лучше понять «дело» Загребской мумии. Льняное полотно, содержащее текст длинного ритуального календаря, указывающего, например, какие дары должно приносить в определенный день сентября в честь Нептуна, — находилось в Египте и было разрезано на мелкие ленты египетским мумификатором не случайно, а лишь потому, что оно был привезено в Египет одним из изгнанных гаруспиков. Можно поспорить, что он сопровождал небольшую группу этрусков. Датировка текста схожа с датой создания предыдущего источника: загребская «полотняная книга», похоже, была написана в Этрурии в

I в. до н. э. В тексте содержатся архаизмы, например дифтонг *-ai*, который не встречался в этрусском языке в эту позднюю эпоху. Но это лишь доказывает тот факт, что источник представлял собой копию с оригинала, созданного в V в. А разве для религиозных текстов не является типичным сохранение первоначального варианта? Не имея возможности с уверенностью утверждать это, — только что мы увидели двузначность текстов на межевых столбах Карфагена, — можно предположить, что изгнание могло стать результатом гражданских войн, которые особо удалили по территории Этрурии. С другой стороны, можно довольствоваться еще одним доказательством религиозности древних тосканцев, которые не могли уехать без своих специалистов и книг этрусского «учения»: но разве это не было естественным желанием изгнанников, которые не желали отделяться от своего народа? Точно можно сказать лишь то, что Африка была убежищем этрусков в то время, когда их цивилизация ломалась под римским напором.

ГЛАВА 4

ЧЕТЫРЕ ПЕРИОДА ЭТРУССКОЙ ИСТОРИИ

ПЕРИОД ВИЛЛАНОВА

Виллановская «революция»?

Первые этрусские надписи датируются приблизительно но 700 г. до н. э. Начиная с этого времени можно с полным основанием говорить об этрусской истории, этрусском народе, этрусской цивилизации. Но это не потому, что об этрусках в Центральной Италии до этого времени ничего не известно. Ведь сегодня никто не оспаривает их присутствие в IX или VIII вв. до н. э., и даже есть точка зрения, что будущие этруски заняли Центральную Италию в конце Бронзового века, около 1200 г. до н. э. Период IX—VIII вв. до н. э., соответствующий раннему железному веку в районе будущей Этрурии, носит название период Вилланова — по имени небольшого поселения Вилланова, что около Болоньи, где в середине XIX в. были обнаружены захоронения, представлявшие особую археологическую культуру. Впоследствии такие захоронения находили по всей Центральной Италии. Таким образом, носители культуры Вилланова уже были этрусками; если быть точнее,

они были протоэтрусками. Во всех крупных этрусских городах наблюдается преемственность между периодом Вилланова и собственно этрусскими древностями. Некогда бытовавшее суждение о том, что обряд ингумации резко сменил обряд кремации в конце VIII в. до н. э., что стало признаком прихода нового народа, больше не принимается во внимание. Раскопки в Вейях, Цере или Тарквиниях однозначно показали, что этот переход был постепенным. Обряды погребения гармонично следовали друг за другом. В настоящее время исследователи доказали, что данный феномен свойствен всем городам Этрурии, основанным еще в период Вилланова. Так, в Орвието, древних Вольсиниях, также имел место этот период, хотя до последнего времени считалось, что город основан не ранее VII в. до н. э. Предметы культуры Вилланова в большом количестве были найдены у подножия скалы, на которой находится современный город, и стало ясно, что жилища и некрополи периода Вилланова находились на вершине плато, месте, непригодном для раскопок по причине высокой плотности застройки.

Около 900 г. до н. э. на территории, соответствующей исторической Этрурии, произошло то, что некоторые исследователи называют виллановской «революцией». Как мы уже отмечали, в конце бронзового века на этой территории были распространены различные археологические культуры из других регионов Италии, тогда как до 1200 г. до н. э. всю территорию полуострова охватывала т.н. апеннинская культура. Действительно, около 900 г. до н. э. появляются поселения, ставшие впоследствии этрусскими городами и многочисленными крупными деревнями в отдельных случаях даже с многотысячным населением. Таким образом, начался процесс пре-урбанизации. Эти

деревни состояли из жилищ, планировку которых мы можем представить благодаря кремационным урнам в виде хижин, а также благодаря некоторым исключительным открытиям: в Тарквиниях, на месте некрополя Монтероцци, известного своими расписными надгробиями архаической или эллинистической эпохи, было обнаружено поселение, как и в Риме, на Палатине, состоящее из двадцати пяти хижин разной планировки (овальных, прямоугольных и даже квадратных). Естественно, были найдены лишь «основания» этих хижин, выдолбленные в горной породе, сами деревянные, земляные и соломенные постройки не сохранились.

Некрополи

Вернемся к разговору о захоронениях, характеризующих культуру Вилланова. В первые десятилетия IX в. до н. э. это были вырытые в земле колодцеобразные могилы, содержащие прах умершего, помещенный в биконический оссуарий. Эти погребальные урны, являвшиеся основным признаком культуры Вилланова, были изготовлены в технике импасто: это весьма грубая керамика темного цвета, которую лепили вручную. Отметим, что техника изготовления этих сосудов — восстановительный обжиг — очень быстро совершенствуется. Археологи иногда говорят о «буккеровидном импасто», которое предшествует появлению буккеры, характерной этрусской керамики, о которой мы поговорим более подробно в следующей главе. Биконические урны культуры Вилланова имеют одну ручку, а узор представляет собой геометрические рисунки (линии, меандры), поначалу очень простые, выполненные насечка-

ми. Крышка биконической урны представляет собой простую миску, тоже выполненную в технике импасто, перевернутую на урне. Погребальный инвентарь поначалу был весьма немногочисленным, он ограничивается несколькими бытовыми предметами, используемыми в повседневной жизни (фибулы, бритвы в виде полумесяца). Половые отличия также отражаются наличием некоторых предметов, свойственных женской (веретенные кольца, бобины, катушки) или мужской (бритвы) деятельности. В погребениях воинов вместо крышки-миски можно встретить терракотовые шлемы, покрывающие урну. Исследователи отмечают единообразие, которое свидетельствует об относительном имущественном равенстве.

Однако создание многочисленных поселений всегда подразумевает какую-либо политическую организацию. Результаты раскопок некрополя в Тарквиниях, являвшихся столицей виллановианской Этрурии, позволили немного прояснить ситуацию и предоставили первые свидетельства социальной дифференциации. В 91 погребении, которые в основном датируются IX в. до н. э. (среди них два погребения по обряду ингумации), были зафиксированы серьезные различия по типу углублений, форме урн и обряду. Многие урны были покрыты терракотовыми шлемами. Постепенно общество периода Вилланова переставало быть эгалитарным. Появлялась собственность и коллективная эксплуатация земель. В богатых Тарквиниях появились признаки, знаменующие эволюцию этого общества. Греческие переселенцы, пытаясь получить доступ к горным богатствам Центральной Италии, не смогли основать поселений на территориях, подвластных этрускам, поэтому отношения между ними имели лишь культурный и торговый характер.

География

Культура Вилланова не ограничивалась одной лишь тирренской Этрурией или областью Болоньи, откуда она и получила свое название. Весьма крупное поселение (300 га) и некрополь из нескольких тысяч погребений исследованы на территории будущей Фельсины. Одним из самых известных могильников является некрополь Беначчи. Среди прочих находок здесь в захоронении 525 был найден совершенно замечательный сосуд из терракоты, датированный концом VIII в. до н. э.: это был аскос (небольшой уплощенный сосуд) с богатым геометрическим орнаментом и изображением быка, на котором стоит лошадь с вооруженным всадником. На этом примере можно увидеть все признаки богатства и авторитета вождя, прах которого находился в этом захоронении: символы земельных владений и воинской деятельности. Также на юге имеются древности культуры Вилланова в Веруккьо и в Романье, близ Римини. Также два некрополя с многочисленными погребениями по обряду кремации IX—VIII вв. до н. э. известны в Фермо. Однако в этих районах, на адриатическом побережье Центральной Италии, культура Вилланова не эволюционировала позднее в культуру этрусков, и отношения с Этрурией здесь будут носить лишь торговый характер.

Одним из величайших открытий последних десятилетий было обнаружение виллановских поселений в Кампании. Долгое время считалось, что этот регион, как и вся Южная Италия в начале I тыс. до н. э., принадлежал носителям культуры ямных погребений («Fossakultur») и что единственным погребальным обрядом здесь была ингумация. Таким образом, стало понятно, что никакой «де-

маркационной линии», проходящей от Рима до Римини и отделяющей кремационные погребения на севере от ингумационных на юге, не было. Действительно, типично виллановские некрополи с кремациями были обнаружены не только в Капуе, но и на побережье Салернского залива, в Понтеканьяно, Каподифьюме и даже еще южнее — в Сала Консилена. В случае с Капуей и Понтеканьяно преимущества выбора этрусков очевидны: оба этих кампанийских города находились на очень плодородных равнинах и имели доступ к морю благодаря рекам.

Второй этап культуры Вилланова

Второй этап культуры Вилланова, то есть VIII в. до н. э., характеризуется, среди прочего, двумя основными тенденциями. С одной стороны, очевидно появление погребений с гораздо более многочисленным и богатым инвентарем, нежели в предыдущей период. Дифференциация, безусловно, связана с появлением класса аристократии. Помимо конского снаряжения, которое было показателем высокого социального статуса, мы встречаем обилие бронзового оружия, наконечники копий и дротиков, мечи, щиты, детали портупей, орнаментированные шлемы с гребнями. Модели таких шлемов, изготовленные из терракоты, были обнаружены за пределами Этрурии, в греческих святилищах в Олимпии и Дельфах, в Пьемонте, в окрестностях Асти, и в континентальной Европе — в Галлии (Арманкур на Уазе). Однако такие шлемы не являются единственными протоэтрусскими предметами, распространенными в этом регионе. Упомянем также бритвы в форме полумесяца (Бурж, Мулузский лес), фибулы змеевидной формы

(Безансон, Бурж), застежки для поясов (Шатель-Жерар, Нант) и первые бронзовые сосуды, биконические урны, пиксиды, ребристые фиалы (Эльзас, Лион). Захоронения воинов свидетельствуют об их принадлежности к высшим слоям виллановского общества. То же можно сказать и об орнаментированных урнах-хижинах из бронзы, которые свидетельствуют о высоком социальном статусе умершего.

Второй отличительный признак касается технологических и культурных заимствований. Виллановская Этрурия импортировала свою продукцию на соседние территории: например, парадное оружие, которое, несомненно, служило дарами для греческих святилищ, а не военной наживой, как некоторые предполагают. Благодаря таким связям, Этрурия была открыта и влияниям извне. Действительно, гальштатские ремесленники могли обосноваться на этрусской территории. Очевидно влияние Сардинии, особенно в Ветулонии, где были найдены кувшины из терракоты или бронзовые предметы типа небольших лодок. В Вульчи в женском погребении начала VIII в. до н. э. были обнаружены три небольших бронзовых предмета — статуэтка, скамейка и корзинка, которые позволяют предположить, что погребенная была сардинской супругой жителя Вульчи. Таким образом, брак был лишь следствием разнообразных отношений, которые объединяли этрусский город с Сардинией.

Были зафиксированы торговые связи между носителями культуры Вилланова и народами Южной Италии (Лукании и Калабрии), Ближним Востоком (через посредничество фокейских мореплавателей), но именно связи с Эвбеей стали наиболее заметными в этот период. С начала VIII в. до н. э., а особенно со второй четверти,

привозные вазы из Эвбеи появились в крупных городах Южной Этрурии, в первую очередь в Вейях и Цере. В частности, это эвбейские кубки с зигзагообразным орнаментом, а также сосуды для вина. Эвбейцы, появившиеся на Искье в 770 г. до н. э. и совсем скоро обосновавшиеся на континенте в Кумах, привезли эту керамику этрускам, которые затем попытались ее копировать при участии греческих ремесленников, переехавших в Италию. Греков в первую очередь интересовали природные богатства Этрурии, но они не имели к ним прямого доступа. Эти богатства — недра и металлы гор Толфы или окрестностей Популонии.

ОРИЕНТАЛИЗИРУЮЩИЙ ПЕРИОД (720—580 гг. до н. э.)

Определение

В современной науке ориентализирующим называют тот период в истории этрусков, когда на их культуру оказали сильное влияние народы Восточного Средиземноморья. При этом контакты и связи осуществлялись не путем переселений или миграций, а при помощи торговли и заимствования новых технологий. В конце VIII в. до н. э. в Этрурию из Восточного Средиземноморья (имеется в виду большой регион, в который входят Греция, Кипр, Финикия, Египет, Малая Азия), пришел не народ, принеший свой язык или обычаи, а пришли товары, зачастую из ценных металлов, экзотические материалы, а также небольшое количество переселенцев — художников, ремесленников. Они принесли свои производственные традиции и свою технику.

Они стали производить на месте, в том числе в Этрурии, предметы, которые могли прослыть восточными шедеврами, и местные ремесленники стремились их копировать.

Этрусский ориентализирующий стиль характеризуется принятием и смешением всех мотивов, пришедших в целом с востока. Так, тема хищников, реально существующих (львы, пантеры), мифических (сфинксы, грифоны) или небольших четвероногих животных, стала визитной карточкой этрусского ориентализирующего стиля на ранней стадии.

Одним из примеров нового художественного стиля является очень красивая ситула (цилиндрический сосуд) из позолоченного серебра, найденная в Клузии и датированная серединой VII в. до н. э., которую также называют ситулой Пликасны, по выгравированному на ней имени собственника. Судя по положению фигур на двух чеканных фризах (рис. 11), можно говорить о сходстве с финикийскими кубками, которые в больших количествах импортировались в Этрурию. Одним из таких импортов является кубок из позолоченного серебра, найденный в гробнице Реголини-Галасси. Некоторые воины на ситуле Пликасны изображены в типично коринфских шлемах, другие же изображения имеют местную специфику. Это относится в первую очередь к центральной сцене поединка борцов, за которым наблюдают другие персонажи. Так, два борца находятся рядом с музыкантами, играющими на флейтах и бубнах. Музыкальное сопровождение в глазах античных авторов было характерной чертой этрусков. Кроме того, нам известны другие изображения этрусских борцов, датируемые VII в. до н. э. Одно из них — на сосуде буккерио из Вейев, упомянутом чуть выше, а также на расписном диносе (крупном сосуде с полукруглым туловом), где по-

единки также разворачиваются при музыкальном сопровождении.

Ситула Пликасны, несомненно, является примером этрусского ориентализирующего стиля, о чем говорят синтез и разнообразие фигур, настоящий калейдоскоп и эклектичность изображений. Предполагалось, что она была создана ремесленником, приехавшим в Цере из Греции. Ситула из позолоченного серебра могла впоследствии быть вывезена во внутреннюю Этрурию, в Клузий, к великому счастью богатого Пликасны, который также приобрел кипрско-фокейский кубок со схожим рисунком, найденный в 1700 г. и впоследствии утраченный.

Не будем забывать о товарах, привезенных непосредственно из Греции и ее колоний на восток Италии, которые станут преобладающими на ранней стадии ориентализирующего периода. Кстати говоря, следует помнить и о влиянии гальштатской культуры Центральной Европы и товарах, привозимых из Африки. Что касается некоторых изысканных материалов, известно, что янтарь, часто встречающийся в царских погребениях Этрурии, попадал сюда при посредстве кельтов, ну а слоновая кость или орнаментированные страусиные яйца скорее всего имеют африканское происхождение. Известны роскошные материалы, которые долгое время распространялись по Средиземноморью: среди обломков судна возле мыса Улу Буруна, недалеко от поселка Кас на юге Турции, были обнаружены товары XIV в. до н. э. — слитки меди и олова, необработанная слоновая кость из Африки и янтарь из Балтики. В Этрурии, помимо небольшого сосуда из египетского фаянса, найденного в Тарквиниях вместе с картушем фараона Бокхориса (конец VIII в. до н. э.), мы находим эвбейскую керамику, о которой уже шла речь, а

также арибаллы и алабастры (сосуды для ароматических масел), сосуды для вина, например кубки и килики. Аттика к тому времени уже вступила на этрусский рынок вместе со своими амфорами для вина и масла.

Греко-этррусские и особенно коринфско-этррусские отношения отлично иллюстрируются следующим рассказом: в 650-е гг. до н. э. в Тарквинию прибыл богатый коринфский купец Демарат. Изгнанный из своей родины во время правления тирана Кипсела, он нашел убежище в Этрурии, в стране, с которой долгое время торговал. Впоследствии Демарат стал отцом Луция Тарквиния Приска, пятого царя Древнего Рима. Как сообщает нам Плиний Старший, Демарата при переезде из Коринфа сопровождала целая группа греческих ремесленников и гончаров. Это является доказательством того, что обмен не ограничивался одними лишь торговыми операциями, но подразумевал также культурное влияние.

Но не следует считать, что Этрурия выступала пассивной стороной: напротив, это была очень динамично развивающаяся страна, которая могла экспортировать свою собственную продукцию. Речь идет не только о торговых взаимоотношениях, но и о практике дарения — в архаических обществах она являлась обязательным атрибутом политической жизни. Не следует удивляться тому, что масса этрусской бронзы обнаруживается в греческих святилищах, начиная с Олимпии. Там были найдены большие котлы, вероятно, созданные в Ветулонии, — городе, имевшем привилегированное положение благодаря своим горным богатствам. У Павсания мы читаем, что самым первым приношением олимпийскому Зевсу, сделанным варварами, был трон, подаренный неким Аримнестом, тирренским царем. Зная троны с большой вогнутой спин-

кой из дерева (Веруккьо) или чаще из бронзы в этрусских погребениях VII в. до н. э. и видя имя Аримнеста, которое могло скрывать под своим греческим обликом этрусский корень, нет никаких причин подвергать сомнению реальность и древность такого вотивного приношения.

Цари и царские погребения

В этот период появляется могущественное аристократическое сословие — «цари» Этрурии, практиковавшие обмен дарами, которым посвящена прекрасная музейная экспозиция в Болонье. Появляются внушительные курганы с каменными гробницами внутри (тумулусы), которые меняют весь пейзаж некрополей. Это можно увидеть на примере Цере, в некрополе Бандитачча. Эти курганы, иногда превышающие 50 м в диаметре, находятся рядом с рядовыми этрусскими захоронениями, они весьма просты в плане архитектуры и снабжены алтарями-мостиками. Самые ранние гробницы в тумулусе имеют достаточно простую планировку, часто состоят из одного помещения или, максимум, двух — как в некрополи Черветери в Гробнице Хижины (над обеими погребальными камерами помещен свод, имитирующий соломенную крышу хижины). В этой гробнице, датируемой первыми годами VII в. до н. э., для мощения использовали некрупную гальку, чтобы избежать чрезмерной влажности.

Действительно, планировка гробниц ориентализирующего периода весьма проста, в том числе и в гробнице Реголини-Галасси в Цере, которая представляет собой один длинный коридор-дромос. В более богатых гробницах со временем появляются скульптурные украшения и

разнообразный погребальный инвентарь. Статуи из гробницы Статуи в Чери, недалеко от Цере, свидетельствуют о появлении в этрусском искусстве погребальной скульптуры из камня. Исследователи подчеркивают сирийско-хеттское влияние в статуях, которые могли обозначать предков усопшего. Во второй половине VII в. до н. э. Ветулония станет столицей скульптуры из камня. Что же касается погребального инвентаря, следует снова вернуться к гробнице Реголини-Галасси, датируемой второй четвертью VII в. до н. э.: эта гробница является своеобразным символом, поскольку ее находка в 1836 г. ускорила открытие первого крупного этрусского музея — Григорианского Этрусского музея Ватикана. Большой удачей было то, что она не была разграблена, поэтому сокровища сохранились и попали в Ватикан. С первого взгляда поражает обилие золотых украшений и серебряных сосудов, иногда с выгравированным именем владельца, также были найдены ранее упоминавшиеся кубки из позолоченного серебра, наряду с изделиями из янтаря и слоновой кости.

В этрусском мастерстве изготовления золотых и серебряных изделий использовались такие сложные технологии, как зернь и филигрань. Восхищает «мельчайшая пыль» на этих предметах роскоши — на пластинке размещались сотни мелких золотых крупинок, формирующих геометрический или изобразительный мотив, или даже надпись (золотая фибула из Клузия, хранящаяся в Лувре). Среди золотых украшений гробницы Реголини-Галасси можно остановить внимание на нагрудных латах с чеканными пальметтами, животными, человеческими фигурами и различными божествами. Также великолепное зрелище представляют некоторые браслеты, а большая фибула в форме диска требует особого внимания, благодаря своим

удивительным размерам и прекрасной простоте узора, изображающего вереницу из пяти львов.

Царские гробницы, о которых регулярно пишут в литературе, находятся в Цере, Ветулонии, Популонии и Понтеканьяно. К их числу часто добавляют Пренесте (Палестрина), что южнее Рима, благодаря его трем роскошным погребениям Бернардини, Барберини и Каstellани, находки из которых хранятся в музеях Рима (Вилла Джулия, Капитолийские холмы). Также не стоит забывать о гробницах Казале Мариттимо, недалеко от Вольтерры, где были найдены удивительные круглые статуэтки из камня, первые в своем роде, обнаруженные в Этрурии. Восточное влияние в этих находках неоспоримо, и интересно отметить, что некоторые детали, например одежда, были хорошо проработаны, что характерно для этрусской скульптуры на протяжении всей ее истории. Другой некрополь, о котором нельзя не упомянуть, — это Веруккьо в Романье, недалеко от Римини. В гробнице № 85 некрополя Липпи было обнаружено несколько изделий из керамики, янтаря и бронзы, которые подчеркивали социальный статус усопшего: наличие уздечки для трех лошадей с этой точки зрения, имеет очевидный смысл. Но именно изделия из дерева, которые редко сохраняются, поражают наше воображение. Среди этого погребального инвентаря обнаружили не только сохранившийся трон, но и три трехногих стола, что в целом напоминает атмосферу пиршества, неразрывно связанного с аристократической жизнью, и в той или иной форме (живопись или барельеф) представленного во всех пышных погребениях.

Чаще всего троны изготавливались из бронзы, а не из дерева: даже те, что высечены в туфе гробниц в Цере, имеют похожую форму с их округлым сиденьем и большой

изогнутой спинкой. Помимо трона, который часто сопровождался скамеечкой для ног, помимо разнообразных знаков власти, таких как скипетр или секиры (простые и двойные), двухколесная повозка также являлась ярким признаком аристократического статуса ее владельца — мужчины или женщины. Повозки, которые в погребении можно распознать по металлическим частям (ободы, детали бронзовой отделки), имели широкое распространение в некрополях Центральной Италии по сравнению с другими частями страны. Колесница была основным атрибутом господина, поскольку она позволяла перемещаться по его земельным владениям, основе его богатства, могущества и роскоши.

Терки для сыра

Инвентарь аристократических погребений выделяется своим изобилием и богатством: разнообразие материалов (золото, серебро, янтарь, слоновая кость), богатство и роскошь гравированных или рельефных узоров. Иногда среди всего этого многообразия выделяются предметы на первый взгляд несуразные, но тем не менее они дарят нам новую информацию. Так, примерно в пятнадцати этруских погребениях VII в. до н. э. были найдены небольшие бронзовые орудия, выделявшиеся среди остальных предметов и похожие на современную терку для сыра. При более внимательном рассмотрении эти предметы и оказались терками для сыра. В трех гробницах Популонии, а также в гробницах Ветулонии, Сованы, Поджио Буко, Марсельяна д'Албеньи, Цере были обнаружены эти терки, которые также имелись в синхронных погребениях.

ниях окрестностей Рима (Пренесте, Кагель ди Дечима, Лавиний) и в кампанийской Этрурии (Понтеканьяно). Эти предметы также были обнаружены на Искье (Питиусские острова) и в эвбейских погребениях воинах IX в. до н. э. (некрополь Тумба в Лефканди). Терка для сыра, обыкновенная на первый взгляд вещь, относилась скорее к женскому миру, нежели к миру греческих и этрусских «царей». Но настоящая важность этой находки стала понятна, когда исследователи сопоставили ее с отрывком из «Илиады» Гомера:

«Прежде сидящим поставила стол Гекамеда прекрасный,
Ярко блестящий, с подножием черным; на нем предложила
Медное блюдо со сладостным луком, в прикуску напитка,
С медом новым и ячной мукою священной;
Кубок красивый поставила, из дому взятый Нелидом,
Окрест гвоздями златыми покрытый; на нем рукояток
Было четыре высоких, и две голубицы на каждой
Будто клевали, златые; и был он внутри двоедонный.
Тяжкий сей кубок иной не легко приподнял бы с трапезы,
Полный вином; но легко подымал его старец пилосский.
В нем Гекамеда, богиням подобная, им растворила
Смесь на вине прамнейском, натерла козьего сыра
Теркою медной и ячной присыпала белой мукою.
Так уготовя напиток составленный, пить приказала».

Действительно, за тенью этого скромного предмета прячется целая аристократическая идеология. Терка для сыра была не просто бытовой утварью, а являлась частью греческой пиршественной традиции. Она была одним из символов греческого образа жизни, который приживается в некоторых городах Этрурии.

Царские резиденции

До сих пор мы основывались на данных археологии погребений, и она остается основой для большинства наших умозаключений по поводу этрусского общества. Однако за последние десятилетия были проведены раскопки в Поджо Чивитат (город Мурло), южнее Сиены, а также в Аквароссе, близ Витербы, которые дали нам очень важные сведения о резиденциях знаменитых этрусских царей, о дворцах властителей ориентализирующего периода. На этих двух археологических памятниках были выявлены две стадии строительства, — первая восходит к середине VII в. до н. э., вторая датируется началом VI в. до н. э. Здесь мы остановимся лишь на раскопках в Поджо Чивитат, поскольку здания ориентализирующего периода Аквароссы практически полностью разрушены. Не следует забывать об одном очень важном различии между этими памятниками, географически весьма отдаленными друг от друга (Поджо Чивитат находится в Северной Этрурии, а Акваросса — в Южной): дворец в Поджо Чивитат был полностью изолирован, в то время как резиденция в Аквароссе была окружена домами (их обнаружено около сотни) и находилась практически в центре населенного пункта. В ходе раскопок не было определено, являются ли схожими планировки дворцов ориентализирующего и архаического периодов в Поджо Чивитат. Архаический дворец представляет собой квадратное в плане здание с четырьмя боковыми строениями, обрамленными портиками вокруг двора, где, несомненно, располагалась часовня. Эта планировка имеет определенные сходства с восточными дворцами, например в городе Ларисса на Герме, в Эолиде.

Можно с уверенностью говорить о богатстве царей Поджо Чивитат VII в. до н. э. Здесь найдены богатая пиршественная посуда, изделия из бронзы (например, статуэтки борцов), слоновой кости и янтаря, золотые украшения. Другим поразительным фактом, о котором и не подозревали до начала раскопок, стало использование терракоты в качестве архитектурного декора. Долгое время считалось, что такой декор мог иметь место только в храмах. Во всяком случае, дворцы в Аквароссе и Поджо Чивитат с VII в. до н. э. были украшены акротериями из терракоты, которые, впрочем, еще не были настоящими статуями, а представляли собой лишь силуэты. На дворце Поджо Чивитат имелся акротерий в форме всадника. Эта система декорирования восходит к погребальным урнам в виде жилища эпохи Вилланова. Благодаря анализу глины было установлено, что все эти декоративные элементы из терракоты — акротерии или фрагменты фриз — были изготовлены теми же ремесленниками-гончарами, которые производили керамическую посуду.

Буккерио

Наконец, одним из самых ярких событий ориентализирующего периода стало появление буккерио, которую по праву можно назвать «национальной керамикой» этрусков и которая представлена в большинстве погребений и жилищ, описанных ранее. Черный цвет этой керамики, отличающийся от аттической керамики того же времени, несомненно, внес свою лепту в формирование этрусской загадки. Буккерио — это керамика черного или серого цвета, отшлифованная до блеска без лака или росписи;

производилась в Этрурии или на территории, сильно подверженной этрусскому влиянию, например в Лации. Эти черные сосуды, или «черная глина», как они назывались в XIX в. до появления португальского термина «бисаго», были впервые обнаружены в царских гробницах Черветери, в частности в гробнице Реголини-Галасси, инвентарь которой представлен в Григорианском музее Ватикана. Буккери представляет собой эволюцию стиля импасто (черные лощеные сосуды периода Вилланова), а форма и орнаменты буккери восходят к греческим и восточным мотивам.

Во всяком случае, буккери вместе с появлением этрусских городов очень скоро оказывается на подъеме и развивается небывалыми темпами, являя миру многообразие форм, удивляя продолжительностью существования (вплоть до конца IV в. до н. э.) и широтой распространения в Средиземноморском регионе. С этой точки зрения керамика этрусков предвещает появление в почти промышленных масштабах кампанийской керамики, покрытой черным лаком, и аретинской керамики, покрытой красным лаком, появившихся в середине I в. до н. э. Естественно, этот процесс не обходится без развития: сосуды VII в. до н. э., аккуратно выполненные, ставшие символом престижа, в VI в. до н. э. эволюционируют в стандартные серые буккери, лишенные какого-либо декора. Самые первые сосуды называют «легким буккери», родом они из мастерских Южной Этрурии: в последней трети VII в. до н. э. встречаются даже уникальные примеры сосудов буккери с выгравированными изобразительными сценами. Однако этот тип декора остается весьма редким, помимо более поздних фризов из Клузия и Тарквиниев с орнаментом, выполненным колесиком или цилиндрической печатью.

Один лишь металлический блеск первых роскошных сосудов буккерио не может служить объяснением их чрезвычайной популярности и присутствия в наиболее богатых погребениях, однако вписанные в италийскую историю керамики, они могут иметь идеологическое значение. Можно предположить, что для римлян эпохи Августа эти черные этрусские сосуды, память о которых была увековечена и соотнесена с первыми временами Этрурии, были напрямую связаны с царями и с аристократическими должностями при царской власти.

Также встречается «тяжелое буккерио», которое изготавливалось во внутренней Этрурии. В частности, город Клузий специализировался на этом. Достаточно лишь посетить археологические музеи Лация и Тосканы, чтобы понять масштабы распространения буккерио. Обнаружение такой керамики при раскопках того или иного поселения или могильника свидетельствует, что данный регион находился под этрусским влиянием.

Сосуды буккерио были распространены почти по всему Средиземноморью от Испании до Малой Азии, но наибольшее количество этой керамики было найдено в Галлии. Наибольшая концентрация буккерио была зафиксирована на юге Франции в районе Марселя. Во время раскопок в Сен-Блез были обнаружены тысячи фрагментов буккерио, а также этрусско-коринфской керамики и этрусских амфор в количествах, позволяющих назвать Сен-Блез чемпионом по объему керамики такого типа за пределами Италии. Недавние раскопки в Марселе подтверждают эти сведения. Соседство канфара, сосуда для вина с двумя вертикальными ручками, и амфоры прекрасно иллюстрирует импорт этрусского вина. Есть даже предположение, что именно этрусские «научили» галлов пить вино в конце

VII в. до н. э. В товарообмене основным продуктом, очевидно, было содержимое этих сосудов, то есть вино. Но возникает также вопрос о настоящем значении буккеры и этих сосудов: были они лишь сопровождением, тарой, или же они сами тоже были объектом торговли?

Зато внутренняя Галлия, где зачастую встречаются италийские или этрусские товары, была полностью лишена керамики буккеры: в Бурже в слоях VIII—VII вв. до н. э. были обнаружены привезенные предметы быта — бритвы и змеевидные фибулы. Позднее, около 500 г. до н. э., то есть в конце т.н. гальштатского периода, в эту царскую резиденцию, будущий Аварикум, была привезена этруская бронзовая посуда, в частности типичная ойнохоя с длинным «утиным» носиком, стамносы или ситуты. Керамическая посуда, импортируемая вместе с металлической, производилась в Аттике. Кельты оставили нам множество этрусских бронзовых сосудов и очень мало этрусской керамики, подобной той, что была недавно найдена в Лионе, в Бургундии. Зато в Генебурге на Дунае, на горе Лассуа на Сене и в Бурже в бассейне Луары бронзовая этруская посуда, найденная в царских погребениях, тесно связана с аттической керамикой и марсельскими амфорами крупнейших поселений. Затрагивая дискуссию о двух основных путях из Италии в центр Франции, во внутреннюю территорию кельтов, через долины Роны-Саоны с одной стороны и через альпийские перевалы с другой, отметим, что в настоящее время признается историческое существование обоих этих маршрутов.

АРХАИЧЕСКИЙ ПЕРИОД (580—475 гг. до н. э.)

Слава и успех тосканцев

Около 540 г. до н. э. этруски из Цере, объединившись с Карфагеном, нанесли удар по фокейцам. В результате сражения фокейцы потеряли господствующее положение в этой части Средиземноморья: Сардиния осталась в руках карфагенян, а этруски основали колонию на Корсике. Тесные связи этрусков с Карфагеном описывает Аристотель в «Политике»: «Государство не возникает ради заключения союза в целях предотвращения возможности обид с чьей-либо стороны, также не ради взаимного торгового обмена и услуг; иначе этруски и карфагеняне и вообще все народы, объединенные заключенными между ними торговыми договорами, должны были бы считаться гражданами одного государства. Правда, у них существуют соглашения касательно ввоза и вывоза товаров, имеются договоры с целью предотвращения взаимных недоразумений и есть письменные постановления касательно военного союза». Постройка храма в Пирги, крупном порту-эмпории города Цере, особым образом укрепляет этрусско-карфагенский союз: храм посвящен финикийской Астарте, отождествляемой с этрусской Уни (Юноной), а некоторые обряды, совершаемые в святилище, например храмовая проституция, очевидно, отсылают нас к финикийской традиции. Это время этрусского господства в западной части Средиземноморья.

В VI в. до н. э. этруская династия царствовала в Риме. Несмотря на скудные известия в римских источниках, мы знаем троих (в действительности их было больше) этрус-

ских царей, правивших Римом. Среди них выделяется Сервий Туллий, носивший также этрусское имя Мастарна. И несмотря на то, что этрусский царский род Тарквиниев был изгнан из Рима в 509 г. до н. э., власть Порсены, царя города Клузия, распространялась по всей тиберийской Этрурии. Колонизация, охватившая в VI в. до н. э. долину реки По и Кампанию, привела к доминированию этрусков над большей частью Италии. Это — самый яркий период в этрусской истории, иллюстрирующий хвалебные высказывания об этрусках Тита Ливия, Катона и Диодора Сицилийского.

Война и ее результаты. Этрусские гоплиты?

Естественно, это доминирование на море или на суше подразумевает не только торговлю, но и войну. Хотя греческие источники описывают в основном изнеженность и сластолюбие этрусков, все же наивно предполагать, что завоевание Италии произошло мирным путем. Между тем военная символика присутствует в погребальном инвентаре и в иконографии с самого начала этрусской истории: не случайно бронзовые или терракотовые шлемы служат крышками для множества биконических погребальных урн периода Вилланова. На небольшой бронзовой колеснице из Бисенцио конца VIII в. до н. э. сцена военного поединка (реального или ритуального) соседствует с сельскохозяйственными мотивами: это и были два основных источника прибыли правящего класса, и война приносила победителю абсолютный авторитет. Колесницы были очевидным признаком могущества. Поразителен тот факт, что некоторые колесницы, вероятно, парадные, помеща-

лись в захоронения архаического периода. Наиболее красивые среди этих парадных колесниц, украшенные бронзовыми орнаментированными накладками, были найдены в Кастель сан Мариано, рядом с Перузией и в Монтелеоне ди Сполето. Оба эти археологических памятника расположены на территории Умбрии, но связаны определенно с этрусками. Пользуясь случаем, отметим, что среди всех символов власти, которые римляне заимствовали у этрусков, курульное кресло изначально было креслом колесницы. И коль скоро мы заговорили о Риме, необходимо отметить, что церемония чествования после военной победы внешне также напоминала этрусскую.

В интересующий нас период в Греции произошло событие чрезвычайной важности, которое должно было затронуть этрусское военное дело: речь идет о рождении гоплитской тактики — сражении в фаланге, где каждый воин в строю защищал круглым щитом своего соседа слева. Тактика эта заменила индивидуальный поединок — способ ведения войны, описанный еще Гомером. В Этрурии этот способ ведения боя также быстро распространился. Кроме того, некоторые античные источники (Диодор Сицилийский) свидетельствуют, что именно этруски передали римлянам эту гоплитскую тактику. Археологические открытия подтверждают, что гоплитское вооружение было известно в Этрурии в VI в. до н. э. В этом отношении особенно показательным погребением воина из Вульчи: среди бронзовых предметов были найдены орнаментированный шлем, поножи и большой парадный щит диаметром 1 метр (настоящие щиты изготавливались из дерева и были обиты бронзой), а также железный меч и четыре наконечника копий. Впоследствии железное вооружение совершенствовалось, но и бронзовое оружие не исчезло, например,

типичны этрусские шлемы V в. до н. э., в археологической литературе называемые Негау (по месту первой находки). Недавно в Агде был найден такой шлем, но интересно отметить, что в 1905 г. двадцать пять шлемов Негау были обнаружены в кладовой недалеко от городских стен Ветулонии; на всех них была одна и та же надпись с родовым именем «haspnas».

Произведения искусства. Величие и красота

Туристы, посещающие основные этрусские центры Тосканы, Умбрии и Лация, несомненно, поймут, насколько ярким был архаический период в Этрурии, поскольку наиболее крупные этрусские произведения искусства относятся именно к этой эпохе. Это относится к городам Цере, Тарквинии, Клузий и к таким жанрам искусства, как архитектура, живопись и скульптура. Стоит остановиться на нескольких примерах, которые позволят нам уловить некоторые стороны, изменения в этруском обществе.

Архитектура

Без всяких сомнений, именно в Черветери, в некрополе Бандитачча, мы видим ярчайшие примеры этрусского строительства VI в. до н. э. Несмотря на то что раскопки в Марцботто и Аквароссе дали нам сведения о поселениях и общественных зданиях, архитектура погребений остается нашим основным источником, помогающим понять архитектуру городов. Эти погребения сохранились,

несомненно, благодаря тому, что были выкопаны в вулканическом туфе Южной Этрурии. Огромные тумулусы Цере существуют с VII в. до н. э., но около 600 г. до н. э. господство крупных семей не прекратилось, в тех же самых тумулусах выкапывали другие могилы, но их дромос находился не в северо-западной части кургана. Она была предназначена для более поздних захоронений — мы увидим далее, что это направление не было случайным, — поскольку это направление соответствовало части неба, принадлежащей демоническим божествам.

Кстати, это позволяет нам заявить еще об одной черте, великолепно иллюстрирующей могущество и богатство Этрурии в этот период: тысячи греческих, в первую очередь коринфских, а затем — аттических сосудов привозились в крупные города, а также в менее значимые центры и даже в сельскую местность. Было отмечено, что привозные товары предназначались не только для городской элиты, но также для средних слоев. Эти аттические сосуды были обнаружены, конечно же, в некрополях — в Цере, к примеру, большинство погребений содержат греческие сосуды, а также в поселениях, например, в Мантуе, что свидетельствует о том, что эта посуда использовалась и в повседневной жизни. Не только в южной, но и в остальных частях Этрурии были распространены аттические сосуды: в Клузии была найдена знаменитая «ваза Франсуа» работы гончара Эрготима и вазописца Клития, датированная 570 гг. до н. э. Конечно, самый богатый город в этом отношении — Вульчи, где была найдена почти половина аттических чернофигурных и краснофигурных ваз Этрурии. Рассказ о раскопках, проведенных в XIX в. Люсьеном Бонапартом, царем Канино, и его супругой, потрясает, поскольку в течение нескольких дней в некрополях Вуль-

чи было обнаружено огромное количество великолепной греческой керамики. Это позволяет нам понять, почему такие сосуды долгое время назывались «этрускими вазами». Афинские гончары и вазописцы пытались угодить желаниям своих этрусских заказчиков, создавая для них сосуды особых форм, например никосфеновские амфоры (повторяющие формы буккери), или же уделяя особое внимание определенным художественным мотивам, бытовавшим только в Этрурии.

Таким образом, греческие торговцы с большим вниманием относились к этрусским заказчикам и рынку в целом. В доказательство этрусской динамичности отметим, что эти привозные товары моментально копировались на месте, мастерские этрусско-коринфской керамики, существовавшей до 540-х гг. до н. э., а также этрусской чернофигурной и краснофигурной керамики успешно функционировали во многих этрусских городах. Хоть мы и не обнаружили ни одной подписи этрусского гончара или вазописца, в Этрурии существовали настоящие мастера: археологи обнаружили многочисленные чернофигурные сосуды, происходящие из мастерской в Вульчи, работавшей в конце VI в. до н. э., принадлежавшей мастеру из Микали. Последний был современником крупного гончара из Вейцев, потомка Вульки — единственного этрусского мастера, имя которого нам известно. Вулька делал скульптуры для храма Аполлона в Вейях и акротерии в храме Портоначчо — шедевры ионийско-этруского искусства, как иногда называют архаические творения, и был удостоен прозвища «мастер Аполлона».

В Черветери в Гробнице Ваз наше внимание привлекает не только инвентарь этого погребения, но и его планировка, поскольку она встречается весьма часто и становится

стандартной во многих районах. После дромоса, по бокам которого располагались две небольшие камеры, предназначенные для прислуги и других подчиненных, а может быть, для дальних родственников, мы входим в большую прямоугольную комнату, похожую на большой вестибюль или атриум. Она расположена перпендикулярно направлению коридора и, в свою очередь, переходит в три другие камеры в самой глубине погребения. Три входные двери в эти камеры окаймлены карнизами, а между ними высечены маленькие окна, которые делают гробницу еще более похожей на обыкновенный дом. Еще одно совпадение — потолок центральной комнаты, атриума, кажется, имитирует деревянную конструкцию, по крайней мере, своей центральной перекладной. Естественно, усопшие покоились на погребальном ложе, форма которого зависела от пола покойника: женские ложа были более «изощренными», во главе их имелся небольшой треугольный фронтон, а в мужских ложах имитировались изголовья.

Количество таких лож, расположенных вдоль стен, в разных погребениях было различным. В гробнице Щитов и Кресел, которая получила название благодаря оружию и мебели, высеченной из туфа, их было двадцать восемь. Такое убранство зависело от богатства и власти семьи, захороненной в каждой гробнице. Но структура погребения — трехкомнатная планировка — не изменяется, ее можно встретить и в гробнице Капителей, чуть более старшей, нежели гробница Греческих Ваз (около 570 г. до н. э.). Эта гробница, единственная в своем небольшом тумулусе, обязана своим именем двум колоннам, увенчанным эолийскими капителями, которые «поддерживали» потолок атриума. На этом основании мы можем сделать вывод о новом типе планировки, впервые обнаруженном в

этом некрополе Черветери: речь идет о плане, свойственном скорее жилой архитектуре, нежели храмовой. В ходе раскопок шведских исследователей в Аквароссе, близ Витербе, было обнаружено множество домов, — зданий, состоящих из одной комнаты или вестибюля, выходящего на три маленьких зала. Иногда эти здания на входе были снабжены портиком. Что же касается тосканского храма, о котором мы еще поговорим далее, то его прототип находится именно здесь: «атриум» с двумя колоннами гробницы Капителей похож на пронаос этрусско-италийского храма, если заменить стену перед входом в гробницу на колоннаду. Затем, во второй линии, между угловыми пиллястрами располагаются две колонны. Сами погребальные комнаты в храме были заменены тремя *целлами*, наподобие священной триады, как в капитолийском храме Юпитера в Риме.

Расписные гробницы в Тарквиниях

Мы еще вернемся к некрополю Бандитачча, а теперь хотелось бы уделить внимание погребальной живописи Тарквиниев, уникальному явлению античного мира этого периода. Великая греческая живопись, о существовании и расцвете которой писал Плиний Старший, к настоящему времени полностью исчезла: только росписи на сосудах несут в себе отголоски ее величия. Лишь потому, что этрускам пришла в голову замечательная идея расписывать стены подземных гробниц, эти фрески смогли сохраниться вплоть до их открытия. Сохранение этих росписей представляет собой огромную проблему. Некоторые из них были извлечены из погребений, отреставрированы

и восстановлены в музее Тарквиниев, на другие можно взглянуть, посетив некрополь Монтероцци в Тарквиниях. Это не единственный город, где имеются такие фрески. Они были обнаружены в Клузии, Вейях, Цере и Орвието, но из двух сотен погребений с такой росписью три четверти находятся в Тарквиниях. Говоря о хронологии развития, отметим, что расписные погребения встречаются уже в VII в. до н. э. сначала в Вейях, в гробнице Уток, датированной 670 г. до н. э., а также в гробнице Кампана 620 г. до н. э., где мы видим весьма развитые изобразительные мотивы (охота, фантастические животные). Затем мы отмечаем их в Цере, в гробнице Львов, и в Тарквиниях, в гробнице Львиц.

Но лишь во второй половине VI в. до н. э. примеры живописи становятся многочисленными, а первая половина VI в. до н. э. предстает перед нами как зияющая пустота, если принимать датировки погребений, поскольку керамический погребальный инвентарь очень редко сохраняется так, чтобы дать нам более точную дату. Зато десятками насчитываются расписные гробницы в некрополе Монтероцци в период с 550 по 450 г. до н. э. (некрополь был расположен на равнине, параллельной поселению Чивита). И все же это количество не должно вводить нас в заблуждение: гробницы, содержащие фрески, представляли меньшинство. Считается, что лишь 2% погребений были отмечены росписью. Труд художников стоил очень дорого и только лишь элита, имевшая внушительные доходы, могла позволить себе эту роскошь. Иногда обращались за помощью к греческим иммигрантам — художникам и ремесленникам. Показательно, что среди votivных даров, найденных в часто посещаемом греками святилище Грависка, были

найлены пигменты и краски, вероятно, имеющие восточное происхождение.

В любом случае, на фресках этого периода были представлены сцены пиршеств, танцев, конных и атлетических соревнований, без всякого сомнения, имевших отношение к погребальной церемонии, — все они были призваны возвысить социальный статус умершего и его семьи. То же можно сказать и о стелах Фельсины, на которых изображены те же символические сцены. В некоторых случаях, например, на фресках гробницы Колесниц, датируемой 500 г. до н. э., в которой ощущается сильное влияние аттического стиля, изображенные церемонии имеют явно публичный характер: здесь показаны трибуны, полные зрителей, мужчин и женщин, сидящих рядом и наблюдающих за церемонией. Возможно, это погребение знатного чиновника Тарквиний.

Высшей точкой развития этруской скульптуры стал VI в. до н. э. Мы встречаем работы из камня, бронзы, терракоты. Архаические рельефы Клузия напоминают росписи из Тарквиниев. Датируются они концом VI — первой половиной V вв. до н. э. Говоря о Клузии, следует отметить, что здесь также имела место живопись, в частности в гробнице Обезьяны и в гробнице Холма. Правда, эти фрески были созданы в разное время с фресками Тарквиниев, что, впрочем, нормально для городов внутренней Этрурии. В VI в. до н. э. в Вульчи мы также видим развитие погребальной каменной скульптуры, представленной реальными или фантастическими животными, выполненными из нефро (вулканического камня): львы, грифоны, морские коньки. Они помещались в начале дромоса и играли роль апотропея — защитника покойного от нежелательных посетителей. В Вульчи также представлена замечательная

школа скульпторов из бронзы, изготовивших множество отличных трезубцев. Коропластика же была представлена только в Вейях. В Цере в конце VI в. до н. э. были изготовлены два великолепных саркофага супружеской четы, один из которых сохранился в Лувре, а второй — в музее Вилла Джулия в Риме. Супруги изображены полулежа; предметы, которые они некогда держали в руках, до нас не дошли. Сердечный жест мужчины, ласково обнимающего свою супругу, на голове которой изображен тутулус (высокая прическа), является признаком известного положения женщины в этруском обществе. В Цере делали большие расписные плиты — сочетание живописи и керамики. Они использовались вместо фресок в погребениях и, возможно, в храмах и даже в частных домах (плиты Кампана в Лувре, плиты Бокканера в Британском музее).

Эти разнообразные воплощения свидетельствуют о богатстве и плодovitости архаической Этрурии — это касается всех ее географических районов, хоть Южная приморская Этрурия и сохраняет первенство. Тем не менее это общество не было застывшим, как можно представить по планировке городов или погребальной архитектуре. Мы говорили о впечатляющих тумулусах некрополя Бандитачча в Цере, которые представляли правящую элиту. Но здесь же мы видим более простые погребения. Их называют также гробницами-«домино», поскольку одна была похожа на другую; зачастую они имели лишь одну камеру, а отделка фасада была менее пышной. Эти гробницы выстраивались в улицы, которые в свою очередь пересекались между собой, образуя прямой угол. Датируются они второй половиной VI в. до н. э. Похожую картину, быть может, еще более эффектную, можно наблюдать в Орвието, в северном некрополе, что у подножия горы Кроче-

фиссо дел Туфо. Несколько десятилетий после середины VI в. до н. э. здесь располагался некрополь, в плане представлявший собой кварталы, расположенные вдоль улиц, которые при пересечении образовывали прямые углы. Это был план Марцаботто, и нельзя не заметить тот факт, что планировка города мертвых полностью соответствовала планировке обычного города. Погребения были однотипными, простыми, были немного украшены, и они должны были быть перекрыты небольшими курганами, увенчанными надгробием. На плите перекрытия над дверью в гробницу были высечены имя и фамилия ее «владельца» — это увлекательнейший источник информации, сообщающий нам, что многие из этих этрусских граждан имели иностранное происхождение, галльское или италийское.

Эти однотипные погребения среднего уровня являются доказательством «демократического» развития города. Возвращаясь к тому, что мы говорили о гоплитской тактике, интересно отметить, что среди однотипных надгробий сферической формы на тумулусах некрополя в Орвието выделяется одно надгробие, выполненное в форме головы воина в шлеме с нащечниками. Можно предположить, что покойный был гоплитом и что этруски Орвието и Цере были более близки к греческой военной и политической модели.

Также необходимо отметить, что эта эволюция не везде происходила в одном и том же темпе. Так, в Северной Этрурии, в Поджо Чивитат, примерно в 25 км от Сиены, в ходе раскопок, предпринятых американскими исследователями, было обнаружено большое здание с удивительной отделкой. Квадратное в плане, оно имеет четыре боковых пристройки примерно 60 м в длину вокруг двора с портиками с трех сторон. Это здание украшено большими акроте-

риями и фризами из терракотовых плит. В его архитектурном развитии мы можем отметить два этапа, описанных ранее: первоначальное здание, планировка которого немного отличалась, было построено около середины VII в. до н. э. и уничтожено пожаром в конце века, но в начале VI в. до н. э. оно было реконструировано, фундамент стал каменным, а стены — глинобитными. Из-за присутствия терракоты поначалу считалось, что это — святилище, но все же речь идет о крупной помещичьей резиденции. Американские исследователи предположили, что это здание могло быть резиденцией Союза, объединявшего некоторые города Северной Этрурии. Четыре сюжета (шествование, пиршество, конные скачки, собрание), представленных на терракотовых плитах, иллюстрируют образ жизни крупной аристократической семьи — это напоминает мотивы погребальных фресок Тарквиниев и Клузия.

На декоративных терракотовых плитах дворца в Аквароссе, о котором мы уже говорили, также были выделены четыре сюжета: уже известная нам сцена пиршества, символизирующая авторитет аристократической семьи, а также новые сцены с танцорами-комастами и мифологические сюжеты о сражениях Геракла с немейским львом и с критским быком. На двух плитах мы видим изображения воинов — пеших или на колесницах (причем лошади в некоторых случаях изображены крылатыми). Без всякого сомнения, царь Аквароссы хотел отождествить себя с незабвенным героем.

Акротерии на крышах Поджо Чивитат, изображающие знатных людей рядом со сфинксом, являлись символами власти. Они были выполнены из бронзы и не сохранились до наших дней. Эти статуи изображали предков — покровителей семьи. Если эта интерпретация верна, то мы

имеем дело с царским дворцом, существовавшим вплоть до третьей четверти VI в. до н. э. и тщательно, почти что ритуально разрушенным: все ценные предметы были вывезены, а терракота помещена в специально вырытые котлованы. Исчезновение этой царской резиденции однозначно объясняется усилением могущества соседнего города — Клузия, который не мог больше мириться с властью местных царьков. Итак, мы вплотную подходим к эпохе Порсены, который не желал больше ограничивать свою власть одним только Клузием.

КЛАССИЧЕСКИЙ И ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ ПЕРИОДЫ (475—27 гг. до н. э.)

Кумы (474 г. до н. э.): роковой удар?

Объединяя эти два периода, которые в совокупности составляют четыре с половиной века, со второй четверти V в. до н. э. и вплоть до начала эпохи Римской империи, мы охватим большую часть истории этрусков — от расцвета Этрурии до ее ассимиляции. В V в. до н. э. паданская Этрурия бурно развивается, а тиберийская Этрурия от Клузия до Орвието переживает период расцвета. Чтобы убедиться в этом, достаточно посетить музей в Ферраре, в залах которого красуются великолепные большие аттические сосуды того периода, найденные в Спине. В это время паданская Этрурия, богатая плодородными почвами, экспортировала зерно в Атику. Что касается Центральной Этрурии, то расцвет этрусского искусства прекрасно прослеживается по ремесленным и художественным

произведения Орвието и Ареццо конца V—IV вв. до н. э. Таким образом, можно говорить о настоящем этруском классицизме: бронзовая Химера из Ареццо, Марс из Тоди (без всякого сомнения, привезенный из Орвието), роскошные терракотовые скульптуры, украшавшие храмы Орвието — все эти произведения созданы под влиянием крупных греческих мастеров классической эпохи. Это развитие в области искусства, очевидно, имело связь с экономическим процветанием: зерно из паданской равнины экспортировалось в Грецию, а этрусские города долины Кианы и Тибра снабжали Рим зерном в случае неурожая. В Южной Этрурии во второй половине IV—III вв. до н. э. происходило нечто вроде «внутренней колонизации», которая привела к рождению или к возрождению многочисленных сельских поселений, а также к несомненному хозяйственному подъему на этих территориях.

Тем не менее в 474 г. до н. э. этрусски потерпели серьезное поражение от объединенного греко-сиракузского войска при попытке овладеть греческой колонией Кумы в Кампании. Повествование Диодора Сицилийского не требует комментариев: «В этом году базилей Сиракуз Гиерон принял послов из итальянских Кум, пришедших с просьбой о помощи в войне против тирренцев, которые имели преимущество на море, и он отправил крупный отряд триер им в помощь. До того, как корабли доплыли до Кум, совместно с греками они дали бой тирренцам, разрушив множество вражеских кораблей. Победив в этом сражении, они ослабили могущество тирренцев и избавили жителей Кум от опасности». Сложно оценить точное значение этой битвы, но очевидно одно — восходящая держава Западного Средиземноморья выступила против тосканских притязаний на доминирование в данном регионе, то

есть в южной части Тирренского моря. Битва при Кумах ознаменовала конец этрусского господства на море. Сиракузцы воспользовались этим, чтобы укрепить остров Искью (Питиусские острова, первое поселение эвбейцев в 770 г. до н. э.). Наиболее заметным знаком отступления тосканцев был резкий спад в ввозе аттических сосудов в крупные города Южной Этрурии, такие как Вульчи и Цере. Говоря о битве при Кумах, нельзя не сопоставить ее с другой крупной победой сиракузцев, одержанной над Карфагеном в сражении при Гимере в 480 г. до н. э. Около 540 г. до н. э. этрусско-карфагенский флот одержал победу над фокейцами Алерии. В это время связь между Цере и Карфагеном вполне можно было назвать политическим союзом!

С другой стороны, союз Сиракуз и Афин был не таким уж и прочным, поскольку в конце V в. до н. э. афиняне по инициативе Алкивиада отправили военную экспедицию против Сиракуз в ходе Пелопоннесской войны. Эта авантюра, плохо закончившаяся для Афин, тем не менее является очень интересной для нас, поскольку в ней приняли участие три этрусских корабля, пришедших на помощь афинянам, как об этом свидетельствует Фукидид: «Афиняне также отправили одну триеру в страну тирренцев, где некоторые города предложили свою помощь в войне. Со всей Италии для войск были отправлены продовольственные запасы. Сикелы, которые поначалу заняли нейтральную позицию, также предоставили Афинам серьезную помощь, а тирренцы дали три корабля с пятьюдесятью веслами». Возможно, известен и предводитель этой небольшой флотилии: среди надписей в Тарквиниях есть упоминание о представителе семьи Спуринна, который был первым из этрусков, кто повел войско в Сицилию.

Быть может, речь идет о той же экспедиции, о которой говорил Фукидид?

Сиракузы увековечили свою победу над этрусками в Кумах, преподнеся оружие и шлемы в греческие святилища, прежде всего — в храм Зевса в Олимпии, в качестве благодарности за помощь главного греческого бога. Среди votивных приношений, найденных в Олимпии и связанных с этим эпизодом, можно назвать этрусский шлем с надписью дорийскими буквами: «Гиерон и сиракузцы преподносят Зевсу этот шлем, взятый у тирренцев во время битвы при Кумах».

На этом конфликты этрусков с греками Сицилии, претендовавшими на господство на всем Западном Средиземноморье, не закончились. Примерно через двадцать лет после Кум сиракузцы заинтересовались экономическим центром Этрурии — горнорудным островом Эльбой. Можно предположить, что этруски из южных городов (например, Тарквиниев или Цере) больше не могли в полной мере пользоваться всеми преимуществами эльбского железа. Невозможно восстановить все детали этого долгого противостояния между Сиракузами и Этрурией. В 384 г. до н. э., после афинской экспедиции на Сицилию, войска Сиракуз вернулись на тирренское побережье, несомненно, чтобы попасть на Эльбу и в Популонию. Во время своих набегов они разграбили святилище города Пирги. Античные источники свидетельствуют о чрезмерном богатстве этого святилища, нажитом торговлей. Диодор Сицилийский так описывает этот поход: «Дионисий в поисках земли отправился в экспедицию против Этрурии с шестьюдесятью триерами под предлогом войны с пиратами. В действительности он имел целью разрушить знаменитое святилище, известное богатством своего имущества, ко-

торое находилось в Пирги, порту этрусского города Агиллы». Это был еще один ощутимый удар по этрусскому могуществу.

Причины упадка

Самнитское наступление

Со второй половины V в. до н. э. на этрусскую империю наступали с двух сторон. На юге горцы самниты в 423 г. до н. э. захватывают Капую, столицу Кампанийского додекаполиса, а два года спустя они продолжают свое продвижение вплоть до Кум, тем самым положив конец дележке этой территории между греческими поселенцами и этрусскими завоевателями. Между тем Рим вынужден был периодически закупать у самнитов зерно. Однако вскоре господство самнитов в Кампании вынудило этрусских жителей Капуи обратиться к Риму за защитой. Римляне прекрасно оценили возможность подчинить себе богатый этрусский регион и в 343 г. до н. э. начали Первую Самнитскую войну. После нескольких сражений между Римом и самнитами был заключен мир, однако в Капуе закрепился римский гарнизон, подчинивший большую часть Кампании. В ходе Второй и Третьей Самнитских войн Рим подчинил себе практически весь Апеннинский полуостров, и окончательно разгромив своих наиболее опасных врагов. В 295 г. до н. э. в битве при Сентине было разбито объединенное самнитско-галло-этрuscoе войско. Остатки галлов и самнитов отступили, а с непокорными этрусскими городами был заключен мир, в результате чего большинство из них навсегда попало под римское влияние.

Галльское наступление

За несколько десятилетий до этого положение на севере было ничуть не лучше: галлы упорно атаковали паданскую Этрурию, и к середине IV в. до н. э. этот регион стал Цизальпинской Галлией. Этрусская Фельсина стала называться Бононией, по имени кельтов-бойев, в честь которых также была названа Богемия. Можно представить, что изгнание этрусков из этого региона не было мягким: быть может, свидетельством о военных столкновениях может быть стела из Фельсины в форме подковы, изображающая всадника с мечом, направленным против пешего воина, защищавшегося большим щитом. Этот воин изображен абсолютно голым, как часто изображались галлы. Отсюда и стремление увидеть здесь битву между галлом и этрусском. Тем не менее некоторые города Паданской равнины совершенно не были затронуты: например, Марцаботто был покинут до того, как разрушен, а галльское присутствие отмечено здесь скромными погребениями. В некоторых поселениях к югу от Болоньи, судя по археологическим материалам, проживало смешанное этрусско-галльское население.

Триумф Рима

В целом картина кажется весьма ироничной: в 390 г. до н. э. галлы дошли до Рима и частично его разрушили. Но в то же самое время галлы, ослабив этрусков, способствовали их подчинению Риму.

В действительности римляне уже начали дробить этрусский додекаполис, напав на его ближайшего соседа,

крупную метрополию Вейи. Город этот выходил прямо на правый берег Тибра и располагал солончаками в устье реки. Обладание солью нельзя недооценить, это играло ключевую роль для экономического и политического могущества древних городов. И неудивительно, что с самого основания два крупных близлежащих города практически непрерывно находились в состоянии войны. Последняя стадия отношений между Римом и Вейями относится к периоду между 405 и 396 гг. до н. э.: после десятилетней осады, которую римляне потом сравнивали с осадой Трои, этрусский город был взят штурмом благодаря одному из подземных ходов, которые километрами проходили под Вейями. Город был разрушен, его округа захвачена, его воинственная богиня, царица Юнона, «переехала» в Рим, где ей был воздвигнут храм на Авентине. Однако этрусский город сохранил свою привлекательность и шестью годами позже, когда Рим был захвачен галлами, предполагалось восстановить столицу на новом месте, в Вейях, и лишь благодаря влиянию диктатора Камилла эта идея была отвергнута.

Падение Вейев великолепно иллюстрирует тезис, который мы изложили выше: Рим захватил этот город благодаря разобщенности этрусских городов. Вейи не раз обращались к другим городам, но каждый раз в помощи отказывали по разным причинам, например, из-за политического режима в этом городе (монархия) или из-за личности царя. Тем не менее эта общность вполне могла противостоять римской экспансии: достаточно вспомнить, что Тит Ливий пишет о страхе римлян перед мыслью о выступлении против этрусского додекаполиса. Однако на стороне Вейев сражались только лишь мелкие города-соседи, например Фидены (захваченные Римом в 426 г. до н. э.) и

Фалерии. После окончания противостояния они превратились в пустынную деревенскую местность и стали символом упадка, который следует за всяким могуществом.

Последующие события подтверждают вышесказанное. Крупные города додекаполиса один за другим попадают в сферу влияния Рима, не делая ни единой попытки объединиться. Один-единственный случай — победа римлян над жителями Вульчи и Вольсиниев в 280 г. до н. э., одержанная Тиберием Корунканием, позволяет предположить, что эти два города заключили союз, хоть и мало эффективный. Действительно, Рим практически полностью подавил сопротивление в Тоскане и в Великой Греции (Тарент, 272 г. до н. э.) после того, как была завоевана Центральная и Южная Италия. В 338 г. до н. э. распадется Латинский союз, что закрепит безраздельное господство Рима во всем Лацио.

Тарквинии первыми начали пожинать плоды военных действий: после середины IV в. до н. э. здесь начнутся кровавые войны с Римом, перемежающиеся длительными перемириями. Местоположение Тарквиниев в этот период подарило городу, как мы уже отмечали, неоспоримое благосостояние, которое подтверждается наличием крупных аристократических погребений с великолепными фресками (гробница Орко I). И все же этот этрусский город пал под ударом Рима.

Ситуация с Цере/Черветери — еще более поразительна, поскольку этот крупный город Южной Этрурии не только не вступал ни в какие союзы против Рима (за исключением Тарквиниев), но и выступал союзником Рима. Не случайно в Цере перевозят ценнейшие священные предметы из Рима и весталок во время взятия города галлами в 396 г. до н. э. В этот период Цере считался в

некоторой степени «университетским» городом, где молодые римские аристократы совершенствовали свое образование, наподобие того, как они ездили учиться в Грецию в конце периода Республики. Яркий пример — юный Цицерон. В качестве компенсации за свои «услуги» жители Цере получили право гражданства, но без права голосования (*civitas sine suffragio*), хотя это и не помешает Риму через несколько лет захватить большую часть города.

Такая же участь, несмотря на все укрепления, построенные в этот период, ждала все города Центральной и Южной Этрурии в начале III в. до н. э. Затрагивая вопрос о различных превратностях судьбы, постоянных сражениях, зачастую проигранных этрусками, и перемириях, объявленных в первые десятилетия этого века, вспоминая о битве при Сентиуме в 295 г. до н. э., в которой Рим одержал победу над коалицией галлов, самнитов, умбров и этрусков, — говоря об этих событиях, следует обратить особое внимание на одну деталь, которая объясняет поражение этрусков. В случае с Аррецием, Вейями и Вольсиниями / Орвието обратим внимание на внутренние войны, подрывавшие могущество этих независимых этрусских городов. Тосканские города не только не создавали союзов против римской экспансии, но и зачастую были разрознены между собой.

В 302 г. до н. э. гражданская война вспыхивает в Арреции между аристократами и «рабами». Тит Ливий пишет, что последующее римское вторжение привело к восстановлению аристократии во главе Аррецо, и можно предположить, что римское присутствие не было безвозмездным. Из надгробных латинских надписей известно, что некто Авл Спуринна, «zilath» Тарквиниев, или же глава этрусского додекаполиса, подавил восстание «рабов»,

начавшееся в Аррецо. Неизвестно, идет ли речь именно о столкновении 302 г. до н. э., но все же очень велик соблазн, несмотря на все хронологические сложности, сопоставить два эти события.

Случай с Вольсиниями/Орвието является еще более поразительным, учитывая тот факт, что это был последний этрусский город, сохранивший свою независимость перед Римом. Несомненно, по крайней мере в IV—III вв. до н. э. он являлся этрусской метрополией, поскольку общеэтрусское святилище богини Вольтумны располагалось на его территории. Социальный кризис, вспыхнувший в 265 г. до н. э., привел к гибели города. Нашим основным источником по истории гибели Вольсиниев является Зонара, византийский хронист, передавший содержание книг историка Диона Кассия. Зонара описывает в мельчайших деталях восстание рабов, вспыхнувшее в Вольсиниях. Прежде всего необходимо отметить, что этрусские «рабы», о которых говорят античные источники, не соответствуют той социальной категории рабов, которую мы знаем по императорскому Риму. Они представляют собой отдельный социальный класс, нечто среднее между свободными людьми и рабами в классическом понимании. Действительно, эти «зависимые», как их иногда называют, имели юридические и политические права, а представители этого класса из Вольсиниев, по словам Зонары, хотели намного большего. Они захватили власть, оставленную слабой и изнеженной аристократией. И теперь «рабы» могли получить имущество и женщин, принадлежавших бывшему правящему классу. Последние могли лишь обратиться за помощью к римлянам, которые, воспользовавшись случаем, захватили и разрушили город, а также разграбили святилище Вольтумны, откуда было вы-

несено не менее двух тысяч статуй, и перенесли главное божество этрусков в Рим. Спустя четверть века, в 241 г. до н. э., римляне проделали то же самое с Фалериями, городом фалиско-капенатов: он был разрушен, а жители выселены за несколько километров на равнинную местность (Фалерии Нови).

Романизация

Латынь

В течение двух с половиной веков происходило постепенное объединение Этрурии под властью Рима, который доминировал теперь во всей Италии. Поначалу Этрурию, как внутреннюю, так и пограничные ее регионы, пересекали дороги стратегического назначения. Так, Кассиева дорога проходила через новые Вольсинии, нынешнюю Больсену, обходя стороной старые Вольсинии, и Орвието. Новые римские дороги облегчали проход войск, а также способствовали смешению населения и романизации. Самым тяжелым для побежденных этрусков стало то, что их города потеряли часть своих земель, на которых теперь появились многочисленные римские поселки. В течение одного века они выросли на земле, ранее принадлежавшей Цере, Тарквиниям и Вульчи — в основном на побережье Тирренского моря, которое необходимо было держать под контролем. Рим, начиная с 264 г. до н. э., то есть с началом Первой Пунической войны, реализует свои амбиции во всем Западном Средиземноморье. Тем не менее победители не навязывали латинский язык побежденным народам:

Рис. 1. Голова курса. VI в. до н. э.

Рис. 2. Статуэтка сатира. VI в. до н. э.

Рис. 3. Украшения канделябра. V в. до н. э.

Рис. 4. Статуэтка кентавра. V в. до н. э.

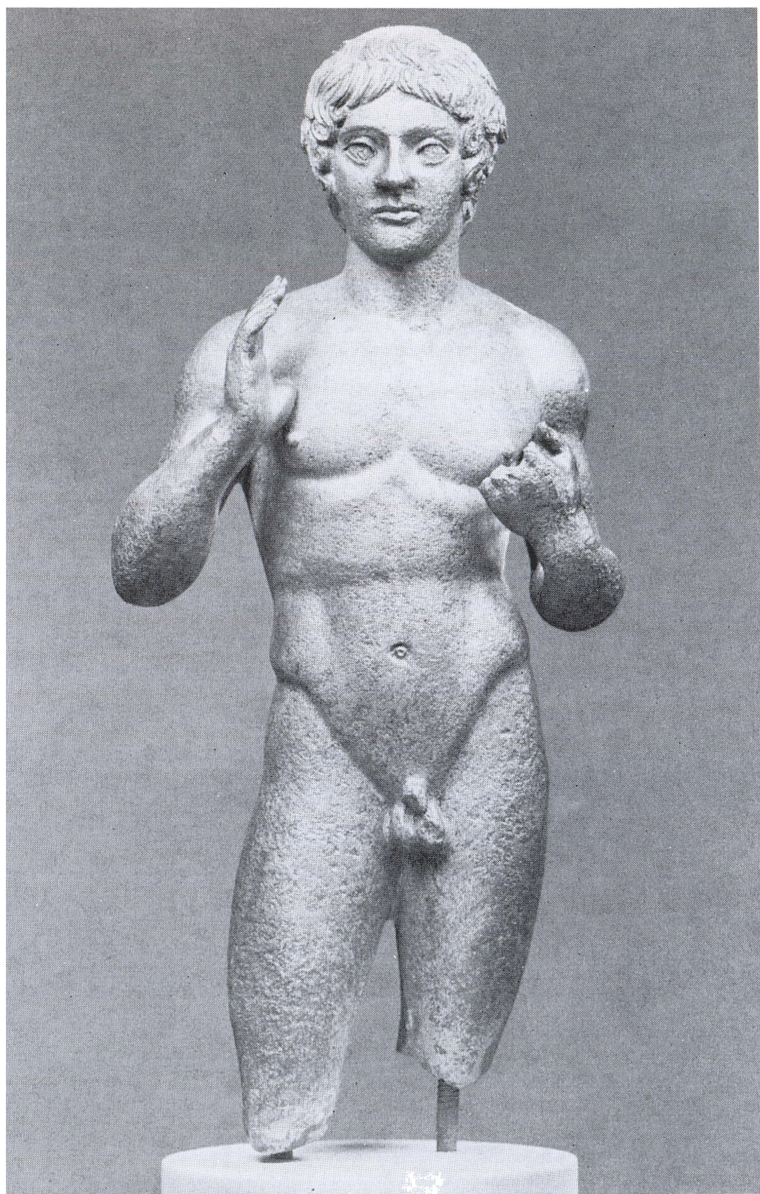

Рис. 5. Молящийся юноша. V в. до н. э.

Рис. 6. Статуэтка жрицы. IV в. до н. э.

Рис. 7. Жрец. II в. до н. э.

Рис. 8. Голова юноши. II в. до н. э.

Рис. 9. Табличка из Кортоньы

Рис. 10. Погребальная урна в виде жилища.

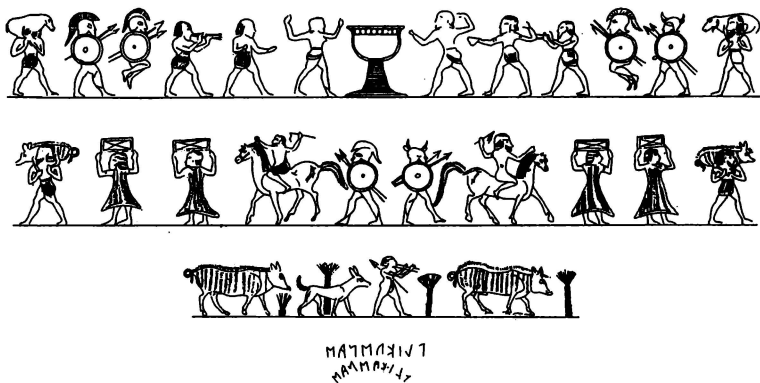

Рис. 11. Изображения на ситule Пликасны из Клузья

Рис. 12. Сосуд, выполненный
в технике черного буккерио

Рис. 13. Борцы из
Тарквиниев (фреска
в Гробнице Авгуров)

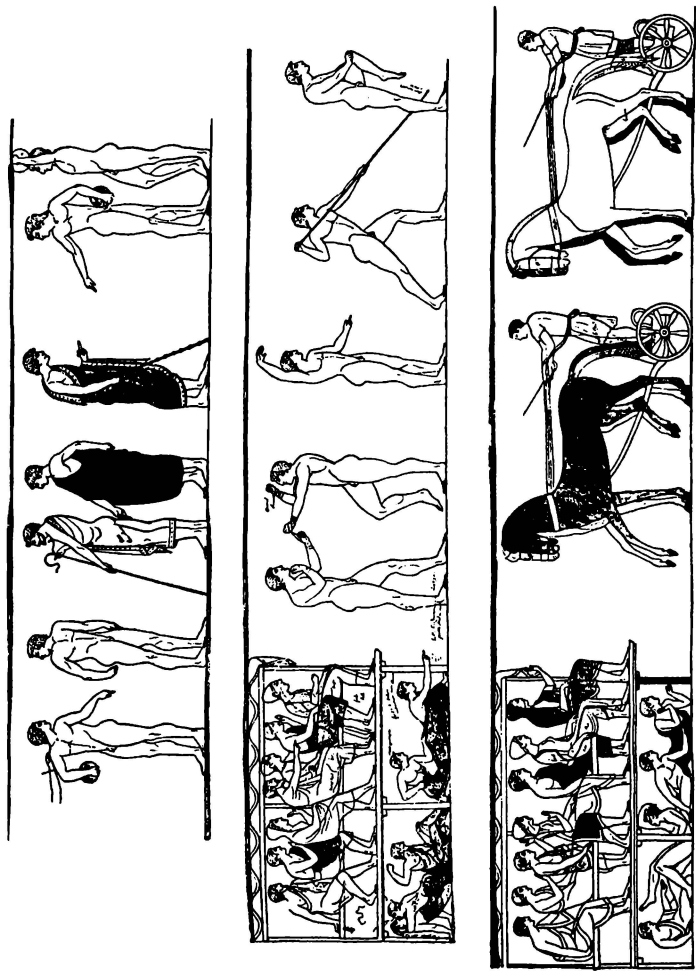

рис. 14. Изображения в гробнице Колесниц (Тарквинии)

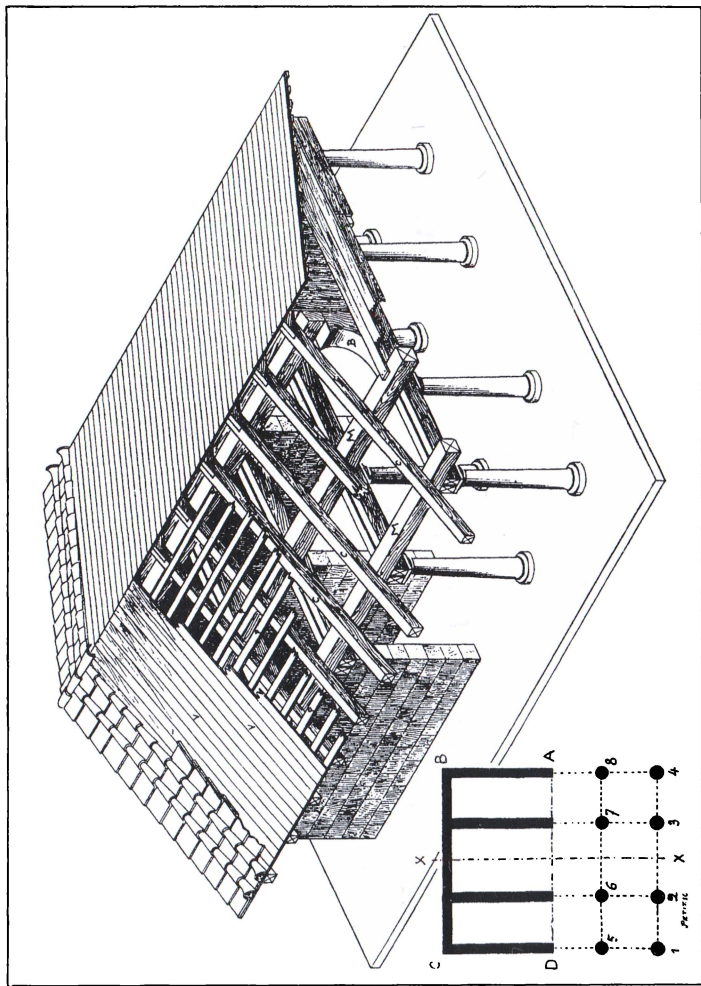

Рис. 15. План этрусского храма

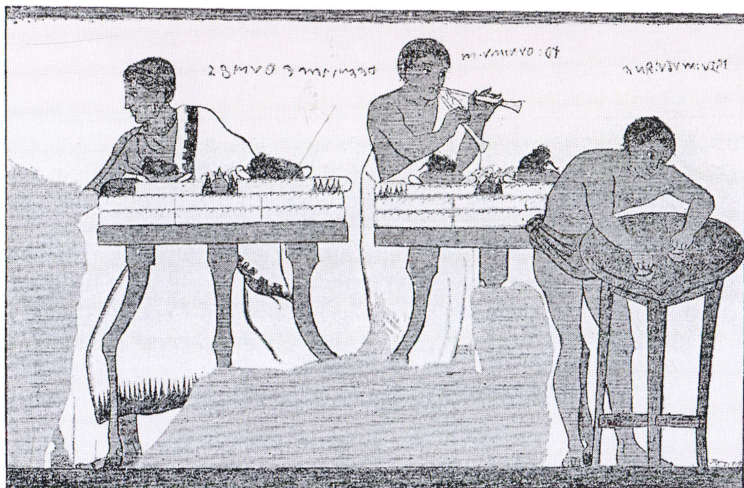

Рис. 16. Подготовка к погребальному пиру

Рис. 17. Вел Сатиес и Арнца (фрагмент росписи Гробницы Франсуа в Вульчи).

Рис. 18. Горельеф из храма в Пирги

Рис. 19. Бронзовая модель печени из Плацентии

Рис. 20. Статуэтка Гаруспика.

Рис. 21. Зеркало Калхаса из Вульчи

Рис. 22. Роспись в Гробнице Леопардов (Тарквинии)

этрусские надписи остаются многочисленными в течение всего периода, этрусско-латинские билингвы появляются лишь во II—I вв. до н. э. Напротив, латинские надписи испытали этрусское влияние: известно, что на римском межевом столбе, обнаруженном на Аврелиевой дороге, название Рима было написано на этрусский манер «Rima». Последствием гражданской войны (91—88 гг. до н. э.) стало предоставление римского гражданства всем подвластным Риму жителям Апенинского полуострова, после чего можно предположить, что латынь стала официальным языком.

Все это дает нам важный критерий датировки: так, знаменитая бронзовая статуя Оратора, найденная в 1566 г. недалеко от Перузии, по-видимому, была создана до Гражданской войны, поскольку на поле тоги Оратора имелась длинная надпись на этрусском языке. Этот текст религиозного содержания свидетельствует, что статуя является votivной и была подарена аристократическому святилищу. Эта ремарка об Ораторе позволяет нам напомнить, что этрусски продолжали изготавливать весьма своеобразные ремесленные изделия в течение всего эллинистического периода. Потеря политической независимости и даже почти полное разрушение некоторых городов не привели к потере «этрусского духа». В доказательство достаточно вспомнить о погребальных урнах, массово выпускаемых в Вольтерре, Клузии, Перузии с конца IV по I вв. до н. э. Урны из алебастра, травертина или терракоты украшены, иногда очень обильно, мотивами, зачастую заимствованными из греческой мифологии. Часто встречается образ Этеокла и Полиника, убивающих друг друга, — этот миф можно сравнить с разладом среди этрусских городов перед агрессией Рима.

Ганнибал, Сципион и этруски

Мы не ставим своей задачей в деталях описать все события, происходившие в Этрурии с 264 года вплоть до эпохи Империи. Заострим лишь внимание на Второй Пунической войне, поскольку мы имеем достаточное количество источников по этой теме благодаря поражению римлян на Тразименском озере в 217 г. до н. э. в бою с войсками Ганнибала. Примерно в это же время была создана Кортонская табличка, на которой, как предполагалось, фигурирует топоним Тразименское озеро (*tarsiminass*). Ганнибал действительно намеревался привлечь этрусков к борьбе против Рима.

Эти намерения, как мы уже знаем, в конечном счете не были удовлетворены, но возможно, некоторые этруски состояли в пунической армии в качестве наемных воинов. Именно эта мысль приходит в голову при изучении надписи, сделанной на стене одного весьма скромного погребения в Тарквиниях: покойный по имени Ларс Фелснас, признавшийся, что прожил 106 лет, утверждает, что бывал по делам в Капуе и каким-то образом был связан с Ганнибалом. Но сделать вывод из данного текста, что этот этруск из Тарквиниев сражался в Капуе на стороне Ганнибала, было бы затруднительно. Более того, у Тита Ливия есть указание на то, что отряд этрусков из Перузии принимал участие в обороне Капуи в 216 г. до н. э. *против* армии Ганнибала. Неизвестно, был ли наш Ларс Фелснас уроженцем Перузии, но закончил свою жизнь он в Тарквиниях. В этом случае надпись могла означать, что этот воин сражался в Капуе на стороне римлян и, быть может, был ранен воинами Ганнибала. Таким образом, мы имеем дополнительное

свидетельство быстрого принятия римского господства этрусками.

Спустя десять лет, в 205 г. до н. э., этрусские ресурсы начали использовать для снаряжения флота и армии Сципиона Африканского Старшего, который отправится в Африку. В списке «дарителей» фигурируют некоторые основные независимые этрусские города и характер товаров, затребованных Сципионом, является весьма интересным для изучения их экономики в то время. Из восьми упомянутых городов, которые были опорой додекаполиса, несколько должны были поставлять хлеб и зерно, подтверждая тем самым, что сельскохозяйственное богатство этого региона не было забыто в эллинистическую эпоху. Напротив, имело место настоящее перенаселение деревень, земли возделывались в основном мелкими собственниками в Цере, Вольтере, Ареццо, Перузии, Клузии и Розелле. Популония и Ареццо поставляли железо, оружие и сельскохозяйственный инвентарь. Тарквинии давали льняное полотно для парусов, Вольтера, Клузий, Перузия и Розелле — лес в больших количествах для строительства кораблей. Этот лес, согласно Страбону, сплавлялся по рекам в Рим. Так, Публий Корнелий Сципион смог выполнить свое обещание, что «флот ничего не будет стоить государству» (Тит Ливий). Дионисий Галикарнасский в одном из очень оптимистических описаний Италии отметил, что эта страна богата лесами: «Но более всего удивительны леса, растущие на обрывах, в ложбинах и на невозделанных холмах, которые дарят в избытке дерево, подходящее для строительства кораблей и годное для других дел». Сципиону оказали помощь все города Этрурии, но наибольшую — город Ареццо. По свидетельству Тита Ливия, «Арретий [пообещал] три тысячи щитов и столько

же шлемов, копья, галльские дротики, длинные копья — всего пятьдесят тысяч предметов, каждого вида оружия поровну, — а также топоры, заступы, косы, корзины, ручные мельницы, сколько этого нужно для сорока военных судов; сто двадцать тысяч модиев пшеницы и дорожных денег десятникам и гребцам».

Нимфа Вегойя

Этрурия еще играет значимую роль во время реформ Гракхов. Возникает даже вопрос, а не родилась ли идея о необходимости глубокой аграрной реформы в тот самый момент, когда Тиберий Гракх проезжал через тосканские равнины, где земли возделывались одними лишь иноземными рабами. Как свидетельствует Плутарх: «А брат его Гай в одной из книг пишет, что Тиберий, держа путь в Нуманцию, проезжал через Этрурию и видел запустение земли, видел, что и пахари и пастухи — сплошь варвары, рабы из чужих краев, и тогда впервые ему пришел на ум замысел, ставший впоследствии для обоих братьев источником неисчислимых бед». Кроме того, социальные конфликты, связанные с владением землями и их обработкой, кажется, в Этрурии были наиболее острыми во второй половине II — начале I вв. до н. э. На погребальных урнах этого периода, о которых мы уже говорили, часто повторяется один и тот же сюжет: герой сражается против своих противников, вооруженный лемехом плуга. Даже допуская возможность того, что этот странный мотив имеет греческое происхождение, было бы удивительным, если бы он так или иначе не иллюстрировал упомянутые аграрные проблемы.

Пророчество нимфы Вегойи, открытое Аррунсу Вельтумну, царю Клузия

«Знай, что море отделилось от неба. Но поскольку Юпитер отстоял свои права на землю Этрурии, он распорядился, чтобы долины были разделены, а поля — ограничены. Зная людскую скупость и страсти, возбуждаемые землей, он пожелал, чтобы все было разграничено межевыми столбами. Однажды некто, движимый людской скупостью, на исходе восьмого века, пренебрежет данными ему благами и возжелает чужие, и тогда столбы эти будут разрушены или перемещены недобросовестными действиями людей. Но те, кто тронет или передвинет эти столбы с целью увеличить собственные владения за счет чужих, будут прокляты богами за это преступление. Если это свершат рабы — они попадут в худшее рабство. Но если это произойдет при соучастии хозяина, то дом его будет уничтожен, а род его полностью исчезнет. Те, кто переместят межевые столбы, будут поражены тяжелейшими болезнями и ранами, конечности их будут истощены. Затем земля разразится бурями и вихрями, которые будут ее сотрясать. Урожай будут испорчены и погублены дождем и градом, уничтожены летним зноем и ржавчиной. Среди народа появятся многие междоусобия. Знай, что после таких преступлений последуют эти наказания. Поэтому не делай этого ни обманом, ни недобросовестным поступком. Храни в своем сердце наши наставления.» (цит. по: Эргон Ж. Повседневная жизнь этрусков. М. 2009).

В политическом плане гражданские войны I в. до н. э., и в частности, очень продолжительный конфликт между Марием и Суллой, не прошли бесследно для этрусков. Некоторые из них, выбравшие сторону Мария, были от-

правлены в ссылку на другой берег Средиземноморья. Но многие этрусские аристократы и чиновники вписывались в римскую политическую систему: Маркус Перпена был назначен консулом в 130 г. до н. э., Авл Цецина Север стал консулом в I г. до н. э. Многие представители знатных этрусских родов вошли в Римский сенат.

Провозглашение Этрурии римской провинцией Октавианом Августом около 6 г. до н. э. можно считать последним ударом, хоть и достаточно мягким. Отныне почти не говорят по-этрусски, хотя письменность и гаруспики продолжают существовать некоторое время, но исчезновение надписей на этом языке произошло почти повсеместно. В некоторых кругах продолжают интересоваться этрусским происхождением некоторых слов или обычаев. Однако вскоре особый статус этрусского языка, о котором свидетельствует Дионисий Галикарнасский, будет забыт, и этрусский иногда будут считать начальной стадией развития латыни. Веррий Флакк, Дионисий Галикарнасский и император Клавдий еще интересуются историей, нравами и обычаями Этрурии, но этот интерес ограничен очень узким кругом нескольких ученых.

ГЛАВА 5

ДВЕНАДЦАТЬ ГОРОДОВ ЭТРУРИИ

СИСТЕМА ГОРОДОВ-ГОСУДАРСТВ

Мы постоянно говорим об Этрурии как о едином и сплоченном географическом и политическом целом, словно о государстве в полном смысле этого слова. Действительно, этруски, особенно если речь идет об их языке и религии, ощущали свою принадлежность к одному этносу. Но необходимо подчеркнуть, что Этрурия все же представляла собой объединение многих городов, то есть независимых государств, имеющих свое гражданское общество, свою территорию и свою столицу.

Кстати, интересно отметить, что цивилизация этрусков была близка греческой «городской цивилизации». Греческое слово «полис», обозначавшее город-государство, в этрусском, вероятно, соответствовало слову «спура». Важность городского феномена в Этрурии выражается и в религиозной сфере, в обрядах основания городов, которые изложены в этрусской «Книге ритуалов», и не случайно основание Рима Ромулом было сделано по этрусскому обряду, а правила основания римских городов были приведены в соответствие с этрусскими. Центральное место в обряде основания города занимает прокладывание «первой

борозды» (*sulcus primigenius*) с помощью плуга, в который впряжены белые бык и корова: таким образом создается «священная ограда» города, которая на протяжении всей истории Рима, к примеру, будет играть существенную роль. Таким образом, находка из Ареццо, датируемая примерно 400 г. до н. э., представлявшая собою небольшую бронзовую скульптуру пахаря, может быть интерпретирована как изображение жреца (авгура или гаруспика), который прокладывает ту самую «первую борозду».

ДОДЕКАПОЛИСЫ

Одной из характерных черт Этрурии, которую часто отмечали античные источники, является тот факт, что она насчитывала не сотни городов, подобно Греции, а всего лишь двенадцать. Тит Ливий, а также комментатор Вергилия Сервий, писавший в IV в. н. э. и ставший для нас первостепенным источником по этрусскому миру, часто использовали именно латинское выражение «*duodecim populī*», двенадцать общин. Мы еще вернемся к текстам последнего автора, а здесь лишь приведем цитату из Тита Ливия, где автор подтверждает существование двенадцати ликторов, окружавших Ромула, что свидетельствует об этрусском влиянии на Рим: «Иные полагают, что число это отвечает числу птиц, возвестивших ему царскую власть, для меня же убедительны суждения тех, кто считает, что и весь этот род прислужников, и само их число происходят от соседей-этрусков, у которых заимствованы и курульное кресло, и окаймленная тога. А у этрусков так повелось оттого, что каждый из двенадцати городов, сообща избиравших царя, давал ему по одному ликтору».

Спустя несколько веков, в конце V в. до н. э., когда началось римское завоевание Этрурии, мы обнаружим, что верховный жрец избирался главою этрусского союза единогогласно двенадцатью общинами (*suffragio duodecim populorum*). Остановимся мимоходом на слове, которое употребляют греческие авторы вместо латинского «*populi*». В данном случае могли использовать не только «*polis*», но и «*hegemoniai*» (державы, княжества). И очень часто повторяется, как и у латинских авторов, количество этих городов — двенадцать, *dodeka*. Дионисий Галикарнасский указывает на то, что страна этрусков разделена на двенадцать гегемоний. Это один из первых фактов, который Страбон говорит об Этрурии: «По прибытии в эту страну он [Тирсен] назвал ее по своему имени Тирренией и основал 12 городов, назначив устроителем их Таркона (по его имени назван город Тарквинии)».

Традиция объединения в додекаполис была известна и грекам: в Малой Азии в VI в. до н. э. существовал ионийский додекаполис, состоящий из таких крупных городов, как Фокея, Смирна, Эфес, Милет и др. Есть мнение, что этрусский додекаполис был всего лишь копией малоазиатского. Из того следует что этрусский союз двенадцати общин не мог появиться ранее 550 г. до н. э. Чтобы доказать существование именно двенадцати городов, исследователи снова обращаются к религиозной сфере. Исследователи отмечают что Юпитер-Тиния, главный из богов этрусского пантеона, помимо прочего, является божеством «перемены времен года», разделенного на 12 частей, и в этом видят возможную связь с додекаполисом. Пользуясь случаем, отметим, что позднейшие толкования показали нам этрусские названия нескольких месяцев, а слово «иды» латинского календаря имеет этрусское происхождение.

Но состоял ли тосканский календарь из двенадцати месяцев?

СПИСОК ДВЕНАДЦАТИ

Но что же за двенадцать городов? Насколько согласованно и часто письменные источники твердят об их количестве, настолько же молчаливы они при названии самих этих городов: и при подсчетах можно догадаться, что претендентов в этот список больше, чем двенадцать. Следует в первую очередь определить два критерия, позволяющих обосновать список городов этрусского додекаполиса.

Археология

Посещая некрополь Бандитачча в Черветери или Монтероцци в Тарквиниях и видя одну лишь их площадь и богатство некоторых погребений, можно ли хоть на секунду засомневаться, что два эти города не были частью додекаполиса? Поселение Цере, возвышавшееся на плато, было окружено рядом некрополей, среди которых — Монте Абатоне и Сорбо, где располагалось роскошное погребение Реголини-Галасси (в Григорианском музее Ватикана хранится часть инвентаря). Все сказанное об археологии Черветери может быть действительно и для других этрусских городов: известно, что многие города остались неизвестными, поскольку непрерывное заселение на их месте в римскую, а затем в средневековую эпохи и в новое время, уничтожало ранние городские слои. Между тем на сегодняшний день, единственным полностью исследован-

ным этрусским городом остается Марцаботто в паданской Этрурии, близ Болоньи. Он представляет собою особенный по статусу город, который можно назвать «колониальным». Во многих других случаях, когда этрусские городские слои все же сохранились, археологи не проводили раскопки этих поселений, концентрируя свое внимание на исследовании гробниц, которые дают очень красивые и хорошо сохранившиеся находки. Сегодня, когда научные цели стали другими, условия и затраты на проведение раскопок не позволяют быстро продвигаться в исследовании античных городских районов.

Практически нет сведений о планировке городов, однако мы можем судить об их площади исходя из расположения окружавших город некрополей. В Южной Этрурии город, как правило, возвышается на более или менее обрывистом плоскогорье. Наиболее типичным является расположение Орвието, жители которого до сих пор называют свой город «рупе», что означает скала, склоны которой достигают 50 м в высоту. Его архаические некрополи, такие как Крочефиссо дел Туфо, или Канничелла, расположены прямо у подножия «рупе», которая, начиная с архаической эпохи, была полностью застроена жилыми домами, общественными и религиозными сооружениями. Зато погребения периода Вилланова располагались прямо на плоскогорье рядом с жилищами: керамика была найдена как на возвышенности, так и у подножия горы. Имеется предположение, что поселение Вольсинии-Орвието занимало площадь более 80 га, т.е. меньше, чем Вейи (около 200 га) и больше, чем Клузий (30 га). В списке наиболее крупных городов фигурируют Цере, Популония, Тарквинии и Вольтерра, площадь которых превышает 100 га, но пальма первенства все же остается у Вейев. И если мы

хотим установить соответствие между площадью города и его населенностью, что всегда является рискованной затеей, так как античные города не всегда были полностью заселены (например, Помпеи), то можно полагать, что на пике своего развития крупнейшие этрусские города Вейи, Цере, Тарквинии насчитывали 20—30 тыс. жителей. Отметим на этот счет население Этрурии в III в. до н. э. составляло приблизительно 275 тыс. жителей, носивших статус свободных людей, что не очень много, учитывая площадь рассматриваемой территории.

Вопрос площади этрусских городов приводит нас к вопросу площади городов-государств в целом и особенно — к проблеме их границ. Известно значение межевания в Этрурии, оно применялось не только для обозначения частных владений, и не случайно слово *tular* часто повторяется в наших эпиграфических источниках. Были предприняты интересные попытки определения границ каждого города, отметим здесь лишь то, что природная среда, реки, озера, горы, несомненно, играли роль первого плана в этом вопросе. Не во всех случаях можно определить площадь сельскохозяйственной округи, принадлежавшей тому или иному городу.

Поскольку археология, за неимением однозначных письменных источников, является нашим основным помощником в подобных исследованиях, она может дать нам еще некоторые сведения и ответить на ряд вопросов. Рассмотрим случай с Пизой: до недавнего времени ни один этрусколог не сомневался в том, что этот город появился достаточно поздно — чуть ниже мы увидим, что он вошел в этрусский союз, воссозданный в период Римской империи, — а до этого он был лишь эмпорием, портом, принадлежащим какому-то крупному городу, входившему, веро-

ятно, в состав додекаполиса (быть может, это была Вольterra). Однако раскопки, проведенные в центре Пизы в течение последних лет, дали нам повод для размышлений: этрусская Пиза уже в эпоху Вилланова предстала перед нами как настоящий город, весьма выгодно расположенный на двух реках — Арно и Серкио. Достаточно упомянуть лишь несколько находок, чтобы проиллюстрировать значимость Пизы: был обнаружен тумулус VII в. до н. э. диаметром 30 м, который в действительности являлся кенотафом (мемориальным комплексом), поскольку никакого погребения под ним обнаружено не было. Гробница эта была сооружена, видимо, в память о каком-то пизанском флотоводце — среди росписей был обнаружен трезубец. Позднее исследователи были не менее удивлены, обнаружив в этрусской Пизе изделия из мрамора, — не самого популярного в Этрурии материала. Однако известно, что Пиза находилась недалеко от мраморного карьера Карраре, который активно разрабатывался начиная с правления Августа.

Учитывая открытые в Пизе отходы обработки железа, амфоры для вина, похожие на амфоры из Цере и Вульчи, мастерские по производству керамики буккери, исследователи приходят к выводу о возможной принадлежности этого города к этрусскому додекаполису еще в период независимой Этрурии, а не только в эпоху римского владычества. Не случайно существует множество легенд об основании этого города в древности. Некоторые из них говорят о греческих корнях Пизы, другие — об основании города Тархоном, сыном или братом Тирсена, основателя Кортонь, Мантуи и других городов паданского додекаполиса. Таким образом, есть основания включить Пизу в список двенадцати городов

этрuscoго союза и исключить из него другой город (например, Фезулы).

Письменные источники

Пытаясь восстановить список двенадцати городов, мы рассмотрели археологические данные, но не следует пренебрегать письменными источниками, даже если они описывают более поздний период. Конечно, следует обратить внимание на сведения, касающиеся царского периода истории Рима: Дионисий Галикарнасский, например, отмечает, что в эпоху Ромула Вейи были самым могущественным городом тирренского народа, а в эпоху Тарквиния Гордого двумя наиболее яркими городами Этрурии были Тарквинии и Вейи — по отношению к ним он употребляет термин «полис». Однако известно, что письменные источники главным образом свидетельствуют о последних столкновениях между Римом и этрусками, и эта тема получает особое распространение с конца V в. до н. э. Осада и взятие Вейев в период с 406 по 396 г. до н. э. — десятилетие, сравнимое с осадой Трои, — стали поводом теперь для Тита Ливия, чтобы два века спустя теми же словами сказать об этрусском соседе Рима. Это настоящий лейтмотив: город был настолько «роскошным», что количество трофеев превзошло все предыдущие войны вместе взятые. Тит Ливий называет Вейи самым богатым городом этрусского народа. Римляне даже намеревались обосноваться в древнем этрусском городе: это действительно был великолепный город, поля его были больше и плодороднее римских, а постройки красивее, чем в Риме! Конечно, можно предположить, что римский историк попытался преувели-

чить величие Вейев, дабы придать веса победе своей родины, но совершенно ясно, что плодом его воображения не могло быть абсолютно все.

У Тита Ливия речь также идет о двух последних десятилетиях IV в. до н. э. Потерпев поражение в Кавдинском ущелье во время войн с самнитами, римляне одержали ряд побед, в частности, над этрусками: «Где бы ни происходила битва, Рим одерживал победу. И тогда из Перузии, из Кортоны и из Ареццо, которые в это время были почти столицами общин Этрурии, пришли послы, и просили у римлян мира и договора; они получили тридцатилетнее перемирие». Несмотря на то, что описанные Ливием три города развивались чуть позже, чем, скажем, Цере, мы видим очень интересное с географической точки зрения указание на этрусские города («общины»), процветающие в этот период. Ранее мы упоминали города Южной и Побережной Этрурии (Вейи, Тарквинии, Цере), а теперь Ливий пишет, что влиятельными были города Северной внутренней Этрурии, расположенные на границе с Умбрией, и римляне боялись союза между этрусками и умбрами.

Тит Ливий упоминает еще три этрусские «столицы», которые, по его словам, были городами очень могущественными: Перузия, Ареццо и Вольсинии. Это трио Ареццо-Перузия-Вольсинии фигурирует и у Страбона, который называет эти города внутренней Этрурии простыми «поселениями городского типа». Еще одно прилагательное постоянно встречается у античных историков при описании Вольсиниев (мы уже встречали это слово, говоря о Вейях предыдущего периода): город называли «роскошным» и «очень роскошным» Плиний Старший, Флор и Валерий Максим. В заключение этой главы вернемся к архаическому периоду и к Дионисию Галикарнасскому, который

описывает конфликт между Тарквинием Старшим и его этрускими «братьями»: только пять городов согласились сражаться против него — Клузий, Вольтерра, Ареццо, Розелле и Ветулония.

Заключение: добавляем и убираем

Анализ источников позволяет определить следующий список городов, входящих в знаменитый этрусский додекаполис (речь идет о VI в. до н. э.): Вейи, Цере, Тарквинии, Вульчи, Ветулония, Вольтерра, Вольсинии/Орвието, Клузий, Кортона, Перузия, Ареццо. Что касается двенадцатого города, то тут необходимо сделать выбор между Пизой и Фезулами.

Читатель удивится, что в этом списке нет двух других городов, которые мы упоминали выше — это Популония и Розелле. Но добавить их в список означает убрать оттуда два других города, что весьма непросто, согласитесь. И тут необходимо заявить о другом существенном аспекте — хронологическом: додекаполис не находился в застывшем, неизменном состоянии на протяжении пяти веков своего существования. Приведем характерный пример. Город Вейи, по письменным и археологическим источникам, предстает перед нами как одно из крупнейших княжеств Этрурии. Тит Ливий описывает его как «*urbis opulentissima*» этрусского союза (Дионисий Галикарнасский пишет то же, но это относится к более раннему периоду). В символическом смысле Аполлон из Вейев, сохранившийся в музее Вилла Джулия, является, быть может, самым известным произведением этрусского искусства. Таким образом, очевидно, что после 396 г. до н. э., ког-

да город пал под натиском десятилетней римской осады, Вейи не могли больше входить в тосканский додекаполис. И если мы будем составлять список для IV в. до н. э., необходимо будет включить другой город. Напротив, всегда подчеркивалось немного позднее развитие такого города, как Ареццо, вплоть до того, что некоторые видели в нем простой форпост большого Клузия. Но вхождение Ареццо в союз пятерых против Тарквиния Старшего не вписывается в эту гипотезу.

Мы не включаем Популонию, «железную столицу» Этрурии, в список первого додекаполиса, опираясь на текст Сервия. Действительно, по словам комментатора Вергилия, Популония была основана корсиканскими переселенцами уже после создания додекаполиса. Во всяком случае, эта версия была возможной, по мнению самого автора. Согласно другой гипотезе, Популония была колонией Вольтерры, а по третьей версии, причудливым образом объединившей две предыдущие, жители Вольтерры отняли Популонию у Корсики. Мы уже узнали, что совсем недавно в Популонии было найдено основание кубка, выполненного в стиле буккеровидного импасто с надписью «Kig-sike». Надпись датировалась V в., речь шла не об одном из возможных «основателей» города, а об этруске с Корсики, или о корсиканце, воспринявшем этрусскую культуру, ведь город в этот период был под этрусским господством. Во всяком случае, можно обоснованно полагать, на основании текста Сервия, что крупный порт Популония — он же единственный портовый город Этрурии, — имел честь войти в додекаполис лишь некоторое время спустя.

Что касается Розелле, то совершенно невозможно, чтобы город, соседствующий с Ветулонией, входил в союз. Оба города были расположены на острове Прелиус, ныне

высохшем, — первый на восточном берегу, второй — на северном. В VIII—VII вв. до н. э. Ветулония была исключительно богатым городом благодаря своим рудным месторождениям. Ветулонская бронза экспортировалась почти повсюду. В некрополе Ветулонии встречаются крупные погребальные статуи из камня, что нечасто встречалось у этрусков. Можно было бы предположить, что Ветулония ослабевает в VI в. до н. э. и ее место занимает Розелле, однако недавние раскопки не подтвердили эту гипотезу.

**«Восемнадцать красивых и крупных городов»
(Плутарх)**

Отрывок из плутарховского «Жизнеописания Камилла», крупного римского военачальника, одержавшего победы над Вейями и галлами, не безынтересен и для изучения этрусского додекаполиса: «Вторгнувшись в ее пределы, галлы тотчас захватили область, которой некогда владели этруски: она простирается от Альп до обеих морей, о чем свидетельствуют и их названия. В самом деле, море, которое лежит севернее, именуется Адриатическим — по этрусскому городу Адрии, а то, что находится по другую сторону полуострова и обращено к югу, зовут Этрусским, или Тирренским. Вся эта земля изобилует лесами, пастбищами и полноводными реками; в ней было восемнадцать больших и красивых городов, удобно приспособленных и для всяческих промыслов и для роскошной, богатой жизни, и галлы, изгнав этрусков, заняли их сами». Помимо заметок по поводу этрусских названий морей, окружающих Апеннинский полуостров, и по поводу богатства территорий, поражает количество городов — восемнадцать красивых и крупных, согласно греческому автору. Здесь

мы видим яркий пример того, с какими сложностями приходится сталкиваться, чтобы установить канонический список двенадцати городов додекаполиса, поскольку крупных городов в Этрурии было гораздо больше.

«FANUM VOLTUMNAE»

Религиозный контекст

Несомненно, основным связующим звеном между городами додекаполиса была религия: местом, выбранным для общеэтрусских собраний, было святилище или «fanum», а основной фигурой в союзе был «sacerdos», верховный жрец. Естественно, в рамках этих собраний проводились не только религиозные церемонии, но и разнообразные увеселительные мероприятия и даже торговля. Такие собрания можно даже представить как ежегодную ярмарку. Среди прочих, проведение спортивных и сценических соревнований было долгожданным событием для всех. Но что касается политической составляющей, очевидно, что попытки объединения городов были обречены на провал. Тем не менее мы точно знаем, что собрания этрусской конфедерации происходили в Святилище Вольтумны или в «Fanum Voltumnae». Тит Ливий упоминает такие собрания, происходившие около 400 г. до н. э. и вызванные конфликтом между Римом и Вейями. Другие собрания додекаполиса, упомянутые римским историком, не имеют прямой ссылки на Святилище Вольтумны, и следует повторить что этот религиозный центр конфедерации, возможно, не был единственным за всю историю: другие святилища в других городах также могли рассматривать-

ся как общеэтрусские, то есть они могли быть центрами этрусского союза в то или иное время.

Вольтумна

Прежде чем перейти к вопросу о географии, несколько слов о самом божестве. Вольтумна, вопреки общепринятому представлению, не был богиней, несмотря на типичное для латинского языка окончание женского рода. Мы отлично знаем, что в этрусском языке такое окончание, напротив, было свойственно мужским фамилиям. На зеркале из Тускании (III в. до н. э.) можно прочесть имя некоего Велтуна, который был не кем иным, как нашим Вольтумной, и который совершенно очевидно является персонажем мужского пола. Вольтумна соответствует латинскому богу Вертумну или Вортумну, которого Варрон назвал главным богом Этрурии. Это противоречит бытующему мнению, что главным богом этрусков был Тин или Тиния — тосканский Зевс или Юпитер. Очевидно, Вольтумна, который до выпадения гласной, что свойственно раннему этрусскому языку, был Вольтуменой (вспомним Ратуменну), и слово это являлось эпитетом или эпиклесой Тина, обозначающим его ипостась защитника этрусской конфедерации. Известны многочисленные эпиклесы, например, Юпитера, и в данном случае можно провести параллель с Юпитером Лациарисом, защитником Латинского союза. Это своеобразное «прилагательное» Вольтум(е)на вполне могло иметь этимологическое родство с названием города Вольсинии, и теперь мы переходим к вопросу о местонахождении общеэтрусского святилища.

Где?

Может показаться странным, что ни один античный автор, и даже Тит Ливий, который пять раз упоминает «*Fanum Voltumnae*», не дал нам ни малейшего указания на место, где оно располагалось. Но мы часто сталкиваемся с подобного рода трудностями: в античных источниках некоторые данные считаются сами собой разумеющимися, известными всем окружающим. И все же четыре аргумента приводят нас к Вольсиниям. Сразу признаемся, что ни один из этих аргументов по отдельности не является решающим, но вместе они не оставляют никакого сомнения.

Послание из Спелло

Важная информация сокрыта в тексте послания IV в. н. э. из Гиспеллума (нынешний Спелло в Умбрии). Как указано в концовке послания, речь идет об ответе императора Константина, написанном, возможно, в 337 г., жителям Гиспеллума, которые жаловались на необходимость ежегодного длинного и сложного шествия для участия в религиозной церемонии и в совместных игрищах между тосканцами и умбрийцами в Вольсиниях. Жители просили право организовывать эту религиозную церемонию у себя, и император удовлетворил их просьбу. Точное указание нам дают слова, используемые для описания вольсинийских игрищ: «На основании древней традиции, вы и вышеупомянутые этруски выбираете каждый год жрецов, которые организуют в Вольсиниях сценические представления и бои гладиаторов. Между тем в стране этрусков со-

хранился обычай, по которому избранный ими жрец проводит в Вольсиниях указанные представления». Выражения, используемые в этой надписи, весьма показательны: «древняя традиция», «жрец», председательствующий на церемониях в Вольсиниях. Все это подводит нас к мысли, что это и были те самые праздники «*Fanum Voltumnae*», которые проводились вплоть до IV в. н. э. или, по крайней мере, которые были восстановлены после вынужденного перерыва, связанного с разрушением этруских Вольсиниев в 264 г. до н. э. Эта интерпретация не всеми поддерживается, и некоторые историки полагают, что в надписи из Гиспеллума речь идет о более поздних церемониях, организованных в ходе административных реформ периода Империи.

Статуи в Вольсиниях

Второй след снова приводит нас к Вольсиниям. У Плиния Старшего мы читаем следующий отрывок о тосканских статуях: «Большинство тосканских статуй, распространившихся по всему миру, были сделаны, несомненно, в Этрурии. Я склонен думать, что эти статуи представляют собой божеств, поскольку Метродор из Скепсиса, имя которого стало известно благодаря его ненависти к Риму, обвиняет нас в том, что мы захватили Вольсинии, чтобы заполучить две тысячи этих статуй». Известно, что к цифрам в письменных источниках нужно подходить весьма осторожно. В данном случае невозможно, чтобы такое количество статуй находилось в одном городе, каким бы большим он ни был. Наиболее правдоподобная версия — тысячи этих статуй происходили из общеэтруского свя-

тилища Вольтумны. Известно, что, например, Дельфы и Олимпия изобиловали статуями и вотивными предметами, преподнесенными греками со всего Средиземноморья.

Одна из удивительных находок, которая придает оптимизма историкам Античности, связана с нападением римлян на Вольсинии. Известно, что в 264 году город захватил консул М. Фульвий Флакк: его имя можно прочесть на вотивном пьедестале, обнаруженном при раскопках в Риме на площадке Сант Омобоно, у подножия Капитолия и Палатина. На надписи указано, что пьедестал был поставлен в честь консула за взятие Вольсиниев. Кроме того, на внешней стороне пьедестала имеются отверстия для закрепления статуй из бронзы, которые могли достигать около 1 м в высоту. Можно предположить, что там возвышались некоторые из двух тысяч статуй, увезенных в качестве трофеев из святилища Вольтумны на территории Вольсиниев.

Вертумн Проперция

Мозаика понемногу собирается. Еще один ее кусочек подарил нам Проперций, поэт эпохи Октавиана Августа, написавший элегию о боге Вертумне (или Вортумне). Вспомним, что латинский Вертумн, без всякого сомнения, соответствует этрусскому Вольтумне. Вертумн в поэме Проперция прямо заявляет, что он — этрусский бог, что он родился у этрусков и без сожаления покинул свой дом в Вольсиниях во время сражений. Несложно разгадать этот отрывок: за подобным отступничеством явно скрывается хорошо известный римский обряд эвокации (вызывание богов неприятеля из его лагеря). По-

сле определенного религиозного обряда в Риме приветствовали божество-покровителя побежденного города: особый способ избежать гнева богов противника. Этот обряд эвокации был уже использован против этрусков, когда в 396 г. до н. э. в Рим привезли Юнону из Вейев. Однако существовало и ограничение: чужеземные боже-ства не могли иметь храм в центре города, их чествовали за пределами сакральной зоны (померия), часто на Авентине. Круг замыкается, когда мы узнаем, что М. Фульвий Флакк был изображен победителем в храме Вортумна на Авентине.

Вольтумна-Вольсинии

Теперь представляется возможным восстановить ход событий 264 г. до н. э. и подтвердить, что Вольтумна-Вертумн обитал в своем этруском святилище в Вольсиниях, прежде чем оказаться в римском храме на Авентине. Это было не единственным его местом обитания в Риме, поскольку статуя этого бога располагалась еще на Форуме. Необходимо также упомянуть и об этимологической связи между именем Вольтумна и названием города Вольсинии.

Но где же Вольсинии?

Действительно, этот вопрос имел двоякое значение, и определение местоположения Вольсиниев не могло не породить споров. Чтобы вернуться к этому вопросу, необходимо привести отрывок из труда византийского историка

Зонары, где гибель Вольсиниев описана если не совсем достоверно, то, по крайней мере, подробно.

Гибель этрусской столицы

«Во время консульства Квинта Фабия и Эмилия римляне предприняли поход против Вольсиниев с целью сохранить независимость граждан этого города; они были связаны с последними договором. Эти люди, принадлежавшие к древнейшему этрусскому роду, заняли сильное местоположение и соорудили очень прочную стену; они руководствовались примечательными законами. Так, когда они вынуждены были сражаться против римлян, они держались долгое время. Но однажды сдавшись, они предались изнеженной жизни, доверив своим рабам управление городом и даже ведение военных походов. Наконец, они возвысили рабов настолько, что последние, став могущественными и наглыми, возомнили, что они достойны свободы. По прошествии времени они ее получили благодаря своим собственным действиям. Так, они возжелали взять в жены супруг своих прежних хозяев и присвоить себе их привилегии. Будучи членами Совета, они заполучили магистратуры и закрепили за собой всю власть. Такими были причины, по которым римляне отправили Фабия против них. Сначала он обратил в бегство армию, направленную против него, убив множество беглецов и забрав в плен других, и затем он отправился штурмом на город. Обреченные на голод, они вынуждены были сдаться. Консул приказал убить мучительной смертью тех, кто незаконно присвоил себе звания, предназначенные для правящего класса, и разрушил город до основания. Тогда коренные жители Вольсиниев и их рабы, оставшиеся верными своим хозяевам, поселились в другом месте».

В последней фразе повествования Зонары говорится о том, что римляне просто изгнали часть населения этруских Вольсиниев, после того как разрушили сам город. Хотя римляне могли иногда проявлять и уважение к побежденным в некоторых аспектах, например, в религии, практикуя обряд эвокации; они также могли заимствовать лучшее, что было у побежденного, например, вооружение. Нет никаких сомнений в определении места, куда были переселены этруски: топонимика вполне показательна, и итальянское название города Больсены происходит от латинского слова. В Больсене, расположенной на берегу одноименного озера, крупнейшего в Центральной Италии, на плато Меркателло, раскопками исследован римский город со своим форумом и типичными постройками вокруг него, а также с термами, амфитеатром и, возможно, театром.

Предполагается, что первоначальные Вольсинии находились на месте современного города Орвието в 13 км от Больсены. Многочисленные храмы, обнаруженные под средневековыми слоями Орвието, прекрасные терракотовые композиции, удивительные некрополи у подножия — все свидетельствовало об этом. И все же, имеется противоречие: в тексте Зонары говорится о «крепкой городской стене». А в Орвието, расположенном на скале и защищенным естественным образом, не было никакой необходимости в такой стене, как, собственно, и ее следов. Именно поэтому была выдвинута другая гипотеза: этруские Вольсинии не могли быть сильно отдалены от римских и расположены на холмах на плато Меркателло. После победы римляне решили «спустить» Вольсинии с их возвышенного положения на участок, менее защищенный природным рельефом. Таким образом, уцелевшие жители

спустились на несколько сотен метров и обосновались на берегу озера.

Сопоставление этрусской столицы с Большеной родило противоречия. По сравнению с этрусскими храмами и терракотой архаического периода, известной в Орвието, с крупными некрополями, расположенными у подножия города (Крочефиссо дел Туфо, Канничелла), Большена имела всего лишь небольшой храм и несколько погребений, тому же весьма поздних (III в.), что было весьма странно для города, разрушенного в 264 г. до н. э. Важным открытием для античной топографии Орвието стало обнаружение в 1960-х гг. участка оборонительной стены IV в. до н. э. Возможно, об этой стене и говорил Зонара, и Орвието, таким образом, может быть с точностью отождествлен с Вольсиниями.

Еще один факт позволяет подтвердить эту версию. В 241 г. до н. э. жителей Фалерий постигла та же участь, что и Вольсинии: они были выселены на несколько километров от города, на территорию, менее удобную для обороны. Новый город стал называться Фалерии, а прежнее место получило название Чивита Каstellана. В обоих случаях вполне естественно, что выселенные жители унесли с собой название своего города. А городская стена вокруг Большены относится к римской эпохе, то есть к периоду после 264 г. до н. э., когда жители получили право ее построить, доказав свою верность Риму.

«Столица» Этрурии, таким образом, располагалась на величественной скале Орвието. И совсем близко от Орвието следует искать «*Fanum Voltumnae*». Как мы уже отметили, центральное святилище этрусков до сих пор не найдено, но территория Кампо дела Фьера у подножия скалы, на западной стороне (откуда ведет дорога в Большену), является первым претендентом. Терракотовый архитектур-

ный декор, фрагменты статуй в прошлом уже были здесь обнаружены. Раскопки продолжаются, и они, возможно, подарят нам разгадку.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ

Этрусские цари

По очевидным причинам, в связи с нашей бóльшей осведомленностью в истории Древнего Рима, политическое развитие Этрурии зачастую сравнивают с римским. Согласно историографической традиции, первые два с половиной века существования Рима (с 753 по 509 гг. до н. э.) выделяются в «царский период», во время которого успешно и невероятно долго правили всего лишь семь царей. Эта удивительная продолжительность семи правлений вызывает подозрение. Этрусские источники позволяют, как мы увидим впоследствии, пересмотреть и увеличить этот список. Среди семи римских царей фигурируют три этруска — даже если учесть то, что точное происхождение Сервия Туллия являлось предметом споров в Античности — поэтому неудивительно, что другие крупные этрусские города в определенный период своей истории также имели во главе своей царя, который, возможно, назывался «лукумон». Не останавливаясь на теме легендарных этрусских царей, Вергилий говорит о царе Клузия, Осиниусе, который руководил одним из кораблей этрусского флота, союзника Энея. В то время как Рим и Вейи в последние годы V в. до н. э. вступают в опасный конфликт, который привел к потере независимости Вейев, они выбирают принципиально разные политические пози-

ции. Вейи принимают решение о возвращении к царской власти из-за нежелания проводить ежегодные выборные кампании, каждый раз приводившие к разногласиям. Это решение немедленно вызывает гнев других этрусских городов, которые отказываются оказывать военную помощь Вейям. Это решение сыграло в пользу Рима.

В конце V в. до н. э. политическая ситуация в этруском обществе была весьма изменчива. Большинство городов уже перешли к республиканскому правлению; в их числе были и Вейи, однако этот опыт, весьма мучительный для них, был недолгим, поскольку в 432 г. до н. э. во главе Вейев стал царь Ларс Толумний. Это вполне этрусское имя, оно фигурировало, среди прочих, в надписях в вейском святилище Портоначчо, где одним «тулумном» была сделана посвятельная надпись. Этот вейский царь известен еще и потому, что он был убит во время битвы военным трибуном или римским консулом по имени Авл Корнелий Косс. Последний, вслед за Ромулом, мог разместить в храме Юпитера Феретрия вторые «трофеи» Рима, поскольку он убил во время битвы вражеского вождя. Таким образом, можно заключить, что республиканский опыт Вейев был очень непродолжительным и эфемерным.

Однако другие крупные тосканские города также имели своих царей, например Цере. Об этом говорит латинская надпись I в. н. э. — одна из «элогий» из Тарквиниев, которая повествует о великих деяниях, совершенных веками ранее членами аристократической семьи Спуринна. В одной из этих надписей сообщается, что некто Авл Спуринна, сын Велтура, вступил в конфликт с Орголниусом, царем Цере (*Caeritum regem*). Последнее имя является, несомненно, этрусским, и оно напоминает имя Плауции Ургуланиллы, которая была первой женой императора

Клавдия. Именно она, будучи представительницей крупной этрусской семьи и владелицей семейных архивов, вызвала интерес к этрускам у Клавдия и побудила его составить их историю. Можно предположить, что эпизод с Орголниусом относится к середине IV в. до н. э. Республиканский режим Цере уже после Вейев переживал те же потрясения.

Нам известен еще один этрусский царь, и мы уже упоминали его имя: речь идет о Порсене, царе Клузия, который осаждал Рим с целью восстановить Тарквиния Гордого на троне, и он, вне всякого сомнения, взял город, как об этом пишет Тацит, несмотря на то, что большинство римских авторов приводят легенду о заключении почетного мира. Этрусский характер имени Порсена с его характерным окончанием *-на* очевиден, и мы имеем причины полагать, что Порсена правил не только в Клузии, но и на территории тиберийской Этрурии, в том числе в Вольсиниях-Орвието с их общеэтрусским святилищем «*Fanum Voltumnae*». Нам неизвестно, какое время он правил на этой территории (и в Риме?), но то, что мы узнаем о Тарквиниях в Риме свидетельствует о том, что к 500 г. до н. э. в городах происходили республиканские изменения, наравне с Грецией, в первую очередь с Афинами, в той же ситуации и в тот же момент.

Этрусские республики

Хоть античные авторы дают нам очень мало подробностей, по рассказу Тита Ливия о Вейях можно заключить, что этрусские города перешли к республиканскому режиму, близкому тому, что установился в Риме после

509 г. до н. э. — во всяком случае, именно так интерпретировали его римские историки. Именно к такому выводу можно прийти на основании сведений о ежегодных «избирательных кампаниях». В одном из отрывков Дионисий Галикарнасский затрагивает вопрос о существовании в Тарквиниях собрания магистратов, стремившихся подкупить Тарквиния Гордого, изгнанного из Рима. Но он не дает дополнительных сведений: если понимать текст в буквальном смысле, то можно заключить, что этруская метрополия сменила форму правления до того, как это сделали в самом Риме. В действительности много сведений предоставляет эпиграфика и в первую очередь надписи на скульптурах, благодаря «посвятительной надписи», дававшей информацию о том человеке, в честь которого поставлена статуя или мемориал. Хотя сведения о карьере магистрата и являются исключением в этом типе источников, которые в первую очередь несут в себе имя покойного, а также некоторые сведения о его родных и его возрасте, но они являются очень ценными. Следует сразу отметить, что наша источниковая база в этом вопросе носит общий и однообразный характер: в хронологическом плане простые упоминания о магистратурах или наиболее развернутые «посвятительные надписи» в большинстве своем относятся к более позднему эллинистическому периоду.

Исходя из «посвятительных надписей», можно составить подобие этрусской политической карьерной лестницы, которую, вероятно, начинают с должности «таги» и завершают должностью «zilath»: так же как в Риме, политическая карьера начиналась с должности квестора и завершалась консульством, а в некоторых случаях, — более высокой должностью цензора. Эти две ма-

гистратуры — единственные, которые встречаются нам с VI в. до н. э. в этрусской эпиграфике. В Рубьере, рядом с Реджио Эмилия, которая не была сильно подвержена этрусскому влиянию в эту эпоху, на надгробном камне в форме столба высотой 1,77 м была обнаружена надпись, датируемая VI в. до н. э., содержащая слово «zilath». Прочтение и понимание этой надписи весьма затруднены: некоторые предполагают, что погребенный мог быть «zilath» Марцаботто (Миза) либо мог иметь царское звание («lucitop»), но предпочтение отдается предположению, что он был военачальником (в латинском языке — «praetor»).

Что касается «таги», эта должность была известна уже в архаическую эпоху в городе Цере (надгробие из Траглиателлы), в Южной Этрурии. Как правило, эту должность, которую можно было получать многократно, занимали молодые люди. Мимоходом вспомним, что Вергилий упоминает латинский когномен (прозвище) Маро, слово, соответствующее этрусскому «таги», что объясняется конечно же тем, что предки его семьи занимали эту должность в паданской Этрурии, и, несомненно, даже в Мантуе, родном городе поэта. Другой характерной чертой этой политической должности является связь с религиозной стороной, хоть это и не удивительно, учитывая особую религиозность этрусков. Дважды, — в Тарквиниях, и на территории, зависимой от Тарквиниев, встречалось слово «таги», связанное с культом Бахуса. В первом случае имеется в виду «таги» вакханов, жрецов Бахуса — и одновременно женского божества по имени Кафа, а во втором случае говорится о «таги», выполняющих свои обязанности на территории, где справлялся культ. Любопытно, что бог Дионис-Бахус в этрусском

языке имел свое имя — Фуфлунс. С точностью можно сказать, что этот культ имел огромный успех в Этрурии в эллинистическую эпоху, о чем можно свидетельствовать по знаменитому эпизоду с вакханалиями 186 г. до н. э. Но и другие археологические находки подтверждают значимость этого культа в Этрурии, а значит, и необходимость магистратов для его организации. Обратимся к крышке саркофага из Тарквиниев, хранящейся в Британском музее. На ней изображена женщина, одетая в кожаные одежды, держащая в левой руке тирс, а в правой руке канфар, а подле нее — олененок: все эти атрибуты свидетельствуют о том, что это женщина была посвящена в дионисийские мистерии.

В надписях также отмечают другие названия этрусских магистратур, например «*purth*», которая напоминает греческого притана, а также имя самого Порсены, или «*macstre*», отсылающая, очевидно, к Мастарне, то есть к латинскому магистрату. Можно предположить, что это «*magister populi*» (глава общины) или «*magister equitum*» (глава кавалерии) римских учреждений, а также можно задаться вопросом, не было ли военно-политической должности в этрусских городах? Однако термин, встречающийся чаще всего в эпиграфических надписях и венчающий политическую карьеру — это «*zilath*». В первую очередь констатируем тот факт, что этот магистрат имел привилегию эпонима, то есть по имени человека, занимающего должность «*zilath*», назывался год, подобно римскому принципу называть год именем двух правящих консулов. Один «*zilath*» был в Черветери, как свидетельствует недавно обнаруженная надпись («*zilco lathale nulathesi*» — «при зилаке Ларсе Нулате»), которая была высечена на вотивном подношении IV в. до н. э., посвященном Турмсу

или Гермесу/Меркурию, который в Этрурии также был богом торговли.

Особое внимание обращают на термин «zilath mechl gasnal», который долгое время считался высшим магистратом этрусков, «президентом» конфедерации. Дионисий Галикарнасский полагал, что слово «gasenna/gasna» означает «этрusский», и вполне естественно можно было прийти к выводу, что «zilath mechl gasnal» — это человек, управлявший всей Этрурией. Однако многие признанные специалисты полагают, что слово «gasna» скорее соответствует «populus» и что «zilath mechl gasnal» — это всего лишь высшая магистратура города, республики, а не совокупности городов додекаполиса. Отмечают, что в полисе Тарквиниев только лишь в столице (Тарквинии) была такая должность, в то время как простые zilath были во второстепенных населенных пунктах. Кроме того, некий персонаж из Орвието утверждает, что он являлся «zilath mechl gasnal» в Клузии, что лучше вписывается в рамки второй интерпретации. Тем не менее весьма сложно, как мы уже говорили, отвергнуть информацию Дионисия Галикарнасского, отлично знавшего этрусские реалии.

Таким образом, в последнее время были совершенны попытки найти другую должность для обозначения магистрата федерального значения. На саркофагах из Тарквиний неоднократно встречается термин «zilath seshanepi», относящейся к высокопоставленным деятелям (саркофаг Магнат, или погребение Конвеньо начала III в. до н. э., где изображен кортеж из служащих и ликторов, что свидетельствует о высоком ранге покойного). Поскольку слово «seshanepi» относится к группе «высостоящих» людей, невозможно сомневаться в большом

значении этой должности. Но у нас нет никаких доказательств того, что, будучи высокой степенью иерархии, эта магистратура была должностью главы этрусской конфедерации. Таким образом, очевидно, что этрусские учреждения «республиканского» периода нам известны лишь фрагментарно. Если мы и выделяем несколько титулов, мы не можем почти ничего сказать ни о способе выбора этих магистратов, ни об их взаимоотношениях с собраниями, эквивалентными Римскому сенату или народному собранию.

ГЛАВА 6

ТРИ ЭТРУССКИХ ЦАРЯ В РИМЕ

Был ли Рим изначально этрусским городом? Это один из спорных на сегодняшний день вопросов. Существуют две полярные точки зрения. Согласно первой, Рим был завоеван несколькими крупными метрополиями этрусского додекаполиса и, таким образом, подчинен этрусскому господству более чем на 100 лет. Согласно второй, Рим никогда не был этрусским городом. И эти споры совсем не новы, поскольку еще Дионисий Галикарнасский заявлял свое несогласие с теми, кто считал Рим «тирренским городом». Но не была ли эта позиция продиктована одним лишь желанием представить Рим только лишь как греческий город? Во всяком случае, представляется очень сложным, если не абсурдным, отрицать этрусское присутствие в Риме, поэтому форма и причины этрусского влияния в Риме порождают споры.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ: СЕМЕЙНОЕ ДЕЛО

Танаквиль и Тарквиний Приск

Обратимся к литературным источникам и прежде всего к Титу Ливию. Пятым царем Рима, сменившим Анка Марция в 615 г. до н. э., был Тарквиний Приск. Он был выходцем

из этрусского города Тарквинии и имел жену Танаквиль, носившую типично этрусское имя. Нет никаких причин ставить под сомнение происхождение Тарквиния Приска, даже если это имя было найдено в более раннем погребении в Цере: такие же имена были обнаружены в нескольких городах, и это лишь следствие известных браков между представителями крупных семейств. Будущий царь Рима, который также носил имя Лукумон (значение этого слова до сих пор точно неизвестно), был сыном крупного торговца из Коринфа, Демарата, а его жена, происходившая из аристократической семьи Тарквиниев, подтолкнула его к переезду, поскольку он не мог сделать яркую политическую карьеру в этом городе, где был наполовину чужеземцем. В Риме возможности социального роста были другими. Здесь обнаруживается ряд показательных черт: связи между Коринфом и Этрурией, в частности Тарквиниями, были хорошо известны, и коринфская керамика, найденная на тосканской территории, является существенным доказательством. Вскоре этрусски начнут ей подражать, изготавливая так называемую этрусско-коринфскую керамику, которую они незамедлительно экспортируют в другие города Средиземноморья.

Еще более поразительной является, возможно, роль этрусской женщины. Можно предположить, что Танаквиль во многом руководила своим мужем. Ее роль была первостепенной в частности в тот момент, когда она прибывает в Джаникулу, что на «этрусском» побережье Тибра. Там было предзнаменование, данное летящим орлом, которое одна лишь Танаквиль смогла интерпретировать как знак верховной власти. После прибытия супругов в Рим царь Анк Марций выбрал Тарквиния Приска в качестве опекуна для царских наследников и назначил его командовать римской конницей.

Танаквиль и Сервий Туллий

Танаквиль исчезла? Нет, она вновь выйдет на первый план, когда станет необходимо наследовать супругу. Тарквиний Приск был убит через 37 лет после начала своего правления сыновьями Анка Марция, осознавшими, наконец, что они были наследниками трона. Римские цари правили очень долгое время и можно с полным основанием задаться вопросом об их количестве: как всего семь царей, отраженных в письменных источниках, правили почти два с половиной века (с 753 по 509 гг. до н. э.)?! Кроме того, древние авторы толком и не знали, являлся ли Тарквиний Гордый сыном или внуком Тарквиния Старшего. В любом случае, спустя 37 лет Танаквиль в здравом уме и светлой памяти предсказывает, будучи экспертом по предзнаменованиям, царскую судьбу младенцу, Сервию Туллию, люлька которого была подброшена во дворец при невероятных обстоятельствах. Происхождение Сервия, имя которого, вероятно, говорит о рабских истоках (*servus*), было запутано, и позднее мы обнаружим, что этрусская версия его биографии не лишена аргументов. В Риме его считали сыном латинского аристократа. Он стал зятем Тарквиния Приска, и когда царь умер, Танаквиль сумела утвердить его на престоле, где Сервий Туллий осуществил множество важных реформ.

Туллия и Тарквиний Гордый

После Танаквиль еще одна представительница этрусского народа вмешалась для того, чтобы привести к власти Тарквиния Гордого. На этот раз речь идет о Тулии, дочери

Сервия Туллия: по римскому обычаю, она не имеет имени, а только лишь фамилию отца в женском роде. Туллия была вспыльчивой, а ее родная сестра — очень робкой. Чтобы упрочить свою власть, Сервий Туллий выдал их замуж за сыновей Тарквиния Приска. Это закончилось трагедией: по инициативе Туллии ее сестра с мужем и Сервий Туллий были убиты, а муж Туллии Тарквиний Гордый провозгласил себя царем.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ОБ ЭТРУССКОМ ВЛИЯНИИ

Керамика

Римская историография в лице Тита Ливия признавала, что этруски обосновались в Риме, а некоторые из них попали в правящую верхушку государства. С трудом приняв Сервия Туллия, которому была приписана латинская генеалогия, античные авторы были вынуждены оставить двух этрусских Тарквиниев в списке семи царей. Археология полностью подтверждает этрусское присутствие в Риме, в какой бы форме оно ни проявлялось. Многочисленные фрагменты керамики буккери были обнаружены в различных частях Рима, и не только в центре, на Форуме или в Боариуме. Например, можно обратить внимание на удивительную керамику, выполненную техникой тонкого буккери, обнаруженную близ Сен-Жан-де-Латран. Однако обнаружение этрусской или греческой керамики, даже в большом количестве, не достаточно, чтобы в точности говорить об этрусском или греческом присутствии на римской территории: всегда можно предположить, что это

был всего лишь импорт. Но также верно то, что это свидетельствует об активной торговой деятельности.

Эпиграфика

Зато найденные этрусские надписи не оставляют никаких сомнений в том, что на римской территории присутствовали носители этрусского языка. Итак, в Риме было найдено порядка десяти надписей, выгравированных на керамике буккери. Например, имя «Uqpus» можно прочесть на фрагменте буккери из Форума Боариум, и в этом имени можно узнать латинское имя Окнус, который считался основателем Болоньи (этрусской Фелсины).

Но самая длинная и показательная этруская надпись выгравирована на небольшой фигурке льва из слоновой кости: она была обнаружена в ходе раскопок в Сант Омобон, на Форуме Боариум, в месте рыночной торговли на берегу Тибра. На этом изделии второй половины VI в. до н. э. выгравированы три имени — «araz silqetenas spuripas». Первое из них — хорошо известное этрусское имя Арат, а замена придыхательного *t* на *z* в конечной позиции очень характерно для римского варианта этрусского языка. Третье имя «spuipinas» — также очень известно и принадлежит аристократическому роду города Тарквинии. Эта фамилия встречается в надписях множество раз, в этой форме или же в форме «spuipinna», более известной в латинском языке. Намного позднее, в I в. н. э., латинские надписи дают нам сведения о деяниях, свершенных, быть может, в V или IV вв. до н. э. представителями рода Спуринна. Один из них принимал участие в экспедиции на Сицилию, в ходе которой этруски оказали помощь Ал-

кивиаду. Эта крупная этруская семья из Тарквиниев не исчезла вместе с независимостью Этрурии: Цезарь избрал своим личным гарусником именно выходца из рода Спуринна, ведь для выполнения этой роли необходим был этруск знатного происхождения. Позднее с еще одним выходцем из этого рода — военачальником Вестрицием Спуринной — состоял в переписке Плиний Младший.

Второе слово в надписи из Сант Омобано, «*silqetenas*», хоть ничего нам не напоминает на первый взгляд, но по суффиксу *-nas* можно определить, что это имя собственное. Было предположение, что это слово как-то связано с географическим названием, в данном случае — с городом Сульчи в Сардинии. Действительно, этруски имели торговые отношения с этим крупным островом, находившимся напротив их основной территории. Что же касается имени Арат Спуринна, то исследование небольшой фигурки льва из слоновой кости, от которой до нас дошла лишь одна половина, приводит к выводу, что этот предмет был своего рода «паспортом», позволяющим идентифицировать его владельца за границей: вторая половина фигурки льва должна была прикладываться к первой, словно банкнота, разорванная пополам. Нам известен и другой пример такого этрусского «удостоверения личности» из Карфагена, также часто посещаемого этрусскими купцами, которые привозили туда множество изделий из керамики. Во всяком случае, небольшая фигурка из слоновой кости с надписью из Форума Боариум прекрасно показывает, что Рим был весьма интересен для одной из самых крупных этрусских семей.

Что касается Тарквиниев, необходимо процитировать последнюю надпись, хоть она была выполнена на латинском, а не на этрусском языке. На дне чаши в стиле бук-

коро, датируемой последней третью VI в. до н. э., была сделана надпись «гех». Исключительное положение надписи указывало на то, что этот предмет не использовался в быту, а был предназначен для ритуального действия, возможно, имевшего отношение к жрецам начала Республики. Однако нельзя исключать тот факт, что речь могла идти и о самом царе.

ЭТРУССКИЕ КВАРТАЛЫ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ

Этруская улица

Спуринна, очевидно, был в Риме не единственным этрусском. Их именем в Риме названа одна из улиц, расположенная между храмом Диоскуров и базиликой Юлия. Эта узкая улица — всего лишь 4 метра в ширину, как и все улицы Форума, — начиная с республиканской эпохи, имела дурную славу, поскольку, по словам Платона, именно там можно было встретить мужчин-проституток. Но там были также и лавки парфюмеров, а Гораций сообщает нам что там находилась знаменитая книжная лавка Сосиев. На этой улице также возвышалась статуя Вертумны, бога фруктовых садов и фруктов, о котором Варрон говорил как о главном боге Этрурии, а Проперций пространно описывал его в одной из своих элегий.

Влияние этрусков на римскую цивилизацию, согласно античным источникам, было многочисленным и разнообразным — и в политической, и в религиозной, и в культурной жизни. Достаточно один раз почитать Тита Ливия, чтобы осознать размах градостроительных работ, пред-

принятых этрусскими царями и прежде всего Тарквинием Приском. Римский историк выделяет три крупных вида работ: осушение низин и болотистых местностей Рима, строительство храма Юпитера Капитолийского и сооружение Большого цирка (ипподрома).

Мастера гидравлики

Что касается первого пункта, то уже в Античности бытовало единогласное мнение, что этруски были «мастерами гидравлики». Они установили в своих городах целую сеть водостоков и канализационных канав. Больше всего впечатляют водостоки Марцарботто, идущие вдоль основных осей города. Этруски также сумели дренировать вулканические и непроницаемые для воды почвы Южной Этрурии с помощью сети подземных каналов. Именно таким образом они смогли противостоять эпидемии малярии, опустошившей окрестности Рима, — эта болезнь вновь и вновь возобновлялась вплоть до новейшего времени. Нельзя сомневаться в этруском происхождении восхитительного колодца в Перудже, имеющего глубину 37 м и ширину 5,6 м. После некоторых споров теперь считается, что «Понте Содо» («Крепкий Мост») в Вейях также был этрусским: этот туннель, вырытый в туфе, позволял откачивать воды с территории Вальчетты, часть земель которой была постоянно затоплена и, следовательно, непригодна для земледелия.

В Вейях и во многих других городах Южной Этрурии нет никаких сомнений в том, что куникулы, подземные каналы (1,70 м в высоту и 60 см в ширину), через которые откачивалась стоячая вода, поступающая из вертикальных

колодцев, были созданы в этрусскую эпоху. Известно, что римляне во время осады Вейев воспользовались одним из этих куникулов, чтобы проникнуть в этрусский город. Во время той же осады этрусски сумели создать водоотводный канал из озера Албен, чтобы избежать затопления прилегающих территорий во время паводка. Не будем покидать территорию города Вейи, не отметив наличие огромного водоема архаического периода на акрополе Пьяцца д'Армии, который находился под открытым небом. Необходимо уточнить, что туф в этом регионе было весьма просто копать, и можно было сопоставить эти дренажные работы с дорожными: во многих городах к западу от озера Больсена этрусски вырыли в туфе на многометровой высоте очень живописные дороги.

Цирк

Однако форум не был единственной болотистой низиной в Риме. Та же проблема была и в долине Мурчи, что между Палатином и Авентином, где протекал ручей. Для строительства здесь Большого цирка необходимо было провести осушительные работы, чтобы вывести стоячую воду в Тибр. Именно этрусски смогли это осуществить. Описание этого архаического цирка с его деревянными трибунами для знати, покрытыми тентом, данное Титом Ливием и Дионисием Галикарнасским, полностью подтверждаются этрусскими фресками из Тарквиниев. Их можно увидеть в гробнице Колесниц (рис. 14), датируемой примерно 500 г. до н. э.: зрители сидят на высоких скамейках, наблюдая за разными атлетическими соревнованиями и за гонками на колесницах (последние и дали название этой гробнице,

обнаруженной в XIX в.). На этой этрусской фреске на почетных местах иногда фигурируют зрительницы, и нельзя не отметить разношерстный характер публики, что свойственно Риму, во всяком случае, в цирке. Для Овидия, в эпоху Августа, цирк оставался идеальным местом для попыток соблазна. У греков было другое отношение к атлетическим и конным состязаниям, и, вероятно, этруски были причастны к тому привилегированному положению, которое было даровано римской женщине, во всяком случае, в том, что касается спектаклей.

Этрусское влияние на римские игры и культурную жизнь не ограничивалось одними лишь постройками и оборудованием. Вся программа и технические элементы конных скачек были заслугой этрусков, и все это — уже в эпоху царей. И когда Тарквиний Старший, по словам Тита Ливия, организует роскошные игрища в Риме после победы над латинскими народами, он велит доставить кулачных бойцов и лошадей главным образом из Этрурии. Весьма любопытно, что одна из расписных гробниц Тарквиниев, гробница Олимпиады (ок. 530 г. до н. э.), кажется, иллюстрирует это событие: на одной стене показаны боксерский поединок и скачки на колесницах. Однако детали еще более показательны: техника этрусских и римских возничих одинакова, они завязывали узлом вожжи вокруг талии, чтоб не выронить их во время скачек. Очень опасная техника при падении (поломке), которая совсем не использовалась греческими возничими. Снаряжение этрусских и римских возничих также очень сходно — короткая туника, отличавшаяся от длинной тоги, которую носили их греческие коллеги, в частности возничий из Дельф. Естественно, цирковые выступления не были единственными, носившими этрусский отпечаток: считалось, что сцениче-

ские представления также появились в Риме с приходом этруских гистрионов, которые были в большинстве своем танцорами. Однако это происходило, вероятно, около 367 г. до н. э., то есть уже не в эпоху этруских царей, как в случае с конными состязаниями.

Храм

В ряду масштабных работ царя Тарквиния не последнее место занимало строительство храма Юпитера на Капитолийском холме. Храм по своим внушительным размерам и убранству был крупнейшим в Центральной Италии в свою эпоху. Он был возрожден во всем своем величии благодаря современным раскопкам, проводимым вследствие реконструкции капитолийских музеев. Любопытно, что долгое время наиболее «этруской» чертой являлась та, которую в настоящее время мы, скорее, назовем «римской»: этот храм, посвященный триаде Юпитера, Юноны и Минервы, характеризуется наличием трехнефной целлы, расположенной позади пронаоса, фронтальной колоннады. Витрувий, архитектор августовской эпохи, описал эту тройную целлу как типичную для тосканского храма. Однако теперь исследователи прекрасно осознают, что мало этруских храмов имеют эту характерную черту. Она встречена только в храме Бельведера в Орвието и в храме А в Пирги (ок. 470 г. до н. э.).

Однако нельзя отрицать существование такого типа планировки в Этрурии. Тройные элементы можно обнаружить и в погребальной архитектуре (Цере — гробница Кресел и Щитов, гробница Греческих Ваз), а также в домашней архитектуре (Акваросса). Что же до этруских

триад в религии и культуре, то исследователи часто хотят видеть их повсеместно, даже там, где их может не быть. Например, в Поджо Чивитат (Мурло), где американским археологам на терракотовых архитектурных плитах привиделась не одна, а целых две божественные триады: небесная триада, в которую входили Тиния (Юпитер), Юни (Юнона) и Менерва (Минерва), и хтоническая триада, состоящая из Цереса, Либера и Либеры. Коль скоро этот вопрос, архитектурный и религиозный одновременно, остается открытым, неоспоримо, что архаический римский храм хранил в себе отпечаток этрусской культуры в своей общей планировке, подиуме и, в частности, отделке. Внушительные размеры капитолийского храма Юпитера доказывают, кстати, что Рим в VI в. до н. э. ни в чем не уступал другим этрусским городам. Можно предположить, что Рим не просто был этрусским городом, но одним из крупнейших этрусских городов.

Общественная и сакральная архитектура не была единственной сферой, где вклад этрусов был подчеркнут традицией. Эта тенденция распространилась и на частное жилище: широко распространенные в итальянском домостроительстве атриумы считаются этрусскими по происхождению. Само слово было сопоставлено Варроном с портом Адрией: определенно известный топоним, поскольку он подарил название Адриатике. Известно, что древние обожали слова фантастического происхождения, и все же странно, что атриум сопоставлялся, в общем то, со второстепенным и отдаленным от центра городом паданской Этрурии. Существует также понятие «тосканский атриум», в котором отсутствуют колонны. Отсутствие в ряде случаев центрального водоема заставляет некоторых современных исследователей полагать, что это был просто

крытый двор, а не настоящий атриум. В настоящее время жилище, раскопанное на южном склоне Палатина, подарило нам прекрасный пример аристократического жилища с атриумом последней трети VI в. до н. э.

Символы власти

Культурные влияния на Рим со стороны этрусков этим не ограничиваются. Многие античные авторы считали сами символы римской власти (*insignia imperii*) этрусскими. Об этом вполне определенно пишет Страбон: «Говорят, что победные символы, знаки отличия консулов, и в целом знаки отличия магистратов были принесены в Рим из Тарквиниев вместе с фасциями, секирами, трубами, религиозными церемониями, искусством гадания и музыкальным сопровождением римских публичных мероприятий». К этому списку можно отнести скипетр, курульное кресло, пурпурную мантию и один из важнейших символов власти — фасции (перевязанные пучки прутьев-розг, являвшиеся изначально непременным атрибутом высших магистратов).

В одном из произведений латинского поэта III в. до н. э. Силиуса Италикуса утверждается, что именно в Ветулонии впервые появились фасции. В одной из гробниц VII в. до н. э., открытой в 1898 г., была обнаружена фасция, или ее модель, из железных прутьев и двойной секиры. Этот тип секиры очень часто встречается в Этрурии, например, обоюдоострые топоры найдены в Тарквиниях, а в Ветулонии на знаменитой стеле изображен силуэт воина Авела Фелуске, держащего двойную секиру в правой руке. Гробница Ликтора в Ветулонии, похоже, подтверждает неужи-

данное утверждение латинского писателя; но иногда реальность этого открытия подвергается сомнению, поскольку во время открытия этой гробницы еще не осуществлялась настоящая научная фиксация находок. Кстати, в Этрурии практически нигде не были найдены фасции, сочетающие прутья и секиры, ни среди археологических источников, ни среди иконографических: каждый раз два этих символа власти были обнаружены отдельно и не составляли фасцию в римском значении. Если отвлечься от этрусского влияния на Рим, необходимо отметить, что помимо выше указанных примеров мы обнаружили множество символов власти в собственно этрусских погребениях. Можно упомянуть потрясающие бронзовые секиры, найденные в царских погребениях Казале Мариттимо, близ Вольтерры, а в иконографии погребальных фресок, в особенности в Тарквиниях, зачастую изображены символы власти, секиры, копья, жезлы, музыкальные инструменты и многочисленные кортежи, сопровождавшие покойных магистратов.

Военная музыка

Согласно одной из современных теорий, этруски фактически были наставниками римлян в гоплитской тактике, этом революционном изобретении в военном искусстве, которое положило конец гомеровским аристократическим боям на колесницах. Но особое внимание уделяется военной музыке, которая в Риме также считалась музыкой этрусского происхождения. Это касалось рога и трубы. Этрускам были известны два типа последнего инструмента: прямая труба, по-латински «tuba», и труба с загнутым концом и расширяющимся мундшту-

ком, которую по-латински называли «lituus». Бронзовая труба такой формы была найдена в Черветери. Во время раскопок, проводимых недавно в наиболее древнем поселении Тарквиниев, на плато Чивита, в погребении начала VII в. до н. э. была обнаружена очень красивая бронзовая «lituus», согнутая втрое. Она располагалась на бронзовой секире и щите — совокупность предметов, несомненно, имела сакральный характер. Наиболее часто изображаемым инструментом был, несомненно, греческий «авлои» или латинский «tibiae», с двумя трубами, который мы зачастую переводим как «флейта», поскольку речь идет о язычковом инструменте, более близком к габою или кларнету. Кажется, что невелик список дел, которые этруски делали без музыкального сопровождения (рис. 16), в частности без этих «tibiae», будто тишина была самым редким явлением в этруском городе! Некоторые греческие авторы, в том числе великий Аристотель, например, с удивлением (а иногда и с возмущением) констатировали, что этруски делали хлеб, били и стегали их рабов под музыку (изображения подтверждают первые два вида деятельности).

ЭТРУССКАЯ ВЕРСИЯ ИСТОРИИ ЦАРЕЙ В РИМЕ

Так, достаточно длительное присутствие этрусков на римской земле, очевидно, благодаря одним лишь надписям на этом языке, объясняет многообразие влияний, которое очевидно в начале римской цивилизации. Однако мы возвращаемся к первоначальному вопросу: было ли это лишь результатом простого соседства, мирного по своему характеру, и торговых контактов, что подтверждается та-

кими находками, как скульптура льва из слоновой кости? Тексты и археология великолепно показывают нам, что в архаическую эпоху существовал важный феномен географической мобильности: в самой Этрурии в некрополе конца VI в. до н. э. Крочефиссо дел Туфо в Орвието были обнаружены несколько иностранных имен кельтов, италиков, обосновавшихся в этрусской метрополии. Ничего удивительного в том, что подобное имело место и в Риме. Отметим, что хоть римляне и заимствовали этрусский алфавит, в Риме продолжали говорить по-латински, и, несмотря на все заимствования и влияния, город все же не был полностью этрусскизирован, что могло и должно было произойти в случае военной оккупации и политического влияния в течение одного века. Этрусские цари, таким образом, были лишь «естественным» проявлением этого тосканского присутствия в Риме. Однако ряд источников, относящихся к периоду правления Сервия Туллия, может привести нас к другому видению ситуации.

Нашим основным «гидом» здесь будет император Клавдий, правивший с 41 по 54 гг. н. э. Этот император написал на греческом языке, как свидетельствует Светоний в своем труде «Жизнь двенадцати Цезарей», историю карфагенян и историю этрусов. Почему именно этрусов? Конечно же по семейным причинам, поскольку он был женат на некоей Ургуланилле, представительнице одной из наиболее крупных этрусских семей. Благодаря ей Клавдий обладал, несомненно, архивами, необходимыми для реализации этой цели. Хоть, увы, этот труд был утрачен, тема этрусов в одной из самых известных речей императора была сохранена на так называемой табличке Клавдия из Лиона — великолепной латинской надписи, выгравированной на бронзовой пластине. В этой речи Клавдий

стремился убедить сенаторов открыть двери их собрания перед знатными галлами, и для этого он привел исторические прецеденты, иллюстрирующие, что Рим всегда умел принимать, даже на самом высоком уровне, лучших среди иностранцев (после того, как они конечно же были покорены). И это имело место с самого возникновения Рима, поскольку некоторые цари были сабинами (Нума Помпилий, Анк Марций) и этрусками (Тарквинии). Что же касается Сервия Туллия, несомненно, это был подобный случай.

Конечно, римские историки, такие как Тит Ливий, превратили его в сына раба и латинской аристократки из Окрикулума, захваченного римлянами. Однако Клавдию была известна этруская версия: согласно этрусским историкам, Сервий Туллий был этруском, и звали его Мастарна (очевидно, этрусское имя с характерным суффиксом *-na*). Этот Мастарна был кем-то вроде кондотьера, участвовавшего в военных действиях на территории всей Центральной Италии в VI в. до н. э. с двумя братьями, Авлом и Целием Вибенна, его компаньонами. По завершении своих походов Мастарна, а может быть, до него и братья Вибенна, правил в качестве шестого царя Рима под латинским именем Сервий Туллий.

В другом тексте, принадлежащем перу Веррия Флакка, историка августовской эпохи, уточняется, что братья Вибенна были выходцами из города Вульчи, одного из крупных городов додекаполиса. Однако некоторые этрусские источники несут в себе другую информацию и позволяют начать дискуссию и это — исключительное пересечение, поскольку мы практически не имеем источников, противоречащих друг другу. Первым источником является надпись, выгравированная на основании кубка буккери сере-

дины VI в. до н. э. и преподнесенного в качестве votивного дара в святилище Портоначчо в Вейях. Это святилище, известное своими терракотовыми акротериями, как Аполлон из Вейев, было посвящено разным божествам, в частности Минерве, и должно было в течение определенного времени играть роль общеэтрусского храма, поскольку невейцы могли преподносить туда посвяtitельные дары. Надпись была прочтена как «*mine tuluvanese avile vipiienpas*», переводится «Меня посвятил (божеству) Авил Випиеннас». А вспомнив некоторые фонетические феномены, такие как синкопа, а также то, что в этрусском языке не было звонких согласных, например *b* (а только лишь *p*), можно заключить, что Авил — это архаическое имя, соответствующее латинскому Авл, и что «випиеннас» весьма похоже на Вибенна. Итак, это наш Авл Вибенна принес в дар данный килик в стиле буккери в Вейях. Конечно, нельзя полностью исключить случай омонимии, но это происходило в середине VI в. до н. э., то есть во время правления Сервия Туллия, к тому же поблизости от Рима, где, как считалось, наш персонаж совершил часть своих подвигов. Таким образом, без всяких сомнений можно говорить о реальности существования этого соратника Мастарны-Сервия Туллия.

Мы находим трех наших героев даже в Вульчи. В богатых некрополях этого города, который подарил тысячи аттических ваз VI—V вв. до н. э., обнаруженных в ходе раскопок Люсьена Бонапарта, была обнаружена уникальная расписанная гробница Франсуа. Следует сказать, что длинный дромос, свойственный гробницам этой эпохи, углублялся прямо в скалу, что само по себе весьма впечатляюще. Гробница датируется третьей четвертью IV в. до н. э. Это настоящий цикл рисунков, разбитый на три

основных сюжета. Начнем с самого последнего, где изображен владелец гробницы: речь идет о некоем Веле Саттесе, который изображен в лавровом венке, одет в расшитую тогу и, очевидно, готовится к гаданию по полету птицы. Ребенок выпускает перед ним зеленого дятла, за полетом которого будет наблюдать его хозяин (рис. 17).

Самое раннее изображение отсылает нас к Троянской войне. На великолепной в художественном смысле сцене показан Ахилл, собирающийся принести в жертву троянских пленных на похоронах Патрокла; присутствие божеств Шаруна и Ванта придает этрусскую специфику этой замечательной фреске. Строго симметрично этому «греческому» изображению следует третий сюжет, хронологически находящийся между первыми двумя, он нас непосредственно и интересует: на этот раз мы имеем дело только с этрусками, как свидетельствуют надписи рядом с персонажами. Это серия поединков, которые заканчивались избиением побежденных. Победители были героями Вульчи, происхождение их противников неизвестно. Среди победителей выделяются имена Мастарны, Авла и Целия Вибенна. А одной из жертв был «*sneve tarchunies githach*», что можно перевести как «Тарквиний из Рима».

Рассмотрим концепцию этого цикла рисунков. Троянцы, по легенде, были основателями Рима, в то время как этруски отождествляли себя с ахейцами. На изображениях гробницы мы, таким образом, видим следующую идею: так же как греки победили троянцев, так и этруски побеждают римлян. И наконец, Вел Саттес является представителем одного из самых крупных этрусских родов, ведущих победоносную борьбу с Римом: нам известно, что в этот период происходили крайне жестокие столкновения между этрусскими городами (в особенности Тарквиниями

и Вейями) и римлянами. В этом ряду исторических прецедентов необходимо учитывать воззрения этрусков, которые верили в повторение событий через века и в силу судьбы: если предки этрусков победили римлян во время осады Трои, то же должно произойти и в IV в. до н. э., и Вел Сатнес, аристократ из Вульчи, мог быть победителем в тот момент, когда гадал по полету птицы. Ну а братья Вибенна стали настоящими легендарными героями для этрусков: они были также изображены на зеркале с гравировкой из Больсены и на двух урнах эллинистической эпохи поймавшими божество с чертами Аполлона, которое должно было предсказать их будущее согласно известному в греческом мире мифу. На знаменитом кубке старца Нестора V в. до н. э., хранящемся в парижском музее Роден, также начертано имя Авла Вибенна.

Однако более всего нас интересует роль этих трех героев из Вульчи в их столкновении с Тарквинием из Рима, как свидетельствует надпись в гробнице Франсуа. Римские источники дают другую версию конца царствования Тарквиния Приска: поскольку Сервий Туллий был его зятем, то после его смерти был избран на царство. Однако, можно задаться вопросом: не отражали ли фрески гробницы Франсуа из Вульчи историческую реальность достоверней? Современные исследователи сомневаются, что всего лишь семь римских царей правили в течение двух с половиной веков: какими же исключительными долгожителями должен был быть каждый из них.

Версия о том, что Авл и Целий Вибенны могли быть римскими царями, подтверждается и топографией Рима — в честь них в городе названы два крупных холма. Христианскому автору Арнобию была известна версия этого царского периода, согласно которой Авл был убит рабом свое-

го брата («a germani servulo»). При этом имя собственное Сервий Туллий всегда сопоставлялось с латинским именем существительным, обозначающим раба («servius»), откуда и легенды о его происхождении. Однако здесь можно задаться вопросом: не относится ли фраза Арнобия к смерти Авла Вибенна от руки Матарны-Сервия Туллия, раба или, быть может, помощника Целия Вибенна.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ

Тезис о гегемонии этрусков в Риме и о власти, полученной силой, подтверждается благодаря тому, что нам известно о Порсене, царе Клузия. Тит Ливий и другие римские авторы превратили его в союзника Тарквиния Гордого, осаждавшего Рим, дабы восстановить Тарквиния на троне. После долгой осады Порсена, восхищенный мужеством римлян, согласно традиционной версии, заключает с городом мир. Однако другие источники, например Тацит, не скрывают тот факт, что Рим был взят войсками Порсены. Сам город Клузий в эту эпоху был властителем всей тиберийской Этрурии и, несомненно, Вольсиниев.

Представляется вполне логичным и правдоподобным признать, что Рим в течение определенного времени был этрусским городом или, по крайней мере, находился под политическим контролем этрусков. Римские историки всячески старались приуменьшить значение этрусской династии и завуалировать поражения Рима, превратив этрусских царей в незначительный эпизод. Однако дополнительные источники помогли нам прояснить картину.

ГЛАВА 7

ЭТРУСКИ МЕЖ ДВУХ МОРЕЙ

ЭТРУССКАЯ ТАЛАССОКРАТИЯ

До установления римского господства этруски доминировали на земле и на море. Сами названия двух морей, омывающих Италию, свидетельствуют о могуществе этого народа. Итальянские народности называли одно море Этрисским, а другое — Адриатическое — получило название от этрусской колонии Адрия. Греки называли эти моря Тирренским и Адриатическим. Эти географические названия, которые мы употребляем по сей день, не всегда зная их значения, действительно показательны. На сегодняшний день этрусский характер порта Адрия уже не может быть оспорен. Неудивительно, что древние античные авторы говорили о настоящей этрусской талассократии, то есть гегемонии этрусков на морях и благодаря морям. Диодор Сицилийский упоминает о «могучих морских силах» тирренцев и их длительном «владении морями».

Можно проиллюстрировать морские успехи этрусков победой над фокейцами в 540 г. до н. э. в битве за колонию Алалия, в результате чего греки вынуждены были оставить корсику. Распространение керамики буккеро иллюстрирует торговую мощь этрусков в Западном Сре-

диземноморье. Но изделия этрусского происхождения присутствуют и в Восточном Средиземноморье, в том числе в святилищах, хотя здесь торговый обмен имел менее регулярный характер, нежели на западе. Необходимо вспомнить и об этрусских пиратах, которые достигали Болеарских островов и даже уходили за пределы Геркулесовых столбов. Вспомним также флотилию, отправленную этрусскими городами в помощь афинскому флоту во время экспедиции против Сиракуз в 415—413 гг. до н. э. Небольшое количество этрусских кораблей (всего лишь три) и провал всей экспедиции скорее свидетельствуют о конце этрусской талассократии, и что отныне Сиракузы доминируют в южной части Тирренского бассейна, стремясь продвинуть свое влияние на собственно тосканские земли.

Иконография отлично иллюстрирует интерес этрусков к мореходству, поскольку изображения кораблей появляются в самых первых произведениях этрусского искусства: изображение корабля было отмечено на амфоре-импасто начала VII в. до н. э. из Цере. Не будем составлять полный список морских сюжетов, отметим лишь, что в ориентализирующую эпоху на пиксиде из слоновой кости из Пании (Клузий) изображено красивое торговое судно. Морское сражение было изображено греческим вазописцем Аристонотом на кратере из Цере чуть ранее середины VII в. до н. э., на другой стороне которого мы видим изображение Одиссея и его соратников, вырезающих глаз циклопа. В 1927 г. в Тарквиниях была открыта красивая погребальная фреска в гробнице Корабля (около 470 г. до н. э.), на которой изображено торговое судно, что, несомненно, указывает на род деятельности покойного, связанный с судоходством. Одна из самых известных

подковообразных погребальных стел из Фельсины также подарила нам изображение судна. По форме оно напоминало транспортное или торговое, по надписи, которые мы нечасто встречаем на стелах, можно опознать обладателя гробницы — некоего Вела Каикна, фамилия которого по-латински звучала как Цецина. Представителя семейства Цецина были особенно известны в Вольтере, и некоторые из них сыграют значительную роль в римскую эпоху: в 69 г. до н. э. Цицерон произнес защитную речь в пользу одного из своих друзей, Авла Цецины, вероятно, происходившего из Волтерры. Нет никаких сомнений, что этот Вел Каикна был торговцем из Фельсины, который участвовал в начале VI в. до н. э. в интенсивном торговом обмене между Аттикой и долиной реки По. Об экспорте зерна в Афины свидетельствуют, кроме прочих, большие и великолепные аттические сосуды, которые транзитом проходили через Спину и красотой которых можно насладиться в музеях Ферраре и Болоньи.

ТОСКАНСКИЕ ПИРАТЫ

Постоянное присутствие этрусков в Средиземном море и их морская сила в военном и торговом отношениях несколько не способствовали их популярности в глазах греков. Морское могущество создало этрускам репутацию пиратов. Но эта репутация всего лишь выражала досаду эллинов: пиратом в их глазах был любой иноземный моряк, который добивался успеха в своих морских предприятиях. Чтобы избежать обвинения в пиратстве, надо было быть такими же грекофилами, как Цере: «Город Цере снискал у греков исключительную славу не только благо-

даря смелости, но также и справедливости, воздержания от пиратства, хотя он был необычайно могущественным» (Страбон, «География»). Как вообще греки могли выразить подобное обвинение в отношении города, который построил Сокровищницу в святилище в Дельфах? Греки, вероятно, познакомились с этрусскими пиратами очень рано, поскольку эти пираты уже в VIII в. до н. э. затрудняли им колонизацию в окрестностях Сицилии. Но не было ли уничтожение пиратов просто хорошим поводом для вторжения в воды, которые контролировали этруски? Именно борьбой с пиратами в V в. до н. э. Сиракузы хотели оправдать свои попытки прибрать к рукам рудники острова Эльба и Популонии. Одним из очагов этрусского пиратства, или точнее одной из зон столкновения между этрусками и греками, всегда был район Липарских островов и Мессинского пролива.

Очень показательной является легенда об этрусских пиратах, превратившихся в дельфинов: этот рассказ появляется уже в гомеровском гимне Дионису VII в. до н. э. Мы цитируем здесь латинскую версию, данную римским писателем Гигином (I в. до н. э. — I в. н. э.): «Поскольку тирренцы, которые впоследствии звались тосканцами, занимались пиратством, юный Дионис поднялся на их корабль и просил их доставить его на остров Наксос; они захватили его и возжелали продать в рабство, но лоцман Акойт помешал им. За это они ударили лоцмана. Когда Дионис увидел, что они не изменяют своих намерений, он превратил весла в тирсы, паруса в ветви виноградной лозы, такелаж в плющ, затем внезапно появились львы и пантеры. Когда они увидели это, от страха они бросились в море; и в море происходили необыкновенные чудеса, так как каждый, кто бросился в воду, превращался в дельфи-

на: именно поэтому дельфины стали зваться тирренцами и море — Тирренским. Их было двенадцать».

Многие исследователи видят в этом мифе отражение попытки этрусков монополизировать виноторговлю, поскольку захватить Диониса — это то же самое, что пытаться присвоить торговлю вином. Эта легенда о захватах бога вина и тосканских пиратах имела несомненный успех в греческой иконографии, и даже в этрусской, что удивительнее, учитывая роль в конечном счете не очень приятную, которая была приписана этрускам. Действительно, этот сюжет изображен на килике Эксекия 540—530 гг. до н. э., который найден в Вульчи. На также этрусской чернофигурной гидрии (Музей искусств г. Толидо в Огайо, США), точное происхождение которой не известно, изображено превращение тирренцев в дельфинов, причем у одного из дельфинов еще сохранена человеческая голова.

Добавим, наконец, последний штрих к картине пиратства. Среди изобретений, которые приписывали этрускам античные авторы, фигурирует в частности изобретение якоря и медного тарана для кораблей.

ПОРТЫ И ЭМПОРИИ

Однако при анализе местоположения городов додекаполиса можно усомниться в тесных связях этрусков с морем. Кроме Популонии ни один крупный город не был основан непосредственно у моря, ни один не был портом. Но этот факт не должен нас удивлять: традиция расположения торговых городов чуть дальше от моря хорошо известна в Античности. Море — это не только торговая выгода, но и опасность. Очень часто одной из главных причин

отдаленного от моря расположения городов была боязнь пиратских набегов. Пиратство свирепствовало в Средиземноморье на протяжении веков, и оно переживалось как настоящая трагедия многими народами вплоть до нового времени. Помимо прагматических причин существовали и морально-этические: порт всегда воспринимался как рискованное место столкновения разных культур, традиций и образов жизни, что создавало опасность для традиционных ценностей торгового города. Достаточно вспомнить о репутации, которую еще в наши дни имеют некоторые крупные порты Средиземноморья.

По всем этим причинам города часто располагались у побережья моря, но на некоторой дистанции от него, у реки, которая позволяет одновременно легко получить выход к морю и доставлять продукцию из внутренней территории страны для пропитания жителей, так же как и возможные экспортные товары. Такое положение на Тибре занимает и Рим. Большие прибрежные города этрусков также соблюдали это правило. Тарквинии (у реки Марта, осуществляющей сток вод озера Большена), Вульчи (у реки Фьора) и Цере были поставлены в нескольких километрах от моря (в среднем — около 10 км), и, например, из Тарквиний и Цере, которые находились на высоких плато, свободно было видно Тирренское море. Мы приводили уже одно исключение, которым является Популония. Ее часто считают колонией жителей Корсики или Вольтерры. Однако для расположения Популонии на берегу моря имелось особенное основание: город находился напротив острова Эльба и должен был принимать железную руду, которая не могла быть переработана на Эльбе, несомненно, из-за нехватки дров, необходимых в большом количестве для металлургических процессов. Этруски должны

были отправлять руду на континент, но здесь не могло быть и речи о преодолении дополнительных километров по суше: если морская перевозка тяжеловесных грузов, какими являются руды или, например, строительные материалы, не рождала слишком много проблем, но перевозка по земле на телегах — это совсем другое дело.

Положение больших этрусских метрополий предполагало наличие специальных портов, которые хорошо известны рядом с Вольтеррой, Вульчи, Тарквиниями и Цере. Некоторые города располагали даже несколькими портами: Цере их имела целых три — Пуник (Санта Маринелла), Пирги (Санта Севера) и Алсий (Ладисполи). К таким отдельным портам археологи часто применяют греческое слово *эмпорий*. Именно это слово встречается в названии города Ампурия, основанном как колония фокейского населения Марсея. Особенного внимания заслуживают порт Грависка, принадлежавший Тарквиниям, и порт Пирги, принадлежавший Цере.

В Грависка (Порто Клементино) была открыта целая серия греческих надписей на вазах, подносимых в качестве даров Гере и Афродите. Одной из самых сенсационных находок является, без сомнения, один из каменных якорей, хранящийся ныне в музее Тарквиний, на котором содержится греческая надпись, датируемая 500-ми гг. до н. э.: «Я к Аполлону Эгинскому. Это Сострат, который посвящает себя ему». Сострат нам хорошо известен: Геродот описывает его как одного из самых богатых купцов своего времени, активно действовавшего в иберийском Тартессе за Геркулесовыми столбами. Сострат появлялся также и на другом конце Средиземного моря, в другом *эмпории* — Навкратисе в дельте Нила. По надписям из Грависка удалось установить, что селившиеся здесь греческие матросы

и торговцы очень редко допускались в сами Тарквинии. Этот греческий контингент, который частично состоял из граждан Эгины, охраняли свои собственные божества, вероятно, принятые этрусками без враждебности. Это во многом способствовало эллинизации этрусского пантеона. Присутствие в Грависка граждан Эгины, близкого к Афинам большого острова, доказано открытием этрусской надписи в самой Эгине. Можно предположить, что между жителями Эгины и Тарквиний существовали двусторонние торговые связи, и именно здесь «гостевые таблички», эти древние паспорта, должны были найти свое применение! В Грависка также существовало святилище (примерно с 400 г. до н. э.), в котором найдены дары, посвященные Уни и Туран, то есть подлинно этрусским богиням, соответствующим Гере и Афродите.

Если раскопки Грависка принесли много нового археологам, то раскопки Пирги были не менее увлекательными. Святилище Пирги (именно этот греческий топоним нам передают античные авторы, он означает «Башни»), по свидетельствам античных авторов, обладало исключительными богатствами, чем вызывало зависть других этрусских городов. Оно было посвящено женскому божеству, известному в Греции как Левкофея или Илифия. При этом в надписях, найденных здесь в ходе раскопок, упоминаются имена этрусских богинь Уни и Тезан. За последние годы в Пирги исследовано второе этрусское святилище, расположенное южнее первого и похожее по планировке на святилище в Грависка, посвященное богу Сури(су), которого некоторые исследователи пытаются отождествить с Аполлоном.

Первый из исследованных храмов Пирги (храм А) — это постройка с традиционным этрусским планом и трех-

нефной целлой, сооруженная около 460 г. до н. э. Второй храм (В) датирован 500-ми гг. до н. э. и имеет только одну целлу. Обратим внимание на большую плиту из терракоты, которая украшает задний фасад храма А. Неудивительно, что подлинный шедевр располагается именно в этой части, поскольку фронтоны задней части храма были повернуты к городу Цере и, следовательно, менее важны, чем фронтоны, смотрящие на море. Эта терракотовая плита или скорее две совмещенные плиты, найденные во фрагментах, были отреставрированы и сегодня экспонируются в музее Вилла Джулия в Риме. Здесь можно увидеть действительно большую скульптуру в горельефе, иллюстрирующую эпизод греческого мифа «Семеро против Фив» (рис. 18). В центре рельефа разворачивается особенно удивительная сцена — мы видим здесь Тидея, пожирающего мозг фиванского защитника Меланиппа. Справа от них стоит Афина, которая выпросила для раненого Тидея напиток бессмертия у Зевса, но увидев сцену с Меланиппом, собирается отказать Тидею в этом благодеянии. Одновременно, на правой стороне горельефа, Зевс/Тиния поражает Капанея, пришедшего в числе семи вождей на помощь Полинику для захвата Фив. Все эти скульптуры по размеру чуть ниже человеческого роста. Они сохранили часть своей полихромной росписи; с обратной стороны можно заметить множество дыр от бронзовых гвоздей, позволявших прикрепить эту терракоту к деревянной балке. Выбор сюжета и, в частности, борьба за Фивы, возможно, должны быть поставлены в связь со славой тиранов, которые, без сомнения, правили в Цере и Пиргии в конце VI в. до н. э. Сам Рим управлялся тогда Тарквинием Гордым и имел все черты тирании. Фиванский миф о братоубийственной схватке Этеокла и Полиника будет иметь

еще больший успех в Этрурии в эллинистическую эпоху, в частности на урнах из Вольтерры, Перузии или Клузия. Можно увидеть связь этого мифа с разладом, который происходил тогда между этрусскими городами и который настолько благоприятствовал римскому завоеванию.

В северной зоне святилища Пирги заслуживает внимания еще одна любопытная постройка, состоящая из 20 одинаковых комнат, оснащенных снаружи небольшими жертвенниками. Эти комнаты предназначались для храмовой проституции, как мужской, так и женской. Античные источники упоминают об этих «*scorta pyrgensia*», мужчинах-проститутках из Пирги. Традиция храмовой проституции была принесена в этот регион Средиземноморья финикийцами и распространена также в Карфагене. На площадке между храмами А и В, где расположены жертвенники и колодцы, было сделано удивительное открытие — три небольших золотых пластины, на которых выгравирована надпись на финикийском и этрусском языках. Из текстов следует, что Тефарий Велина, «правлящий» в Цере, посвятил женскому божеству Уни (Астарте в финикийском тексте) храм или святилище. Таким образом, мы видим, что около 500 г. до н. э. правитель Цере посвящает часть сакральной территории святилища финикийскому божеству, о чем свидетельствует надпись на финикийском языке. Это прекрасно демонстрирует ту роль, которую финикийцы или карфагенцы могли тогда играть на этрусской земле. И это нас приближает к признанию древности и особенности этрусско-карфагенских отношений.

Начиная с середины VII в. этруски из Цере, а затем из Вульчи, экспортировали в достаточно большом количестве свою керамику буккери и керамику, называемую этрусско-коринфской. Часто отмечают, кроме прочего,

многообразие форм ваз, вывозившихся на территорию Карфагена. Отношения между Карфагеном и Цере стали еще теснее после морского сражения при Алалии, где объединенный этрусско-карфагенский флот разбил греческих колонистов.

В конце VI в. до н. э. этот торговый и военный союз уже процветает, скрепленный общими религиозными подношениями Уни/Астарте в храме на территории Пирги. Вспомним, что один из портов Цере также носил недвусмысленное название Пуникум (пунами римляне называли карфагенян). Дипломатическая деятельность Карфагена распространялась и на Рим: первый договор, о котором нам известно от Полибия и который сегодня все историки признают подлинным, был заключен между двумя великими городами в фатальном 509 г. до н. э. Этот договор распределял зоны влияния и оговаривал, что римляне не имеют права торговать за «прекрасным высоким мысом» (этот топоним вызвал много споров, но он, конечно, обозначает мыс Бон в Тунисе), а карфагеняне обеспечивают себе права на Сирты, то есть на побережье Туниса, от Келибии до Суссы и Ливии. Отношения между Этрурией и Карфагеном таковы, что Аристотель приводит их в качестве примера в своей Политике: если, говорит он, торговых связей было бы достаточно для создания государства, тогда нужно было бы признать, что этруски и карфагеняне — граждане одного города. Иллюстрацией этрусско-карфагенского союза, может стать еще одна «гостевая табличка» V в. до н. э., напоминающая такую же табличку из Сант Омобано. Она была найдена в самом Карфагене (на холме Санта-Моника) в начале XX в. На плитке из слоновой кости можно прочесть этрусскую надпись: «*ti puinel karthazie*» («я принадлежу пунийцу из Карфаге-

на»). Следовательно, можно считать, что этот «паспорт» использовался карфагенянином, занимающимся торговлей на этрусской земле, возможно в Цере, и что он был привезен затем на родную землю своим владельцем. Этот «пуниец из Карфагена» должен был быть достаточно горд этим предметом, поскольку табличка была позднее помещена в его погребение.

Если мы обратимся от Цере к Тарквиниям, то сможем увидеть в музее этого города красивый греческий саркофаг из мрамора, крышка которого показывает покойного в полулежачем положении, опирающимся на локоть, как на других образцах этого района начиная с IV в. до н. э. Этот саркофаг из Тарквиний, называемый «саркофагом жреца», имеет полную аналогию в музее Карфагена на холме Бирса. Другие детали действительно показывают поразительные сходства: в обоих случаях левая рука покойного раскрыта в жесте просьбы, и он держит в то же время правую руку так, что она кажется нам чем-то вроде курильницы; в Этрурии это вообще-то патера, которую держит персонаж, представленный на крышке. Объяснить такое невероятное сходство саркофагов можно только одним: в Карфагене был захоронен этруск, прибывший туда, возможно, по торговым делам и добившийся такого высокого положения, что был удостоен чести погребения по пышным этрусским обычаям. Мы почти коснулись дополнительного следа длительного обмена между двумя культурами.

Нам также известна небольшая гробница в Тарквиниях (некрополь Вилла Тарантола), датируемая II в. до н. э., на стенах которой сохранилась чрезвычайно интересная надпись, передающая информацию о погребенном. Из надписи мы узнаем, что некто Ларс Фелснас, проживший 106 лет, однажды участвовал в каких-то событиях в

Капуе, связанных с Ганнибалом. Несмотря на то что ряд слов в этой надписи непонятен, в целом ясно, что она относится к периоду Второй Пунической войны, когда римские войска осаждали перешедшую на сторону Ганнибала Капую. Исследователи долгое время полагали, что этот Ларс Фелснас мог служить наемником в пунической армии, которая действительно их использовала в большом количестве. Известно, что выбор Ганнибалом длинного и трудного маршрута через Альпы и далее через всю Италию объясняется желанием привлечь на свою сторону население, недавно завоеванное Римом или недовольное римской захватнической политикой. Данная эпитафия отсылает нас к отрывку из Тита Ливия о битве при Капуе между римскими и этрусскими (в основном из Перузии) войсками. Наш Ларс Фелснас мог действительно в ней участвовать, так как Тарквинии, где он был позже захоронен, находятся недалеко от Перузии.

О РЫБЕ И СОЛИ

Описание портов и эмпорий дает нам картину в первую очередь торговых отношений этрусков с соседями. Однако в этих портах осуществлялась и хозяйственная деятельность — лов рыбы. Живописные фрески гробницы в Тарквиниях «Охота и рыбалка» сохранили для нас этот аспект жизни древних этрусков. Греческий автор Афеней (III в. н. э.) в своей работе «Пир мудрецов» подробно рассказывает, какие именно дары моря можно было купить в этрусском порту в Пирги. Археологи очень часто находят рыболовные крючки и глиняные грузила для сетей. Именно такие предметы обнаружили в Ветулонии, в

царской гробнице времени ориентализирующего периода (около 700 г. до н. э.) — очень красивый бронзовый рыболовный крючок для крупных видов рыб высотой около метра. Другой похожий экземпляр из железа был найден в Пизе. Подобные находки дают представление не только о ловле крупных рыб, как тунец, но могут являться символом этрусского господства на море. Море — это еще соль. Соль необходима для жизни людей, как и животных, наряду с другими продуктами питания. Обладание тем, что иногда называют «нефтью Античности», было важным: не случайно первые схватки между Вейями и Римом велись за соляные копи, расположенные на правом берегу Тибра. Некоторые исследователи даже задаются вопросом: не связана ли «фортуна Рима», как позднее фортуна Венеции, с завоеванием соляных копей, их эксплуатацией и торговлей после взятия Вейцев в начале IV в. до н. э.? Даже выбор самого местоположения Рима не мог быть не связан с солью: Форум Боариум на берегу Тибра был местом встречи между стадами, спускающимися с гор Центральной Италии и лодками, перевозившими соль от устья Тибра. Рим мог также устанавливать свои права транзитной платы со всех судов, вынужденных проплывать через это место.

ОБЛОМКИ ЭТРУССКИХ СУДОВ ПОСЛЕ КОРАБЛЕКРУШЕНИЙ

С развитием современных технологий, подводных автоматов и водолазного оборудования, появилась возможность исследовать ранее недоступные археологические материалы — остатки затонувших судов, по которым можно установить торговые маршруты и набор товаров. Мно-

гие затонувшие этрусские корабли уже были найдены у южных берегов Франции. В 1999 г. вблизи французского острова Йер был исследован уникальный затонувший корабль, размеры которого во много раз превосходили все известные ранее этрусские суда. Этот корабль имеет более 20 м в длину, 7 м в ширину и лежит на глубине более 60 м. Его груз составлял около 100 амфор, в которых перевозилось вино. Судя по зарубкам на ручках амфор, они были связаны между собой пеньковыми веревками для обеспечения устойчивости груза. На корабле также были найдены качественная греческая керамика (аттические кубки) и тазы из этрусской бронзы. Амфоры, в которых зачастую сохранились нетронутые пробки, происходят из Южной Этрурии, несомненно из Цере. Можно представить, что они были погружены в Пирги около 500 г. до н. э., чтобы быть доставленными в порт Прованса или Лангедока, которым действительно мог быть Латты около Монпелье.

Но можно ли точно приписывать эти корабли этрускам? В данном случае этот корабль у острова Йер можно назвать этрусским, в первую очередь исходя из однородности груза. Хорошая сохранность останков судна позволяет многое узнать об инженерах-кораблестроителях из Этрурии и определить, была ли их техника судостроения этрусков отличной от техники их греческих коллег? В качестве примера можно привести затонувшее судно у острова Джилио к северу от Тарквиниев, который скорее всего был собственностью греческого торговца, плывущего с Самоса. Груз был очень разнородным, поскольку наряду с множеством этрусских и греческих амфор (Самос, Клазомены) было найдено много других видов керамики (столовая посуда, арибаллы для душистого масла, лампы),

а также слитки меди, железа и свинца. Тут видна одна из основных целей греческого присутствия в Этрурии — поиск металлов. Она в данном случае и являлась причиной гибели корабля. Можно предположить, что этот корабль около 590—580 гг. до н. э. направлялся с Самоса в Галлию, может быть, с заходом в Коринф и, конечно, в саму Этрурию, в порты Черветери и Вульчи, как показывают найденные на борту этрусские амфоры. На судне также были найдены музыкальные инструменты (авлосы и флейты) и шлем коринфского типа.

Один из самых древних этрусских затонувших кораблей был найден у побережья Франции у мыса Антиб. Здесь были найдены главным образом амфоры и этрусская керамика, а также бывшая в употреблении карфагенская масляная лампа, которая позволяет предположить, что судно было в действительности карфагенским и что оно проходило через Пирги, этрусско-карфагенский эмпорий (если только лампа не была этрусской подделкой). Следовательно, ничто не мешает предполагать, что даже останки судна, затонувшего у острова Йер, были греческим или массалийским кораблем, побывавшим не только в Пирги, но также в Грависка, одном из портов Тарквиний. Таким образом, мы пока не можем точно установить, было ли это судно построено инженером-кораблестроителем на верфи Марсея, Великой Греции или Центральной Италии. Нерешенные проблемы есть, и археологические открытия могут добавить в любой момент больше уверенности этим выводам.

Итак, можно сегодня удивляться тому факту, что на побережье Средиземного моря от Пизы до дельты Роны этрусское присутствие оставило так мало следов. Судя по находкам этрусских амфор великолепного качества в Лан-

гедоке, можно предположить прямые торговые контакты между этим регионом и Южной Этрурией (Цере, Вульчи). Для такой торговли промежуточным портом могла бы послужить, например, Корсика. Пробел в археологических материалах в указанной зоне в последние годы немного заполняется: известно, что Генуя была уже достаточно важным этрусским эмпорием в архаическую эпоху (там открыто, кроме прочего, множество этрусских надписей). Известно также большое количество этрусских поселений между Пизой и Генуей, и даже вблизи современной границы Франции были найдены этрусские амфоры близ порта Савона. Несмотря на то что продолжающиеся исследования затонувшего корабля у острова Йер приносят все больше новых интересных материалов, раскопки в Провансе или на Лазурном берегу также могут изменить современные представления о масштабах греко-этрусской торговли в архаическую эпоху.

ГЛАВА 8

СОРОК ДОЛЕЙ ПЕЧЕНИ: РЕЛИГИОЗНЫЙ ОЧЕРК

ПЕЧЕНЬ И ГАРУСПИКИ

Одной из важнейших сторон религиозной жизни этрусков было гадание по внутренностям жертвенных животных. Античные авторы называют такие гадания характерной чертой этрусских религиозных представлений. Неоднократно описывалась практика гадания жрецами-гаруспиками по печени животного. И вот при раскопках в Пьяченце была сделана уникальная находка — бронзовая модель печени овцы (рис. 19). Это небольшое бронзовое изделие относится к весьма поздней эпохе, поскольку оно датируется приблизительно 100 г. до н. э., и найдено в регионе, который не считался этрусским: быть может, оно было привезено римлянином или этрусским гаруспиком, служившим римлянам. Римская Плацентия (современная Пьяченца) была основана в 218 г. до н. э. как колония, позволявшая Риму контролировать Цизальпинскую Галлию.

Известно, что гаруспики, профессиональные гадатели по внутренностям животных, как правило, сопровождали крупнейших политических деятелей в Риме: Марий, буду-

чи в Африке во время Югуртинской войны, встретил гаруспика, который предрек ему блестящее будущее — еще одно доказательство того, что некоторые этруски находились в этой части Африки. Межевые столбы, обнаруженные в долине Вади-Милиане, дали нам археологическое доказательство этого факта. Несколько лет спустя, в 89 г. до н. э., соперник Мария, Сулла, по советам гаруспика Кая Постумия дает галлам битву при Ноле и одерживает победу. Следует сказать, что удачливый Сулла не жаловался на предсказания гаруспиков: по сообщению Плутарха, в 83 г. до н. э. в Таренте на печени жертвенного животного, закланного в его присутствии, были обнаружены лавры, гарантия всяческих побед! Ну а у Цезаря на службе был, если можно так выразиться, гаруспик-аристократ из рода Спуринна. Пользуясь случаем, еще раз вернемся к этой известной семье из Тарквиниев: гаруспик Спуринна предупредил Цезаря о грозящей ему опасности в мартовские иды 44 г. до н. э., и если бы диктатор слушал его полезные советы, то уберег бы свою жизнь.

Вернемся же к печени из Плацентия. Этот образец овечьей печени, точный в анатомическом плане, был покрыт с одной стороны гравировкой из сорока секторов, в каждом из которых было написано имя одного или нескольких божеств. По краям модели печени с этой стороны идет окантовка, разделенная на 16 частей, и это число не случайно: нам известно, благодаря латинским источникам, что небо у этрусков было поделено на шестнадцать частей, каждая из которых принадлежала одному божеству; восточные части были благоприятными, а западные — неблагоприятными. На другой стороне модели на обеих долях были начертаны имена двух богов: правая часть была посвящена Усилу, Солнцу, а левая — Тиуру, Луне. Таким образом,

этот сакральный предмет представляет собой некую «модель мироздания».

На правой части печени из Плацентия можно трижды прочесть имя Тина (Юпитера) и один раз имя Уни (Юноны). Зато в той части модели, которая соответствовала северной и западной зонам небосвода располагались зловредные божества и можно отметить, например, что в наиболее древних тумулусах Цере первое погребение всегда располагалось именно в этой части и в этом направлении.

Итак, после того как гаруспик извлек печень жертвенного животного, он мог в подробностях изучить ее. Та или иная аномалия или особенность, обнаруженная в той или иной части печени, заставляла его обратиться к определенному божеству, чтобы успокоить его, прежде чем его немилость отразится на городе. Известно, что мирные отношения с богами (*pax deorum* по-латински) были основным элементом взаимоотношений между людьми и богами в Античности.

Таким образом, находка из Плацентия может считаться чем-то вроде «учебного пособия» или «хирургического атласа» для практикующих гаруспиков. Необходимо отметить, что это бронзовое изделие — не единственная известная нам модель печени в античном мире. В Фалериях, близких этрускам благодаря многочисленным торговым связям, где располагались известные святилища, была обнаружена печень из терракоты без каких бы то ни было надписей. Ее можно сравнить с многочисленными экземплярами II тыс. до н. э., найденными на Ближнем Востоке. Это, в частности, подтверждает версию об азиатском происхождении этрусков. В любом случае, сходство в религиозной, а значит, консервативной сфере между этрусками и жителями древнего Ближнего Востока нельзя оставить без внимания.

Известно несколько этрусских изображений гаруспиков, осуществляющих гадание по печени. Наиболее известным в этом отношении стало зеркало с гравировкой из Вульчи (рис. 21), датируемое V в. до н. э., хранящееся в Григорианском музее Ватикана: персонаж странным образом изображен с крыльями, которые отлично вписываются в округлую форму зеркала, он носит имя известного греческого гадателя Калхаса (хотя имя написано по-этрусски). Гадатель делает предсказание, вблизи рассматривая печень, которую держит в левой руке; другие внутренности, лежащие на столе, указывают на то, что животное (овца, без всякого сомнения) было принесено в жертву совсем недавно. В Ватикане хранится бронзовая статуэтка гаруспика II в. до н. э., показывающая традиционное одеяние этих жрецов: высокий колпак, накидка и огромная фибула с изгибом в форме дельфина.

Нам известно этрусское название гаруспиков — «*haru*». Хотя мы уже и отмечали, что поздние двуязычные этрусско-латинские надписи не дали нам много сведений, все же есть один источник, датируемый около 50 г. до н. э., обнаруженный в Песаро на Адриатике, который следует рассмотреть подробнее. Речь идет об эпитафии некоего Кафация, сына Луция, который называет себя по-латински «*haruspex fulguriator*» и по-этрусски — «*netsvis trutnvt frontas*». Вероятно, перед нами этрусский гаруспик, который был изгнан со своей родины.

Слово, обозначающее гаруспика, присутствует на одном из красивейших саркофагов Тарквиниев в гробнице Магистрата. На крышке саркофага изображена фигура мужчины с венком на голове. Фигура изображена полулежа, как часто бывает на этрусских саркофагах, с развернутым свитком в руках. Напомним, что эти так

называемые «льняные книги» («libri lintei»), как их впоследствии называли в Риме, фигурируют на нескольких изображениях в Этрурии, и по внешнему виду их иногда путают с подушками. Во всяком случае, на свитке нашего величественного магистрата, звали которого Ларис Пуленас, различают девять линий, которые весьма нелегко расшифровать, но в самом начале весьма четко читается выражение «ancn zich nethsrac». Первое слово является указательным местоимением, второе, которое мы уже встречали на Кортонской табличке, означает «текст», и третье слово образовано от той же основы, что и «netsvis». Итак, мы читаем выражение «этот текст гаруспика». Как справедливо указано в эпитафии, Ларис Пуленас сообщает нам о своей деятельности и в том числе в религиозных общинах, связанных с Вакхом, что подводит нас вплотную к скандалу с Вакханалиями 186 г. до н. э.

СВЯЩЕННЫЕ КНИГИ ЭТРУСКОВ

Благодаря Цицерону нам отлично известно, что этруская наука о гадании гаруспиков была изложена в «гаруспических» книгах («libri haruspici»). Этруская религия в целом содержала настоящие догмы, систему доктрин, обозначенных латинским выражением «disciplina etrusca». Латинское слово «disciplina» близко глаголу «discere», «изучать» (в отношении учащегося, «ученика»): действительно, юные гаруспики изучали «теоретические основы» своего мастерства по книгам и практиковались на бронзовых или терракотовых моделях печени. Религия этрусков близка к так называемым «религиям откровения», где божественная воля является людям при посредстве различ-

ных сверхъестественных событий. Эти откровения затем и составили основу этрусских религиозных книг. Наиболее яркий случай — рассказ о Тагесе, связанный также с крупным городом Тарквиниями и его героем-основателем Тархоном, изображение которого мы уже встречали на троне Клавдия. Во время полевых работ перед крестьянином появляется, выскочив из борозды, прорицатель Тагес. Внешне он был ребенком, но обладал мудростью старца. Подобные сюжеты известны и в других религиях и напоминают эпизод из Евангелия от Луки, когда маленький Иисус общался с мудрецами в Храме. Как бы то ни было, появлялся ли Тагес перед толпой, моментально разраставшейся, или перед одним лишь Тархоном, — его поучения впоследствии попали в этрусские религиозные книги.

Все это несколько не удивляет нас, поскольку мы уже долгое время живем в мире великих авраамических религий, но для античного мира это было нечто революционное; ни греческой, ни римской религии не были свойственны перечисленные черты. Но более всего удивляет то, что греческих и римских авторов поразило не это отличие, кажущееся нам основным. Действительно, когда Тит Ливий указывает в одном из отрывков, тысячу раз процитированном нашими современниками, что этруски были религиозными в высшей степени, он основывается в этом утверждении на их знаниях суеверий, то есть не всех суеверий в целом, а конкретных религиозных практик; подчеркивается их наука, их мастерство во всем, что касается культа. Пытаясь проиллюстрировать особую религиозность этрусков, античные авторы связывали этрусские этнонимы и топонимы с религиозными терминами. Дионисий Галикарнасский и Исидор Севильский считали, что латинское название этрусков, «Tusci», соответствовало греческому «*thuosikoi*» от

глагола «*thuein*» («приносить в жертву») и что этруски, таким образом, были «жрецами, совершающими жертвоприношения». Кроме того, считалось, что название города Цере (Черветери) восходит к римскому «*саегі-топіае*». Но наше удивление неуместно: греческая и римская религии покоились прежде всего на формализме, на культе, а вера в богов носила вторичный характер. Именно характер и сила этруских религиозных практик покорили греков. И среди этих практик техники гадания были особенно замечательными.

ПТИЦЫ...

Важной частью религиозной практики было также гадание по полету птиц. Эта традиция поначалу кажется больше скорее римской, нежели этрусской. Достаточно вспомнить легенду об обращении Ромула и Рема к знаменьям, связанным с полетом птиц, при основании Рима. Однако не будем забывать, что само основание Вечного Города было связано с этрусскими обрядами. В том, что касается полета птиц, удивительный эпизод был связан с приездом в Рим будущего царя Тарквиния Приска, носившего тогда еще имя Лукумон. Он дошел до Яникула, что возвышается на правом (этрусском) берегу Тибра, где пролетающий орел тихонько схватил его колпак и взмыл в небо, а затем снова спустился, чтобы вернуть колпак на голову нашего героя. Несомненно, это было предзнаменование, но одна лишь Танаквиль, супруга Тарквиния, смогла его разъяснить. Орел — это птица Юпитера/Тинии, царя среди богов, и без всяких сомнений, Лукумон был призван богами для правления в Риме: «Танаквиль, женщина сведущая, как вообще этруски, в небесных знаменьях, с радостью

приняла это провозвестье. Обнявши мужа, она велит ему надеяться на высокую и великую участь: такая прилетала к нему птица, с такой стороны неба, такого бога вестница; облетев вокруг самой маковки, она подняла кверху убор, возложенный на человеческую голову, чтобы возвратить его как бы от божества» (Тит Ливий).

Эта история, несомненно, иллюстрирует привилегированный статус женщины в этруском обществе, и Танаквиль, которая впоследствии снова вмешается, чтобы посадить на трон Сервия Туллия, довольно активно участвовала в политической жизни. Но справедливо добавить, что ни в иконографии, ни в эпиграфике не было отмечено этруской женщины, ставшей авгуром или гаруспиком: то же можно сказать и о политической сфере, где не было ни одного примера женщины, ставшей магистратом, следовательно, мысль о матриархате должна быть вовсе отброшена. А в Риме вопрос о роли женщины был еще менее значимым. Вероятно, юные выходцы из аристократических семейств отправлялись по повелению Сената в Этрурию для обучения наукам и искусствам. Мы еще вернемся к истории Тита Ливия, в которой рассказывается, что этруски отлично владели мастерством гадания по полету птиц, во всяком случае, некоторые из них.

Мы располагаем большим числом источников, свидетельствующих о мастерстве этруских жрецов. Иконография — не исключение: приведем лишь пример знаменитой гробницы Франсуа в Вульчи, фрески которой датируются второй половиной IV в. до н. э. На одной из фресок изображен «хозяин» этого крупного аристократического погребения, Вел Сатиес, во время наблюдения за полетом птицы, в частности зеленого дятла, которого готовится выпустить ребенок или карлик по имени Арнца. Птица посвящена

Марсу, а Вел Сатиес одет в роскошные одежды триумфатора — совершенно очевидно, что это гадание по полету птицы связано с войной, вероятно, победоносной, которую вел вульчийский военачальник против своего вечного врага Рима. Должно быть, речь идет о кровавом конфликте, в котором столкнулись этруски из Тарквиниев и Вульчи с Римом в середине IV в. до н. э. и в котором этруски имели успех, но его тщательно скрыла римская историография! Наконец, известно, что в Риме эмблемой авгуров был посох с изогнутым концом: этот атрибут часто встречается на изображениях в Этрурии, например на погребальных фресках (в гробнице Авгуров, конец VI в. до н. э.), но неизвестно, всегда ли лицо, держащее его в руках, является авгуром. Зато среди погребального инвентаря были обнаружены модели таких посохов из керамики буккери и из бронзы. И в этом случае мы имеем все основания предполагать, что такой предмет сообщает об основном занятии покойного и что этот посох встал в ряд разнообразных символов, которые римляне унаследовали от этрусков в политической и религиозной жизни. Еще более показательным является каменное надгробие, обнаруженное во Флоренции в 1891 г. и датированное концом VI в. до н. э., на котором изображен авгур, гордо взмахивающий своим посохом в правой руке.

...И МОЛНИИ

Наконец, помимо этих двух способов гадания, этруски владели практикой бросания жребия (клеромантией). Было найдено множество жетонов или небольших пластинок с указанием имени божества-оракула, например Сури, которое некоторые считают аналогом Аполлона и кото-

рое имело первостепенную важность в Пирги, святилище Цере. Эти «sortes», как их называли на латинском, были, в частности, известны в оракуле святилища Фортуны Перворожденной в Пренесте — городе, подвергнувшемся сильному этрусскому влиянию в разные периоды его истории. Цицерон описал происхождение этого обряда: «В хрониках сообщается, что в то же время, в месте, где теперь находится святилище Фортуны, из оливы потек мед. Гаруспики [определенно, сведущие во всем] сообщают, что эти жребии получают огромную известность, и по их приказу из этой оливы была изготовлена шкатулка, в которую поместили жребии, которые ныне вытягивают по совету Фортуны. Что может быть точного в этих жребиях, которые по совету Фортуны рука ребенка смешивает и вытягивает?». В этом контексте ведутся дискуссии о небольшой шкатулке буккери, найденной в Вейях в святилище Портоначчо, которая была посвящением Минерве. Многие этрускологи предполагают, что это изделие особой формы в стиле буккери могло быть шкатулкой для «sortes».

Одной из важных специальностей этрусских жрецов, которой мы закончим данный обзор видов гаданий, были, бесспорно, интерпретации молний. Античные авторы упоминают специальные этрусские религиозные книги, посвященные гаданиям по молниям («Libri fulgurales»).

Но этруски не довольствовались лишь наблюдением за молниями. Объектом их изучения становилось множество деталей: место сверкания молний на небосводе, их направление и их форма, их цвет и количество. Естественно, Тиния-Юпитер имел их в достатке, поскольку он один владел тремя типами молний, но даже ему было дозволено использовать самые смертоносные из них лишь с согласия божественного собрания. Что касается людей и предме-

тов, которых коснулась молния, то они, конечно, становились священными.

Именно благодаря Сенеке и Плинию Старшему мы достаточно хорошо осведомлены об этрусских гаданиях по молниям. Сенека посвятил этому сюжету часть II книги своих «Исследований о природе», опираясь на произведения Авла Цецины, выходца из крупной семьи из Вольтерры. «Имеется три типа молний, по словам Цецины. Первый — «молния-советчица», второй — «молния власти» и третий — «молния страны». Молния страны грядет неожиданно, когда люди спокойны, она угрожает, предвещает, предупреждает. Цецина называет последнее увещательным посланием. Этруски верили, что молнии посылает Юпитер. Они приписывали этому богу стрелы трех видов. И именно Юпитер посылает третью стрелу, но он делает это лишь после того, как созовет тех, кого этруски называли высшими и скрытыми богами. Эта стрела разрушает все, чего она касается» (Сенека). Стоит процитировать одну ремарку, которая предшествует этим описаниям, поскольку она иллюстрирует крайнюю религиозность этрусков и их компетентность в сфере гаданий: «Между этрусками, самыми искусными из людей в мастерстве толкования молний, и нами есть одна разница. Мы считаем, что молния появляется при столкновении облаков; они же считают, что облака сталкиваются для того, чтобы появилась молния. Приписывая все божьей воле, они убеждены, что удары молний не дают знаки потому, что они произошли, но что они происходят для того, чтобы дать знак» (Сенека).

Отрывок из труда Плиния Старшего о молниях, который, как говорили, не везде согласован с текстом Сенеки, также основывается на этрусской литературе на

эту тему: «В своих произведениях этруски считают, что молнии посылают девять богов и что есть одиннадцать их разновидностей, Юпитер мог посылать три. В Этрурии считали, что из земли также появлялись молнии, которые назывались нижними». Также весьма показательны примеры, которые приводит Плиний: «Марс посылает молнии-поджигательницы, наподобие тех, что стерли с лица земли Вольсинии, один из богатейших городов Тосканы». Несколько строк Плиний посвящает тому, что людям следует делать во время молний, и на этот раз дает «исторический» пример, с помощью которого знакомит нас с общеэтрускими обрядами, и в частности, с обрядами Вольсиниев-Орвието: «Летописная традиция гласит, что благодаря некоторым обрядам и молитвам можно вызвать молнию. Согласно старой этруской легенде, она была вызвана, когда чудовище по имени Вольта угрожало городу Вольсиниям, опустошив сельскую местность: оно откликнулось на мольбы царя Порсены». Эта легенда прекрасно иллюстрирует власть Порсены, царя Клузия, который значительно расширил свои владения в конце VI в. до н. э. на всю долину реки Тибр вплоть до Вольсиниев, перед тем как двинуться в направлении Рима.

КНИГИ СУДЬБЫ

Говоря о религиозных верованиях этрусков, античные авторы называют словом «libri» («книги») целый ряд священных текстов. Известны «Libri Haruspici» (книги о гаданиях по внутренностям животных), «Libri Acherontici» (о загробной жизни), «Libri Ostentaria» (инструкция по толкованиям предзнаменований), «Libri Tagetici» (откро-

вения Тагета). Необходимо было постоянно знать волю богов, уметь толковать все предзнаменования, с помощью которых они сообщали людям свои пожелания. Во всем этом поражают ограничения, установленные богами — и известные этрускам, — в отношении продолжительности жизни не только людей, но и народов, и в первую очередь самих этрусков. Так, считалось, что человек может прожить максимум двенадцать циклов по семь лет каждый. По сообщению Светония, мы также знаем, что император Клавдий рассчитал продолжительность своей жизни, основываясь на этрусской религиозной системе: он отвел себе девять периодов по семь лет и предположил, что умрет в возрасте около 63 лет. Что удивительно, Клавдий действительно умер в возрасте 63 лет!

Что же касается «продолжительности жизни» этрусского народа, то она составила десять веков. Однако следует отметить, что каждый «век» не длился ровно сто лет, поскольку этрусский «век» соответствует самой длительной продолжительности жизни представителя поколения, и таким образом, он мог длиться более ста лет, а мог и не дотягивать до этого срока. Боги никогда не позволяли забывать ни об их могуществе, ни о власти судьбы. Каждый переход в новый век сопровождался яркими предсказаниями, словно внезапный удар молнии среди ясного неба. Однако вместо того, чтобы опускаться до простой иронии, следует признать интерес, который представляет эта цифра — десять веков, поскольку именно такой срок, согласно этрусским религиозным представлениям, и отведен богами для жизни любого народа. Итак, с эпохи Вилланова до исчезновения этрусского языка и искусства как такового прошло именно десять веков. Значит ли это, что гаруспики не ошибались?

БОГИ

Все техники гадания связаны с богами и богинями, которых следовало определить, а затем, с помощью соответствующих обрядов, успокоить. Нам известно, что слово «бог» в этрусском языке звучало как «aesar» или «aisar». В связи с этим примечателен рассказ Светония о случае с памятником Октавиана Августа: первая буква слова CAESAR, начертанная на одной из статуй императора, была уничтожена ударом молнии, и гаруспики заключили, что император присоединился к небесному пантеону.

Благодаря разнообразным источникам, нам известны имена собственные многих этрусских божеств: помимо бронзовой модели печени из Пьяченцы, у нас также имеются votivные приношения, где зачастую упоминается имя божества, а также бронзовые зеркала, на которых выгравированы мифологические сцены. В таких сценах часто фигурируют боги, имя которых указано рядом, и поскольку образ божества очень близок тому, что мы встречаем в Греции и в Риме, этрусского бога можно идентифицировать. Часто античные авторы передают нам греческие или латинские имена этрусских богов. Так, например, Тит Ливий рассказывает о храме Юпитера, сооруженном на Капитолии, хотя в действительности эта постройка была сооружена Тарквинием Гордым в честь триады богов под властью Тинии, верховного бога этрусов, соответствовавшего Зевсу. Совокупность этих разнообразных источников позволяет нам предположить, что этрусский пантеон состоял из трех типов божеств, во всяком случае, по их именам. Теперь мы в первую очередь расскажем о богах, которые носили исключительно этрусское имя, например о Тинии, затем — о богах и богинях, которые носи-

ли имя, копирующее их греческое или италийское название, которых сразу можно распознать в их тосканском «обличье».

Боги с этрусскими именами

Итак, Тиния, или Тин, старец с бородой, встречается в изображениях на гравировках зеркал или на терракотовых сценах некоторых храмов, например в Орвието-Вольсиниях. Повторим, что это один из наиболее поразительных аспектов восприятия греческой культуры этрусками. Кроме того, в настоящее время бытует мнение, что греческая мифологическая культура проникла в Этрурию очень рано: достаточно примера удивительного сосуда-буккеро VII в. до н. э., обнаруженного в Черветери, на котором изображена сцена из легенды о Медее (по-этрусски *Метайе*) и Ясоне. Совершенно точно, этрускам были известны некоторые толкования греческих мифов, которые нам не известны. Не будем останавливаться на особой роли Тинии в качестве бога-защитника этрусско-го союза: наименование «Вольтумна» должно считаться эпиклесой, уточняющей функцию бога Тинии, подобно тому, как Юпитер мог называться «Оптимус Максимус», или «Феретриус», или же «Лациарис». Латинские авторы превратили Вольтумну в Риме в Вертумна, бога весны, и, в конце концов, бога времени, что не противоречило его сущности бога неба и времен года.

Этрусские зеркала не всегда были украшены гравировками, и, к сожалению, современные коллекционеры иногда исправляли это «упущение», подделывая гравировки, дабы увеличить стоимость предмета. В эллинистическую

эпоху производство грушевидных зеркал, а не круглых, какими были наиболее древние экземпляры с этрусской территории (среди прочих, из Вульчи), было расположено в Палестине. Здесь же изготовлялись бронзовые ларцы, которые были подобием дамской шкатулки, в которых встраивали зеркала. Таким образом, было совершенно естественно, что иконография зеркал была связана в первую очередь с женским миром и что богини имели здесь особое место. Вполне логично, что Венера-Афродита занимает среди них первое место: часто она изображалась под тосканским именем Туран в окружении нимф. Интересно отметить, что мы встретим имя Туран в порту-эмпории Грависка, на вотивных предметах, обнаруженных в святилище Афродиты, рядом с другими посвящениями на греческом языке, например на аттической керамике — все для той же богини: эта связь между Афродитой и Туран является одной из наиболее показательных.

Среди богов-мужчин в изображениях на зеркалах часто фигурирует Гермес в разных обликах, но его весьма просто идентифицировать по атрибутам — кадуцей (жезл глашатаев), петас (широкополая шляпа) и крылатые сандалии. Гермес предстает под этрусским именем Турмс, которое отличается от греческого и латинского (Меркурий) аналогов. Мы уже отмечали выше, когда говорили об этрусских магистратах, что слово Турмс фигурировало на одной из надписей, недавно найденной в Цере-Черветери: она была выгравирована на весовой гирьке из бронзы и свинца, что, очевидно, было связано с его функцией бога торговли. Но чаще всего Гермес появляется как вестник, например на чернофигурной амфоре из Вульчи, где Турмс сопровождает трех богинь, вовлеченных в Суд Париса.

Этот первый список, который мог быть более длинным, можно завершить именами Сетланс и Фуфлунс, которые так или иначе связаны с городом Популонией. Первый бог изображен на лицевой стороне бронзовых монет III в. до н. э., которые чеканили в Популонии, монетный двор которой был одним из самых крупных в Этрурии. На оборотной стороне были изображены клещи и молот, и здесь же имеется надпись «Поплуна», то есть — Популония. Сетланс, бог в колпаке, это никто иной, как Гефест, орудия труда которого напоминают о металлургической деятельности, основной, как известно, в Популонии. А Фуфлунс, бог вина, несомненно, соответствовал Дионису. Это имя, возможно, фигурировало в тосканском фольклоре в гимне пьянства, посвященном Фафлону. В культуре Фуфлунса имеется особенность, которая позволит нам перейти к другой группе божеств: этот этрусский бог вина был известен также под именем Паша, то есть Бахус. Мы уже многократно говорили об этрусских жрецах Бахуса («*pachatura*»), но одновременно с этим на многих votивных приношениях указано посвящение Фуфлунсу-Паша, Дионису-Бахусу. Второе слово, греко-латинское, в обоих случаях, похоже, выступает в роли эпитета, эпиклеса. В случае с другими богами такой двойственности не было и нам известны только лишь греческое или италийское имя в этрусской форме.

Боги с греко-италийскими именами

Одним из наиболее ярких примеров является Апулу (или Аплу, с фонетическим феноменом выпадения гласной), который как две капли воды похож на греческого Аполлона, если учесть, что этрусская *-и* соответствует

греческой -о. Его изображения были одни из самых известных в Этрурии — достаточно упомянуть лишь великолепный акротерий из терракоты Аполлона из Вейев, украшающего храм Потроначчо. И все же существование в Этрурии культа этого божества, не обозначенного на модели печени из Пьяченцы, долгое время оспаривалось: действительно, восприятие мифологического образа вовсе не ведет за собой автоматическое принятие его в религии. Однако обнаружение в Грависке якоря IV в. до н. э. с греческим посвящением Аполлону Эгинскому, сделанным богатым судовладельцем Состратом, позволяет предположить, что этот культ все же существовал в Этрурии. То, что было сказано об Афродите/Туран, должно быть верно и для Аполлона/Апулу. Однако греческие авторы, несомненно, имели тенденцию преувеличения роли Аполлона и его дельфийского святилища в этрусской истории. Так, например, в Цере после битвы при Алалии, было ли этрускам настолько необходимо обращаться к Пифии, чтобы положить конец «чуме», сразившей их город, после чего они изгнали фокейских пленников? Можно предположить, что тосканские гаруспики имели достаточно средств в своем арсенале, чтобы навлечь божественную кару. Во время недавних раскопок святилища Цере в Пирги были обнаружены посвящения богу Сурису, в котором также видят Аполлона. Хотя это сравнение и убедительно, следует сразу отделить его от греческого Аполлона-Аплу, который не имел с ним ничего общего.

Можно также упомянуть в этом ряду такие греческие имена, как Артумес (Артемида), Аита (Аид) и, особенно, имена героев, которые были очень популярны в Этрурии, — Геркл (Геракл). Случай с Сурисом/Сораном показывает, что этруски все же не жили в состоянии изо-

ляции, а совсем наоборот — осуществляли постоянный культурный обмен, и сам их язык воспринял неоспоримые внешние влияния.

Начнем с богинь и прежде всего со спутниц Тинии в «капитолийской триаде». Здесь супруга Юпитера заслуживает особого внимания: в этрусском языке это Уни, имя, очевидно напоминающее Юнону. Помимо Рима, Уни играла роль первого плана в Вейях, которым она покровительствовала. Под именем Царицы Юноны она фигурирует в Риме на Авентине. Ее имя также встречается на золотых пластинках из Пирги, где она соответствует финикийско-карфагенской Астрате. Согласно греческим источникам, которые упоминают в повествовании об этом святилище богинь деторождения и утренней зари Илифию и Левкофею, можно предположить, что Уни, вследствие этой исследовательской игры «интерпретаций», превратилась и в их аналог.

Менерва, имя которой вследствие выпадения гласной читается Менрва или Мерва, является никем иным, как италийской Минервой. Эта этрусская богиня, кажется, тоже играла роль первого плана в тосканской религии: в конце концов, это кажется вполне нормальным, учитывая привилегированный статус этрусской женщины. Так, например, Менерва, судя по вотивным приношениям, вероятно, была одной из богинь покровительниц святилища Портоначчо, которое принадлежало не одному лишь Аполлону. Сюда же следует отнести Нетунса/Нептуна, Селванса/Сильвана, бога «нелюдимых» мест, в имени которого присутствует тот же суффикс, что и у Сетланса. Известен также Кулсанс — двуликий Янус, и Марис, имя которого напоминает Марса. Что касается последнего, в изображениях на зеркалах фигурирует некий Ларан,

имеющий обличие бога войны. Таким образом, эти примеры иллюстрируют, что несмотря на то, что нам понятны многие религиозные сцены, в которых свирепствуют боги и богини, мы также сталкиваемся с более сложными ситуациями, которые очень сложно объяснить.

Демоны из потустороннего мира

Мы уже отмечали не раз, что наши источники по этрусской цивилизации в первую очередь связаны с похоронными обрядами, и путешествиям в потусторонний мир, поскольку именно гробницы и погребальные дары дают нам наиболее яркие материалы по истории этрусков. Сцены погребений и загробной жизни являются одними из наиболее часто встречающихся мотивов в этруском искусстве, особенно в эллинистическую эпоху. Конечно, боги загробного мира фигурируют в некоторых сценах. Можно ограничиться лишь упоминанием изображений в гробнице Голини I в Вольсиниях-Орвието; несколько лет тому назад они были отреставрированы и нашли свое место в новом археологическом музее. На них изображено пиршество в царстве мертвых, во главе которого стоит Аита (Аид) с головой волка (рисунок Микеланджело доказывает, что художник видел эту фреску в эпоху Возрождения) и Персипне (Персефона-Прозерпина).

Образ этих богов нам вполне знаком, но наряду с ними изображены множество демонов мужского и женского рода, которые должны сопровождать покойного в потусторонний мир, и они-то нас удивляют больше всего. Их присутствие тревожит, и долгое время толкователи считали, что у этрусков доминировало пессимистическое видение

потустороннего мира, и эта разочарованность была связана с ощущением гибели их цивилизации. Многие среди этих изображений относятся к поздней эпохе, как мы уже говорили. В действительности ничего подобного не было. Эти демоны, очень часто изображенные с крыльями (что предвосхищает современное изображение ангела), всего лишь провожали умерших в их последнее и рискованное путешествие. Хару, или Харун, конечно, напоминающий Харона, греческого перевозчика в царстве Аида, был неоднократно изображен в этой же гробнице Тарквиниев. Для него характерен крючковатый нос, змеи на голове и молот. Но это орудие вовсе не предназначалось для избивания умерших, а только лишь для того, чтобы закрывать решетки, преграждавшие вход в царство мертвых. Тухулха имеет еще более пугающий вид с его хищным клювом и змеями. Более приятно выглядит добряк Ванф, который изображен, например, на большой каменной урне, найденной близ Клузия и хранящейся в музее Флоренции. Сидящий подле молодого усопшего, Ванф как будто покрывает его одним из своих крыльев, а в левой руке она держит свиток, на котором начертана судьба, ждущая ее временного спутника. Ванф и Харун фигурируют на стене гробницы Франсуа в Вульчи, где изображена сцена жертвоприношения троянских пленников. Для этрусской ментальности Ванф и Харун не могли находиться далеко от этих умерших. В этой серии «ангелоподобных» персонажей следует выделить многочисленных Лаз, изображенных, в частности, на погребальных урнах. Ограничимся лишь упоминанием об одной из них, самой красивой, сделанной из травертина и найденной в Перузе. На урне изображены две крылатые Лазы по обе стороны двери, которая может быть только дверью в царство мертвых.

Эти красивые женщины-демоны предстают перед нами в своем классическом обличье: грудь их обнажена и на ней перекрещены два ремня, а в руке они держат факел, освещающий путь в потусторонний мир.

ХРАМ

Говоря о греческом теменосе, ограде святилища, или о латинском «templum», мы сталкиваемся с одним и тем же корнем, который означает «обрисовывать»: речь идет о земной проекции, отражении небесной священной территории. Последняя населена богами, поэтому храм и его положение были объектом всех их забот. Не случайно римляне, в частности Витрувий, назвали «тосканским», или этрусским, определенный тип храма, который отличался от трех классических греческих — дорического, ионического и коринфского. Конечно, этруски не сразу пришли к такой «канонической» планировке: раскопки, проведенные на южной границе Вейев, в цитадели Пьяцца д'Армии, показали, что в начале VI в. до н. э. храм был лишь простым зданием с примитивной планировкой и одной-единственной комнатой. Можно констатировать определенную эволюцию в Сатрикуме, латино-вольском городе, расположенном в 60 км к югу от Рима, который явно воспринял этрусское влияние. Так, знаменитому храму Матер Матута здесь предшествовало более простое здание того же типа, как и в Вейях.

С наступлением архаического периода появляется новый тип храма, что свидетельствует уже о воздействии общественной, гражданской религии. Следы такого храма можно обнаружить в Орвието, в так называемом храме

Бельведера, восстановленном в городском парке современного города. К числу подобных храмов относятся также пригородное святилище Портоначчо в Вейях, храм А в Пирги, более ранний из двух, и конечно же храм Юпитера Капитолийского в Риме. В ходе недавних раскопок были обнаружены новые этрусские храмы в Цере.

Чем же этрусский храм отличается от более известных греческих храмов, которые копировали в Риме, начиная со II в. до н. э., когда этрусский период уступил место эллинистическому? В первую очередь, своей планировкой, которая представляет собой практически квадрат с соотношением ширины и длины $5/6$. Этрусский храм располагался на подиуме, и войти в него можно было лишь через фронтальную лестницу, в то время как греческий храм основывался на менее возвышенном фундаменте, который не ограничивал ни доступ, ни обзор со всех сторон. Храм делится на переднюю часть, «*pars antica*», соответствующую греческому пронаосу с его колоннадами, и на «*pars postica*», где располагалась одна или несколько целл, комнат, предназначенных для статуй божеств. Характерный этрусский храм имеет три целлы (или так называемую «трехнефную целлу») для размещения божественной триады. Так, в Капитолии, планировка которого распространится по всему римскому миру, по бокам Юпитера находились Юнона и Минерва. В действительности, этрусско-италийские храмы, несмотря на это разделение на три части, зачастую имели одну-единственную целлу с двумя боковыми строениями, которые не были полностью закрыты.

В Этрурии имеется несколько примеров храмов с греческой планировкой, например храм Б в Пирги, с одной целлой, окруженной колоннами с четырех сторон (перип-

тер). Но разница между тосканским и греческим храмом не менее поразительна в материалах, используемых для крыши и для декора. В то время как в Греции доминируют камень и мрамор, тосканский храм строится главным образом из дерева и терракоты. Мраморные каменоломни Каррары, находившиеся недалеко от этрусских владений, до конца периода Республики и вовсе не работали. Кроме того, использование мрамора остается исключением и для этрусской скульптуры: известны несколько мраморных голов из Марцаботто и Вольтерры и статуэтка «Венеры» из некрополя Канничелла в Орвието. Зато скульптурная обработка глины, коропластика, была одной из важных тосканских специализаций, и не случайно, что единственное имя этрусского ремесленника, которое нам известно, — это имя вейца Вульки. Вспомним, что он украшал храм Юпитера на Капитолийском холме в Риме, а также сделал из терракоты культовую статую этого бога. Таким образом, терракота присутствует повсюду в тосканском храме, и зачастую она играет двойную роль: защищает от непогоды деревянные части конструкции, — это, например, крупные плиты, расположенные по бокам и сверху основных перекладин. Эта защита была тем более важной, поскольку фронтоны были открытыми и не прикрывались тимпаном с развитым скульптурным декором (как в Парфеноне или в Олимпии). Только лишь в эллинистическую эпоху в этрусском храме (Таламон) появится закрытый фронтон греческого типа. Ту же функцию выполняют плиты фриза, расположенные по бокам и на скатах фасада и задней части под двухскатной крышей, также покрытой черепицей и антефиксами.

Но была и другая функция, не менее важная, заставлявшая украшать сакральные постройки, которая станет

основной заботой общества. Эта декоративная функция, в которой отражалась вся греческая мифология и которая была результатом заказа властей, озабоченных реализацией целой иконографической программы, четко проявляется в акротериях, возвышавшихся над зданиями. Так в Вейях, над храмом Портоначчио, построенном около 500 г. до н. э., возвышается целый ряд статуй из терракоты в натуральную величину, которые иллюстрируют спор между Аполлоном и Гераклом за обладание златорогой ланью. Аполлон из Вейев с его длинными белыми косами, чудесным образом найденный в вотивном захоронении в 1916 г., стал своеобразным символом этрусского искусства архаического периода (часто говорят об ионийско-этрусской фазе). Однако другие акротерии, известные нам, ни в чем ему не уступают, будь то Геракл, размахивающий палицей, под ногами которого лежит лама со связанными лапами, или Латона, держащая в руках маленького Аполлона, или великолепная голова Гермеса. Также замечательны основания этих статуй, украшенные рисунками, в том числе дельфинами.

И возможно самым впечатляющим источником стала терракотовая плита, защищающая и украшающая верхнюю часть центральной балки храма А в Пирги. Этот многоцветный горельеф высотой 1,3 метра и шириной 1,4 метра находился на фасаде храма, и это не второстепенное положение, как могли предположить изначально. Это не только самое близкое к центральному входу храма место, но еще именно здесь начиналась дорога в столицу, Черветери, в зависимости от которой находился порт-святилище, эмпорий Пирги. С первого взгляда можно понять, что на горельефе изображена сцена из фиванской легенды о Тидее, съевшем мозг своего врага Меланиппа.

Когда Зевс поразил молнией Капанея, другого воина, Афина, в ужасе от зверского поступка Тидея, отказалась подарить ему бессмертие. Это проявление чрезмерности было немедленно наказано. Не было ли это «началом конца» тирании в Цере, известной благодаря Фефарию Велианасу, имя которого фигурирует на золотых пластинках и власть которого представляла нечто среднее между царской и республиканской?

АЛТАРИ

Подобно тому, как этрусская концепция разделения неба имела следствием особое внимание этого народа к храмам, его интерес к культовым практикам приводит нас к теме алтаря, который находился в центре этих практик: именно на алтаре совершались жертвоприношения. В этрусских ритуальных книгах тема алтарей не была оставлена без внимания, что очевидно по следующему перечислению: «Ритуальными книгами называются такие этрусские книги, в которых описано, какие обряды следует совершать при основании городов, освящении алтарей и храмов» (Фест, «О значении слов»).

В археологии и иконографии, по крайней мере в Этрурии, большое место уделяется алтарям, будь то монументальные алтари или же более скромные погребальные алтари, предназначенные для частного справления культа, например, троновидные алтари, высеченные в туфе гробниц Черветери. В отношении первой категории можно упомянуть постройку Д на Акрополе Марцаботто: квадратный в плане алтарь, со стороной 9 м, его основание и венчающая часть украшены симметричной лепниной, он

также снабжен лестницей для доступа к платформе. Другой великолепный алтарь Пьеве Сокана, близ Ареццо, на правом берегу Арно, имеет менее внушительные размеры, достигая в длину 5 м и в ширину 3,75 м, но он также украшен лепниной. Хоть алтарь в Марцаботто расположен за пределами храма, алтарь Пьеве Сокана расположен перед фасадом. Однако последний скрыт под римской церковью XI в.: прекрасный пример религиозного постоянства на одной площадке.

Алтари, приуроченные к храмам, являются не единственными монументальными, и некрополи в скалах Южной Этрурии подарили нам многочисленные примеры, иногда весьма впечатляющие, например, в Кастро близ Вульчи или в гроте Порчина между Норкией и Блера. Последний пример, датируемый началом VI в. до н. э., поразителен: в центре небольшого некрополя на скале, рядом с тумулусом ориентализирующего периода расположен круглый алтарь с диаметром около 6 м. На его цилиндрическом основании высечен фриз с изображениями животных, что, очевидно, намекало на жертвоприношения, происходившие здесь. Но самым удивительным является то, что алтарь окружен прямоугольной площадкой со скамейками с трех сторон: очевидно, участники похоронной процессии могли наблюдать за игрищами, спортивными соревнованиями или сценическими танцами, как мы часто видим на фресках Тарквиниев или рельефах Клузия. Зрителями могли быть не только члены семьи усопшего, но и более широкая группа приглашенных на похороны знатного человека. Вспомним, что в более раннем периоде на фресках гробницы Колесниц в Тарквиниях мы видим, что на трибунах присутствует большое количество приглашенных. Этот тип погребальной постройки со скамья-

ми, таким образом, связанный с представлением о похоронных игрищах, был засвидетельствован также в вульчийской Кукумелле: здесь следует провести параллель с восточными погребениями Тарквиниев, которые были снабжены достаточно широким дромосом, настоящая маленькая площадь, предназначенная для приема зрителей во время погребальных обрядов.

Кроме того, во всей горной Этрурии, в Норкии, в Блере или в Кастель Ассо, террасы горных погребений, доступ к которым открывался боковой лестницей и которые были покрыты надгробиями, можно в общем и целом сопоставить с алтарями с лепным подиумом. Точно так же крупные тумулусы Черветери ориентализирующей эпохи были украшены подиумом, площадкой, размещавшейся в юго-восточной части тумулуса и которые предназначались для различных культовых практик: последние, несомненно, происходили на самом подиуме, но он мог также служить мостиком для доступа к вершине тумулуса, где размещались надгробья. Эти примеры иллюстрируют важность погребальных культов в Этрурии: многие элементы архитектуры гробниц и некрополей объясняются желанием проводить определенные обряды, жертвоприношения, разнообразные возлияния.

Особо развиты были элементы, касающиеся культа предков: в Цере в 640—630 гг. до н. э. в Гробнице Пяти Кресел в одной из боковых комнат были расположены пять терракотовых статуэток примерно 50 см в высоту. Они изображены сидящими на пяти креслах, высеченных в скале, и, вероятно, обозначали предков рода обладателя этой гробницы. Сегодня сохранились лишь три статуэтки в Британском музее и в Риме, но известно, что изначально были три женщины и два мужчины. Персонажи в тунике и

плаще в открытом жесте протягивали руку, что являлось типичным для дара жестом. В данной комнате имелась также мебель, высеченная в скале, что превращало ее в настоящую часовню. Столы с дарами, небольшой алтарь в форме раковины для возлияний, цилиндрическая корзинка и, в частности, два пустых трона, предназначенных для пары усопших, обладателей этой гробницы. В более раннюю эпоху (первая половина VII в. до н. э.) нам известны две каменные статуэтки на наскальном горельефе на входе в гробницу: настоящие «первопечатники» этрусской каменной скульптуры, в которой обнаруживаются ближневосточные влияния (как и в других терракотовых статуэтках, упомянутых ранее). Эти два персонажа мужского рода, сидящие на тронах, также изображали предков — защитников семьи. Предполагалось даже, что это могли быть отцы семейной пары, захороненной в гробнице. Их образ защищал усопших точно так же, как они сами защищали живых в своем доме.

Для хтонических обрядов предназначались алтари меньших размеров, на которых не сжигали жертвенное животное или части его тела. Эти алтари снабжены канавками и внутренними каналами, через которые различные жидкости, кровь или другие, могли выливаться в землю и таким образом удовлетворять демонических божеств. Алтари такого типа для возлияний были обнаружены в различных, наиболее значимых, святилищах Этрурии, — не только в Пунта дела Випера близ Санта Маринелла, но и в Вейях, в знаменитом пригородном святилище Портоначчио, а также в Пирги, в секторе С (где были обнаружены золотые пластинки), датируемые концом VI в. до н. э. Нельзя оставить без внимания, что у здания для храмовой проституции в Пирги перед каждой из комнат

также находился квадратный алтарь. В области Орвието на многочисленных алтарях имеется интересная надпись: в ней фигурирует имя Тинии, таким образом, эти алтари были посвящены «подземному» Юпитеру. Наконец, сцены жертвоприношений вокруг алтарей также часто встречаются в этрусской иконографии, на раскрашенных терракотовых плитах, на каменных рельефах или на зеркалах. Так, на зеркале V в. до н. э., хранящемся во Флоренции, изображено жертвоприношение козы, происходящее под музыку. Как же обойтись без музыки во время религиозной церемонии, неотъемлемой части этрусской цивилизации?

СМЕХ ГАРУСПИКОВ

Той частью этрусской культуры, которая не исчезла с потерей политической независимости, стала религия и в первую очередь техника гаруспиков. Можно утверждать, что этрусская религия стала последним оплотом язычества рядом с торжествующим христианством. Гаруспики продолжали оказывать свои услуги и в 408 г., когда Аларих и его готы напали на Рим. Была даже создана так называемая Коллегия шестидесяти гаруспиков, который находился сначала в Тарквиниях, а затем в Риме. Цицерон сообщает нам, что крупные семьи союза были призваны не забывать эту науку о гадании, такую ценную для всех. В конце эпохи Римской республики некоторые мыслители, часто этрусского происхождения, перевели на латинский язык целые тома священной литературы этрусков: это были современники или друзья Цицерона, к коим можно отнести и Нигидия Фигула. Именно бла-

годаря им нам известны некоторые отрывки этрусского учения.

Не следует путать официальных служителей культа, признанных римским государством, то есть Коллегию шестидесяти гаруспиков, с другими, «деревенскими» гаруспиками, которые пользовались дурной славой, хоть народ к ним и обращался. Эти рядовые гадатели были довольно обыкновенными астрологами и прорицателями. Об этих шарлатанах Катон Старший произнес фразу, которую повторил Цицерон, что один гаруспик не мог смотреть на другого без смеха. Но глядя на то, как Цицерон и его оппоненты использовали официальный «ответ гаруспиков» — именно так называется речь оратора, — можно задать вопросом, кто смеялся и над чем? Когда у гаруспиков спросили о значении тревожного предзнаменования в одном из кварталов Рима, гадатели заключили, что боги были справедливо раздражены: была осквернена священная территория. Народный трибун Публий Клодий, оппонент Цицерона, обвинил его во всех бедах, поскольку тот по возвращении из ссылки перестроил свой дом на месте часовни, посвященной богине Либерте. Однако Цицерон в свою очередь обвинил Клодия, который превратил свой дом в дом терпимости: так, каждый римский дом, содержащий священные пространства и алтари, был свидетельством святотатства Клодия. Быть может, раскат грома, который услышали в Риме, и был хохотом богов над бесстыдством гаруспиков и политиков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ПЯТЬ ОБРАЗОВ ЭТРУСКОВ

В обобщение нашего рассказа о том, как этрусков воспринимали их современники в Италии и в Греции, можно выявить четыре образа, от научно псевдообъективного и до открыто негативного, с любопытством и отголоском симпатии. Нам остается настаивать на существование пятого образа, более распространенного и более негативно-го, который мы встречали. Для своих соседей этруски поначалу были народом «странным, пришедшим издалека». Со своим особым языком и обычаями, отличными от их индоевропейских соседей, они были «народом отличий». Теория об их восточном происхождении была принята почти единодушно, и этруски или лидийцы для древних авторов были «народом с Востока». Однако римляне всегда подчеркивали, что они были «самыми религиозными из людей», что в Античности не являлось критикой, и те же римляне многое заимствовали у этрусков в религиозной сфере. К этому можно добавить еще образ этрусских пиратов, так распространенный среди греков. Странные, восточные, религиозные, пираты: но все же сластолюбивые, мягкие, изнеженные, постоянно окруженные роскошью.

А вот портрет этрусков, принадлежащий Феопомпу, греческому историку IV в. до н. э. и переданный нам Афи-

неем в сочинении «Пир мудрецов»: «Феопомп в 43-й книге своей Истории рассказывает, что у тирренцев женщины являются достоянием общества, они с огромным усердием ухаживают за своим телом, упражняются обнаженными, иногда вместе с мужчинами, иногда друг с другом; ибо для них вовсе не постыдно показывать свое тело нагим. Они садятся за стол не подле своих мужей, а рядом с первым встречным; они пьют с тем, с кем заблагорассудится. Впрочем, они большие любительницы выпить и хороши собою. Тирренцы растят всех детей, произведенных на свет, не зная, кто их отец. Эти дети живут так же, как и их приемные отцы, проводя большинство времени на попойках и в беспорядочных сношениях с женщинами. Для тирренца вовсе не постыдно быть уличенным прилюдно в половом акте с женщиной; поскольку это — обычное дело для этой страны. Им настолько чужда стыдливость, что если хозяин дома наслаждается любовными утехами и кто-нибудь его спрашивает, они скажут «Он делает то-то и то-то», бесстыдно называя все своими именами. Когда они собираются с друзьями или родней, они поступают так. После того как они закончат пить и приготовятся ко сну, слуги приводят к ним, при зажженных свечах, куртизанок или красивых мальчиков или их жен; когда те натешатся с ними, зовут юношей в полном расцвете сил и позволяют им насладиться теми и другими. Иногда они предаются любовным утехам на глазах у других, но чаще всего они окружают свои кровати плетеными шалашами и опускают занавески. Конечно, они любят своих женщин, но все же большее удовольствие они получают с мальчиками и юношами. Последние очень красивы, поскольку они живут в неге и на теле их нет волос. Кроме того, все варвары, живущие на западе, намазывают свое тело смолой и бре-

ют его. И у тирренцев даже имеется множество лавок и мастеров этого дела, наподобие наших брадобреев. Придя туда, они позволяют работать с их телом любым способом, не стесняясь посторонних взглядов, в том числе и прохожих».

Основное в этом отрывке — и главный интерес автора — это сексуальные обычаи этрусков. Сразу оговоримся — обычаи богатых этрусков, имеющих большой дом и прислугу. Эти обычаи характеризуются, по крайней мере, в глазах греков огромной свободой, если не бесстыдством. Групповые любовные сцены, настоящие сексуальные оргии, являют нам чуть ли не коммунистическое общество, в котором все дети растут, не зная своих родителей. Рассказанное ничуть не соответствует тому, что нам дают эпиграфические источники, где имя отца, а иногда и матери, четко обозначены, не говоря об археологии погребений, которая демонстрирует важность родовой преемственности, особое отношение к культуре предков.

Сексуальные отношения между мужчинами и мальчиками были допустимы при соблюдении возрастных и некоторых других ограничений: действительно, пассивная роль осуждалась больше, нежели пол партнера. И, наконец, в эротических сценах на фресках в гробнице Быков или недавно обнаруженных фресках в гробнице Наказания нет никакого намека на ярко выраженную привлекательность гомосексуальных отношений. Читатель, вероятно, шокирован этими эротическими погребальными сценами, но в них также присутствуют веселые пиршества, безудержные танцы и спортивные зрелища. Возможно, это было частью погребального обряда, позволявшего семье, клану и полису пережить траур и обеспечить преемственность рода. Эти игры, пиршества и танцы, подаренные покой-

ному перед длинным путешествием, которое его ждет, не были ли они предназначены и для живых, которые также вспоминали о своем единстве? Различные погребальные церемонии, порядок которых нам зачастую неизвестен, организовывались для покойного, а росписи в гробницах закрепляли и сохраняли для вечности силу действия обряда перехода в иной мир. Они также делались для близких покойного, которых они утешали и восстанавливали единство и сплоченность клана, родовой группы, в тяжелые моменты. Но погребальный обряд был предназначен и для соседей и иногда, когда речь идет о крупных деятелях, магистратах, для всего города. Следует всем явить могущество и богатство семьи умершего, способной организовать настолько пышные «празднества», а также красиво и дорого украсить и расписать гробницы. Гробница Колесниц в Тарквиниях, на фресках которой изображены многочисленные зрители, сидящие на трибунах во время конных и атлетических соревнований, очень показательна в этом отношении.

Корнелий Непот, римский историк, современник Цицерона, считал, что Феопомп был величайшим сплетником по профессии: ремарка тем более интересная, поскольку Корнелий Непот умел признавать особенности каждого народа и мерял всех римской меркой. Но остальные греческие авторы не были такими злоязычными, как Феопомп. В противовес его сплетням зачастую цитируют отрывок из труда греческого историка Диодора Сицилийского, который опирается на исследование стойка Посидония Апамейского. Посидоний в конце II в. до н. э. провел настоящее этнографическое исследование в разных регионах Западной Европы, и вот что он сказал об этрусках, их истории, географии и культуре: «Нам еще остается рас-

сказать о тирренах, поскольку в древности они, прославившись своим мужеством, покорили огромную страну и основали много значительных городов. Равным образом достигнув могущества благодаря своим боевым кораблям, они установили господство на морях, почему омывающее Италию море и стали называть Тирренским. Усовершенствовав сухопутные силы, изобрели в высшей степени полезную на войне [боевую] трубу, которая получила от них название «тирренской», кроме того изобрели звания для полководцев, [должность] сопровождающих полководцев ликторов, кресло из слоновой кости и тогу с пурпурной каймой, а для домов изобрели круговые портики, весьма полезные для [избавления от] сутолоки прислуживающей черни. Большинство из этих изобретений заимствовали римляне и, усовершенствовав их, приспособили для нужд своего государства. Кроме того, тиррены разработали письменность, учение о природе и учение о богах и более всех народов разработали наблюдение за молниями. Поэтому до сих пор [римляне], установившие свое господство почти во всем в мире, восхищаются этими мужами и обращаются к ним как к толкователям Зевсовых знамений, являемых молниями. Обитая в необычайно плодородной стране, они обрабатывают землю и получают обильные урожаи, достаточные не только для того, чтобы прокормиться, но и чтобы вести роскошный и изнеженный образ жизни. Два раза в день они накрывают богатый стол, пользуясь всем, что необходимо для изысканных удовольствий, приготовив разукрашенные покрывала и множество всевозможных серебряных сосудов, а также немалое число домашних слуг, из которых одни замечательны пригожим видом, а другие — одеждой более роскошными, чем те, которые подобает носить рабам. Разного рода осо-

бые жилища имеют среди них не только прислужники, но и большинство свободных. Вообще же, поскольку тиррены утратили воинский дух, к которому ревностно стремились в древности, и проводят жизнь за вином и в недостойной мужей изнеженности, то вполне закономерно, что они утратили и славу, добытую в войнах отцами. Появлению у них роскоши в немалой степени способствовали и замечательные условия их страны, поскольку, живя на земле, которая приносит всевозможные урожаи и необычайно плодородна, они получают в изобилии самые разные плоды. В целом Тиррения, будучи необычайно плодородной, располагает обширными равнинами, которые отделяют друг от друга пригодные для земледелия гористые местности, а дожди идут здесь соразмерно не только зимой, но и в летнюю пору».

Это — необычайно полное обобщение, которое, кстати, сопоставимо с главами данной книги и которое, за исключением некоторых невероятных замечаний, в целом является очень точным. Конечно, нас удивит то, что этрускам приписано изобретение перистилия (прямоугольного внутреннего двора), само название которого является знаком греческого происхождения. Может быть, в данном случае имела место путаница с атриумом, характер которой и даже этимология являются этрусскими. В остальном же можно только отдать должное объективности Посидония и Диодора, которые распознали военное, политическое и экономическое могущество этрусского народа и верно подметили исключительную важность их городов, подчеркнули их влияние на Рим, в частности, на религию и на символы власти.

Единственная критика касается их изнеженности: это представлено как обратная сторона плодородия их стра-

ны, и это не является наследственной чертой, присущей народу, в течение тысячелетий подтачиваемому наслаждениями Востока. Посидоний отмечает, что этруски сумели доказать в архаическую эпоху мужество и смелость, и что эта изнеженность появилась позднее. Современные авторы не упускают случая обратить внимание на крышки саркофагов эллинистической эпохи из Тарквиниев, на которых покойный изображен с огромным брюхом. А также цитируют Катутла, который высмеивал «этрuscoго толстяка», или Вергилия, который, несмотря на его симпатию к соотечественникам, говорил о «жирном тосканце».

Посидоний ограничивается намеком на пышные пиршества, которые мог устраивать этот народ. Есть ощущение того, что он тем самым описывает фреску из Тарквиниев, на которой изображена домашняя прислуга, многочисленные сосуды и роскошные ткани. Археология не позволяет обнаружить следов всех этих одеяний, всех этих шикарных покровов, которые, должно быть, занимали не последнее место на торговых путях (известно, что этруски предпочитали шерсть из Милета). Но зато можно подчеркнуть, что мудрый и стыдливый Посидоний не делает никаких прямых намеков в данном отрывке на этрусских женщин, которые так вдохновили Феопомпа.

В глазах греков, и даже в глазах некоторых римлян, положение женщины в этруском обществе было чем-то неприемлемым. Греческие авторы, в частности, не могли понять той свободы, которой, вероятно, пользовалась этрусская женщина, и эту свободу они превратили в распутство и даже разврат. Так, на погребальных фресках, как, например, в гробнице Охоты и Рыбалки, женщины возлежат на кроватях во время пиршества подле своих мужей: мы видели, как Феопомп искажил эту привычку и

превратил ее в знак разврата («они садятся за стол рядом с первым встречным»), поскольку в Греции только лишь куртизанки могли лежать подле мужчин во время пира. Вспомним также утверждение Феопомпа о том, что этрусская женщина занимается гимнастикой, обнаженная, рядом с мужчинами, в ожидании сексуальных утех каждый раз с новыми партнерами. Но эта ремарка, в которой смешиваются образы атлетической наготы и мужского воспитания спартанской женщины, очень неожиданна: ни на одном этруском изображении нет женщин, занимающихся спортивными упражнениями. Нет даже мысли о том, что мужчинам Этрурии были известны палестры греческого типа, поскольку в спортивных состязаниях, которые мы видим, среди прочих, на фресках Тарквиниев и рельефах Клузия, похоже, участвуют спортсмены-рабы, или же, во всяком случае, представители низших слоев.

Совершенно точно то, что этрусские женщины имели привилегированный статус в обществе, особенно в сравнении с гречанками. Вспомним, что в двухчленной ономастической формуле, состоящей из имени и фамилии, которой мы, в конце концов, обязаны этрускам, они имели право носить имя (Ларсия, Рамта, Танаквиль), а фамилия по материнской линии с VII в. до н. э. присутствует на некоторых эпитафиях наравне с фамилией отца. Эти ономастические характеристики не могут быть независимыми от правовой системы. Литературные источники зачастую помещают этрусскую женщину на один уровень с мужчиной. Мы только что упомянули ложа на пиршестве, изображенные на фресках, отсылающих нас к известным гробницам Супругов из Черветери, хранящимся в Лувре и в Вилла Джулия. Погребальный инвентарь женских погребений ни в чем не уступает мужским, и пример погре-

бения Реголини-Галасси является символичным, поскольку именно у царицы было наиболее выгодное положение и самые ценные изделия. На некоторых очень дорогостоящих изделиях из гробницы Реголини-Галасси, например на небольшой серебряной амфоре, ручки которой выполнены из золота, имеется надпись «*mi larthia*». Было предположено, что в этом могильнике Цере была похоронена царица Ларсия, однако необходимо учесть, что слово «*larthia*» в данном случае может быть родительным падежом мужского имени Ларс, и надпись может означать «я принадлежу Ларсу».

Говоря об общественном строе, нельзя не удивиться изображениям трибун на фресках гробницы Колесниц в Тарквиниях, о которых мы уже говорили: среди зрителей, присутствующих на конных и атлетических состязаниях, проводимых во время похоронных игрищ, присутствуют женщины, легко узнаваемые по их высокому головному убору. Некоторые из них восседают в первом ряду, словно они имеют право проедрии, и некоторые из них не колеблются сделать первый любовный шаг, положив руку на плечи своего соседа, который может быть их супругом. Это положение несравнимо с положением греческой женщины, которой, например, запрещено было присутствовать на Олимпийских играх, поскольку, кажется, оно ограничивает запрет присутствием только лишь замужних женщин.

Не все этрусские женщины владели религиозной культурой и силой убеждения, как Танаквиль, и не все, к счастью, были такими свирепыми карьеристками, как Туллия. Однако, не требуя политической власти и магистерских должностей — следует решительно отказаться от возможности существования этрусского матриарха-

та, — они обладали в своих обычаях и повседневной жизни, определенной свободой и равенством в отношении с мужским полом. Они хотели и могли принимать участие в пиршествах, возлегая подле своих мужей, и пить наравне с ними: отсюда их репутация больших любительниц выпить, которую им мгновенно приписал Феопомп, в ожидании самого худшего. Последний рассказ Тита Ливия подарит нам отличный образ этрусских женщин. Речь идет о споре, который приведет к изнасилованию Лукреции и к свержению царей. В то время как Лукреция, благопристойная римская жена, вечером пряла шерсть в окружении прислуги, — это основные качества супруги, прославленные во многих латинских эпитафиях, — этрусские наследницы семейства Тарквиния Гордого проводили время на пышных пиршествах, со сверстниками или сверстницами. И Тит Ливий, и все благочестивые римляне были возмущены этой распущенностью.

Но нам отлично известно по многочисленным изображениям, например, на одной из бронзовых подвесок из Болоньи, которые долгое время считались колокольчиками, или на спинке деревянных тронов в Веруккьо, что этрусские женщины также должны были прядь шерсть. В двух источниках VII в. до н. э., которые мы только что упомянули, изображен весь цикл обработки шерсти, и женщины, занимающиеся прядением, не являлись прислужницами, а были хозяйками дома и даже царицами. На изображениях из Болоньи они сидят за прядением на тронах, кстати, похожих на настоящую деревянную мебель из Веруккьо, и этот тип трона, часто встречающийся в этрусском ориентализирующем стиле, чаще выполненный из бронзы, нежели из дерева, является высшим выражением царской власти. Также очень символично показана роль этрусской

женщины и этрусской царицы в том, что пряжа и веретено великой Танаквиль были сохранены в качестве реликвии в одном из римских храмов вплоть до конца периода Республики.

Итак, этрусские женщины умели быть домохозяйками, ткащими прекрасные одежды, и могли быть женами и матерями мужчин, ушедших на войну, если было необходимо. Они умели быть хранительницами очага и руководить толпой прислуги и рабов. Просто-напросто они не довольствовались, как Пенелопа и Андромаха, спокойным ожиданием возвращения супруга в стенах дома. В эпоху феминистских притязаний на полное равенство полов нам приятно сделать вывод об этой исключительной современности этрусской цивилизации.

СЛОВАРЬ

Акротерий. Декоративный элемент, помещаемый на крышу здания. В Этрурии — статуи из терракоты, изображающие богов, героев или животных. Аполлон из Вейцев, возвышавшийся над храмом в Портоначчио, безусловно, является наиболее известным акротерием в этрусской архитектуре.

Буккерио. Характерная лощеная этрусская керамика черного цвета.

Вилланова период. Протоэтрусская стадия и археологическая культура в Центральной и Северной Италии IX—VIII вв. до н. э.

Дромос. Коридор, ведущий к подземной камере с погребением. Длина может варьироваться; он уходит более или менее глубоко под землю и может расширяться непосредственно перед входом в погребальную камеру. В Вульчи вход в погребальную камеру специально защищали скульптуры львов, сфинксов и других животных.

Импасто. Тип этрусской керамики, предшествовавший буккерио. Изначально — это лепные сосуды из плохо подготовленной глины, копирующие греческие образцы. С распространением гончарного круга сосуды-импасто становятся лучшего качества, поверхности их обрабатываются при помощи лощения, что со временем приводит к появлению буккерио. Выделяют также буккероидное импасто — переходный тип керамики VIII в. до н. э., нечто среднее между импасто и настоящим буккерио.

Коропластика. Искусство создавать вотивные или декоративные статуи и статуэтки из терракоты.

Лебес. Сосуд в форме чаши на ножке или треноге. Чаще всего изготавливался из металла. Мог использоваться как для приготовления пищи, так и в качестве пиршественной посуды.

Надгробие. Блок, составленный из камней, размещенных над погребением.

«**Никосфеновские амфоры**». Аттические амфоры, сделанные гончаром Никосфеном около 530 г. до н. э., повторяющие форму буккоро. Можно предположить, что Никосфен выбрал эту «экзотическую» форму, чтобы угодить этрусским покупателям, которые к ней привыкли. Почти все амфоры Никосфена экспортировались в Черветери и Вульчи и практически не встречаются за пределами Этрурии.

Ойнохоя. Древнегреческий сосуд для вина с одной ручкой и тройным венчиком, формирующим три отдельных носика для разлива.

Пряслице. Археологи обозначают этим термином грузки, крепящиеся к основанию веретена. Они изготавливались из различных материалов (зачастую из терракоты), имели форму усеченного конуса, были просверлены посередине и украшены геометрическими рисунками.

Стамнос. Округлый сосуд для вина или масла с двумя горизонтальными ручками. По форме близок к амфоре, но имеет более низкое приземистое тулово.

Целла. Первоначально — комната для припасов в жилом доме. Позднее — внутреннее помещение в храме, где находились изображения божеств.

«**Disciplina etrusca**». Латинское выражение, обозначающее совокупность священных текстов, содержащих учение этрусских прорицателей.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Блок Р. Этруски. Предсказатели будущего. М. 2004.
- Буриан Я., Моухова Б. Загадочные этруски. М. 1970.
- Вогэн А. Этруски. М. 1998.
- Залесский Н.Н. К истории этрусской колонизации Италии в VII–IV вв. до н. э. Л. 1965.
- Залесский Н.Н. Этруски в Северной Италии. Л. 1959.
- Кондратов А.А. Этруски – загадка номер один. М. 1977.
- Майяни З. По следам этрусков. М. 2003.
- Макнамара Э. Этруски: Быт, религия, культура. М. 2006.
- Маяк И.Л. Рим первых царей (Генезис римского полиса). М. 1983.
- Наговицын А.Е. Этруски: Мифология и религия. М. 2000.
- Немировский А.И. Этруски. От мифа к истории. М. 1983.
- Немировский А.И., Харсекин А.И. Этруски. Введение в этрускологию. Воронеж. 1969.
- Робер Ж.-Н. Этруски. М. 2007.
- Эргон Ж. Повседневная жизнь этрусков. М. 2009.
- Этруски: италийское жизнелюбие. М. 1998.
- Соколов Г.И. Искусство этрусков. М. 1990.
- Aigner-Foresti L. Die Etrusker und das frühe Rom. Darmstadt. 2003.
- Albini P. L'Etruria delle donne. Vita pubblica e privata delle donne etrusche. Viterbo. 2000.
- Alinei M. Etrusco: una forma arcaica di ungherese. Bologna. 2003.
- Banti L. Il mondo degli Etruschi. Roma. 1969.
- Bartoloni G. La Cultura Villanoviana. All'inizio della storia etrusca. Roma. 2002.
- Bindi C. Echi di civiltà alimentari. Profumo di cucina Etrusca. Roma. 1993.
- Bloch R. The ancient civilization of the Etruscans. New York. 1969.
- Bonfante G., Bonfante L. The Etruscan Language. An Introduction. Manchester University Press. 2002.

- Bonfante L. *Etruscan*. University of California Press. 1990.
- Bosi R. *Il libro degli etruschi*. Milano. 1983.
- Brendel O. *Etruscan art*. New Haven. 1995.
- Buongiorno T. *Ragazzo etrusco*. Firenze. 1984.
- Camporeale G. *Gli Etruschi. Mille anni di civiltà*. Bonechi. 1992.
- Camporeale G. *Gli Etruschi. Storia e civiltà*. Torino. 2004.
- Colonna G. *Urbanistica e architettura in: Rasenna. Storia e civiltà degli Etruschi*. Milano. 1986.
- Cristofani M. *Dizionario illustrato della civiltà etrusca*. Milano. 1999.
- Cristofani M. *Etruschi. Cultura e società*. Novara. 1978.
- D'Aversa A. *La donna etrusca*. Firenze. 1985.
- Fossati I. *Gli eserciti etruschi*. Milano. 1987.
- Hampton C. *The Etruscans and the survival of Etruria*. London. 1969.
- Haynes S. *Etruscan Civilization*. Los Angeles. 2000.
- Haynes S. *Kulturgeschichte der Etrusker*. Mainz. 2005.
- Heurgon J. *Vita quotidiana degli Etruschi*. Milano. 1992.
- Keller W. *La civiltà etrusca*. Milano. 1999.
- Macnamara E. *Everyday Life of the Etruscans*. London. 1973.
- Menichelli M. *Templum Perusiae. Il simbolismo delle porte e dei rioni di Perugia*. Perugia. 2006.
- Pallottino M. *Etruscologia*. Milano. 1984.
- Pallottino M. *The Etruscans*. London. 1975.
- Pezzella S. *Gli Etruschi: testimonianze di civiltà*. Firenze. 1989.
- Pfiffig A. *Einführung in die Etruskologie*. Darmstadt. 1991.
- Prayon F. *Gli etruschi*. Bologna. 2009.
- Richardson E. *The Etruscans: Their Art and Civilization*. Chicago. 1964.
- Semerano G. *Il popolo che sconfisse la morte. Gli etruschi e la loro lingua*. Milano. 2006.
- Spivey N., Stoddart S. *Etruscan Italy*. London. 1990.
- Steiner D. *Jenseitsreise und Unterwelt bei den Etruskern. Untersuchung zur Ikonographie und Bedeutung*. Monaco. 2004.
- The Religion of the Etruscans.* / de Grummond N, Simon E. (ed.). University of Texas Press. 2006.
- Thuillier J.-P. *Gli Etruschi. La prima civiltà italiana*. Torino. 2008.
- Torelli M. *L'arte degli Etruschi*. Bari. 2008.
- Torelli M. *Storia degli Etruschi*. Bari. 2003.
- Vesco C. *Cucina etrusca. 2685 anni dopo*. Firenze. 1985.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ПРОЛОГ	9
ЗАГАДКА ВОСЬМОЙ ПЛАСТИНЫ	9
ГЛАВА 1. ДВА СТОЛПА ЭТРУССКОЙ ЗАГАДКИ: ЯЗЫК И ПРОИСХОЖДЕНИЕ	14
ЭТРУССКИЙ ЯЗЫК	14
Письменность	14
<i>Расшифрованная письменность неизвестного языка</i>	15
<i>Эвбейцы и их алфавит</i>	16
<i>Первые греческие надписи</i>	18
<i>Аристократия письменности, должность писца</i>	19
<i>Принятие и адаптация алфавита</i>	21
<i>Перевоплощения этрусского алфавита</i>	23
Язык	25
<i>Эпиграфические источники</i>	25
<i>Лемноская стела</i>	26
<i>Этрусский язык не является индоевропейским</i> ..	27
<i>Фонетика и морфология</i>	29
Литература	30
<i>Религиозная литература</i>	31
<i>...и мирская</i>	32
ПРОИСХОЖДЕНИЕ	33

ГЛАВА 2. ПЯТЬ НАЗВАНИЙ ЭТРУСКОВ	38
ЭТРУСКИ, ТУСКИ, ТИРРЕНЫ/ТИРСЕНЫ.....	38
Турсикина из Клузия.....	40
ЛИДИЙЦЫ ВЕРГИЛИЯ	40
РАЗЕННЫ/РАСНА.....	43
ГЛАВА 3. ТРИ ЭТРУРИИ	45
ТИРРЕНСКАЯ ЭТРУРИЯ.....	45
Границы региона.....	45
Географические черты.....	47
Ресурсы: сельское хозяйство.....	49
Горные ресурсы	52
ДВЕ ПРОВИНЦИИ ЭТРУРИИ.....	55
Паданская Этрурия	56
<i>Легенды об основании</i>	56
<i>Болонья</i>	59
<i>Спина</i>	61
<i>Марцботто</i>	63
КАМПАНИЙСКАЯ ЭТРУРИЯ.....	68
Начало этрусской колонизации.....	69
Надписи.....	72
Кампанийский додекаполис.....	74
ДРУГИЕ ЭТРУСКИ	75
Индивидуальные случаи.....	75
Юг Галлии	77
Этрусские жители Африки.....	79
Роман о мумии: этруски в Египте	82
ГЛАВА 4. ЧЕТЫРЕ ПЕРИОДА ЭТРУССКОЙ	
ИСТОРИИ	84
ПЕРИОД ВИЛЛАНОВА.....	84
Виллановская «революция»?	84
Некрополи	86

География.....	88
Второй этап культуры Вилланова.....	89
ОРИЕНТАЛИЗИРУЮЩИЙ ПЕРИОД	
(720—580 гг. до н. э.)	91
Определение.....	91
Цари и царские погребения	95
<i>Терки для сыра</i>	98
<i>Царские резиденции</i>	100
<i>Буккерио</i>	101
АРХАИЧЕСКИЙ ПЕРИОД (580—475 гг. до н. э.).....	105
Слава и успех тосканцев.....	105
Война и ее результаты. Этрусская гоплита?	106
Произведения искусства. Величие и красота	108
<i>Архитектура</i>	108
<i>Расписные гробницы в Тарквиниях</i>	112
КЛАССИЧЕСКИЙ И ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ	
ПЕРИОДЫ (475—27 гг. до н. э.)	118
Кумы (474 г. до н. э.): роковой удар?	118
Причины упадка	122
<i>Самнитское наступление</i>	122
<i>Триумф Рима</i>	123
Романизация.....	128
<i>Латынь</i>	128
<i>Ганнибал, Сципион и этруски</i>	130
<i>Нимфа Вегейя</i>	132
ГЛАВА 5. ДВЕНАДЦАТЬ ГОРОДОВ ЭТРУРИИ	135
СИСТЕМА ГОРОДОВ-ГОСУДАРСТВ	135
ДОДЕКАПОЛИСЫ	136
СПИСОК ДВЕНАДЦАТИ.....	138
Археология.....	138
Письменные источники	142
Заключение: добавляем и убираем	144

«FANUM VOLTUMNAE»	147
Религиозный контекст	147
Вольтумна	148
Где?	149
Но где же Вольсинии?	152
ПОЛИТИЧЕСКИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ	156
Этрусские цари	156
Этрусские республики	158
ГЛАВА 6. ТРИ ЭТРУССКИХ ЦАРЯ В РИМЕ	164
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ: СЕМЕЙНОЕ ДЕЛО	164
Танаквиль и Тарквиний Приск	164
Танаквиль и Сервий Туллий	166
Туллия и Тарквиний Гордый	166
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ОБ ЭТРУССКОМ ВЛИЯНИИ	167
Керамика	167
Эпиграфика	168
ЭТРУССКИЕ КВАРТАЛЫ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ	170
Этруская улица	170
Мастера гидравлики	171
Цирк	172
Храм	174
Символы власти	176
Военная музыка	177
ЭТРУССКАЯ ВЕРСИЯ ИСТОРИИ ЦАРЕЙ В РИМЕ	178
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ	184
ГЛАВА 7. ЭТРУСКИ МЕЖ ДВУХ МОРЕЙ	185
ЭТРУССКАЯ ТАЛАССОКРАТИЯ	185
ТОСКАНСКИЕ ПИРАТЫ	187

ПОРТЫ И ЭМПОРИИ.....	189
О РЫБЕ И СОЛИ	197
ОБЛОМКИ ЭТРУССКИХ СУДОВ ПОСЛЕ КОРАБЛЕКРУШЕНИЙ.....	198

ГЛАВА 8. СОРОК ДОЛЕЙ ПЕЧЕНИ:

РЕЛИГИОЗНЫЙ ОЧЕРК	202
ПЕЧЕНЬ И ГАРУСПИКИ.....	202
СВЯЩЕННЫЕ КНИГИ ЭТРУСКОВ.....	206
ПТИЦЫ.....	208
...И МОЛНИИ	210
КНИГИ СУДЬБЫ	213
БОГИ.....	215
Боги с этрусскими именами.....	216
Боги с греко-италийскими именами.....	218
Демоны из потустороннего мира	221
ХРАМ	223
АЛТАРИ.....	227
СМЕХ ГАРУСПИКОВ	231

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	233
ПЯТЬ ОБРАЗОВ ЭТРУСКОВ.....	233

СЛОВАРЬ	244
----------------------	-----

БИБЛИОГРАФИЯ	246
---------------------------	-----

Жан-Поль Тюийе

ЦИВИЛИЗАЦИЯ ЭТРУСКОВ

Зав. редакцией *О.В. Сухарева*
Ответственный редактор *А.А. Фетисов*
Корректор *И.Н. Мокина*
Технический редактор *Т.П. Тимошина*
Компьютерная верстка *К.С. Парсаданяна*

ООО «Агентство прав У-Фактория»
620014, г. Екатеринбург, ул. Малышева, 36, лидер Б
E-mail: ufactoria@gmail.com

ООО «Издательство Астрель»
129085 г. Москва, пр-д Ольминского д. За
Адрес нашего сайта: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Издательско-
полиграфическое предприятие «Правда Севера».
163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.
Тел./факс (8182) 64-14-54, тел.: (8182) 65-37-65, 65-38-78, 20-50-52
www.ippps.ru, e-mail: zakaz@ippps.ru

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 20 000 названий книг** самых разных видов и жанров.

Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов.

В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор кантотоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, братья Стругацкие, Фридрих Незнанский, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, Виктория Платова, Чингиз Абдуллаев; видные ученые деятели академик Мирзакарим Норбеков, психолог Александр Свияш, авторы книг из серии «Откровения ангелов-хранителей» Любовь Панова и Ренат Гарифзянов, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону: (495) 615-01-01, факс 615-51-10

E-mail: astpub@aha.ru **http://**www.ast.ru

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

Звоните: (495) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

МОСКВА:

- м. "Алексеевская", Звездный б-р, д. 21, стр. 1, т. (495) 323-19-05
- м. "Алексеевская", пр-т Мира, д. 114, стр. 2 (Му-Му), т. (495) 687-57-56
- м. "Алтуфьево", ТРЦ "РИО", Дмитровское ш., вл. 163, 3 этаж. (495) 988-51-28
- м. "Бауманская", ул. Спартаковская, д. 16, т. (499) 267-72-15
- м. "Бибирево" ул. Пришвина, д. 22, ТЦ "Александр", 0 этаж, т. (495) 406-92-65
- м. "ВДНХ", ТЦ "Золотой Вавилон - Ростокино", пр-т Мира, д. 211, т. (495) 665-13-64
- м. "ВДНХ", г. Мытищи, ул. Коммунистическая, д. 1, ТРК "ХЛ-2", 3 этаж, т. (495) 641-22-89
- м. Домодедовская, Ореховый б-р, вл. 14, стр. 3, ТЦ "Домодедовский", 3 этаж, т. (495) 983-03-54
- м. "Каховская", Чонгарский б-р, д. 18а, т. (499) 619-90-89
- м. "Коломенская", ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (495) 616-20-48
- м. "Кольково", ул. Профсоюзная, д. 109, к. 2, т. (495) 429-72-55
- м. "Крылатское", Рублевское ш., д. 62, ТРК "Евро Парк", 2 этаж, т. (495) 258-36-14
- м. "Марксистская/Таганская", Бол.Факельный пер., д. 3, стр. 2, т. (495) 911-21-07
- м. "Новые Черемушки", ТЦ "Черемушки", ул. Профсоюзная, д. 56, 4 этаж пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. "Парк культуры", Зубовский б-р, д. 17, т. (499) 246-99-76
- м. "Перово", ул. 2-ая Владимирская, д. 52, к. 2, т. (495) 306-18-98
- м. "Петровско-Разумовская", ТРК "ХЛ", Дмитровское ш., д. 89, 2 этаж, т. (495) 783-97-08
- м. Пражская, ул. Красного Маяка, д. 26, ТЦ "Пражский Пассаж", 2 этаж, т. (495) 721-82-34
- м. "Преображенская площадь", ул. Большая Черкизовская, д. 2, к. 1, т. (499) 161-43-11
- м. "Сокол", ТК "Метромаркет", Ленинградский пр-т, д. 76, к. 1, 3 этаж, т. (495) 781-40-76
- м. "Теплый стан", Новоясеневский пр-т, вл. 1, ТРЦ "Принц Плаза", 4 этаж, т. (495) 987-14-73
- м. "Тимирязевская", Дмитровское ш., 15/1, т. (495) 977-74-44
- м. "Третьяковская", ул. Большая Ордынка, вл. 23, пав. 17, т. (495) 959-40-00
- м. "Тульская", ул. Бол.Тульская, д. 13, ТЦ "Ереван Плаза", 3 этаж, т. (495) 542-55-38
- м. "Университет", Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, (499) 783-40-00
- м. "Царицыно", ул. Луганская, д. 7, к. 1, (495) 322-28-22
- м. "Щелковская", ул. Уральская, д. 2а, стр. 1
- м. "Шукшинская", ТЦ "Шука" ул. Шукшинская, вл. 42, 3 этаж, т. (495) 229-97-40
- м. "Юго-Западная", Солнцевский пр-т, д. 21, ТЦ "Столица", 3 этаж, т. (495) 787-04-25
- м. "Ясенево", ул. Паустовского, д. 5, к. 1, т. (495) 423-27-00
- М.О., г. Железнодорожный, ул. Советская, д. 9, ТЦ "Эдельвейс", 1 этаж, т. (498) 664-46-35
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ "Зеленоград", Крюковская пл., д. 1, стр. 1, 3 этаж, т. (499) 940-02-90
- М.О., г. Клин, ул. Карла Маркса, д. 4, ТЦ "Дарья", 2 этаж, т. (496) (24) 6-55-57
- М.О., г. Коломна, Советская площадь, д. 3, ТД "Дом торговли", 1 этаж, т. (496) (61) 50-3-22
- М.О., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 151/9, т. (495) 554-61-10
- М.О., г. Сергиев Посад, ул. Вознесенская, д. 32а, ТРЦ "Счастливая семья", 2 этаж,
- М.О., г. Лобня, Краснополянский проезд, д. 2, ТРЦ «Поворот»

РЕГИОНЫ:

- г. Архангельск, ул. Садовая, д. 18, т. (8182) 64-00-95
- г. Астрахань, ул. Чернышевского, д. 5а, т. (8512) 44-04-08
- г. Белгород, Народный б-р, д. 82, ТЦ "Пассаж", 1 этаж, т. (4722) 32-53-26
- г. Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- г. Волгоград, ул. Мира, д. 11, т. (8442) 33-13-19
- г. Воронеж, пр-кт Революции, д. 58 ТЦ, "Утюжок", т. (4732) 51-28-94
- г. Иваново, ул. 8 Марта, д. 32, ТРЦ "Серебряный город", 3 этаж, т. (4932) 93-11-11 доб. 20-03
- г. Ижевск, ул. Автозаводская, д. 3а, ТРЦ "Столица", 2 этаж, т. (3412) 90-38-31
- г. Екатеринбург, ул. 8 марта, д. 46, ТРЦ «ГРИНВИЧ», 3 этаж
- г. Калининград, ул. Карла Маркса, д. 18., т. (4012) 71-85-64
- г. Краснодар, ул. Головатого, д. 313, ТЦ "Галерея", 2 этаж, т. (861) 278-80-62
- г. Красноярск, пр-т Мира, д. 91, ТЦ "Атлас", 1, 2 этаж, т. (391) 211-39-37
- г. Курск, ул. Ленина, д. 31, ТРЦ "Пушкинский", 4 этаж, т. (4712) 73-45-30
- г. Курск, ул. Ленина, д. 11, т. (4712) 70-18-42
- г. Липецк, угол Коммунальная пл., д. 3 и ул. Первомайская д. 57, т. (4742) 22-27-16
- г. Орел, ул. Ленина, д. 37, т. (4862) 76-47-20
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 31, т. (3532) 31-48-06
- г. Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ "Пассаж", 2 этаж, т. (8412) 20-80-35
- г. Пермь, ул. Революции, д. 13, 3 этаж, т. (342) 0238-69-72
- г. Ростов-на-Дону, г. Аксай, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ "Мега", 1 этаж, т. (863) 265-83-34
- г. Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, к. 1, ТЦ "Виктория Плаза", 4 этаж, т. (4912) 95-72-11
- г. С.-Петербург, ул. 1-ая Красноармейская, д.15, ТЦ "Измайловский", 1 этаж, т. (812) 325-09-30
- г. Ставрополь, пр. Карла Маркса, д. 98, т. (8652) 26-16-87
- г. Тверь, ул. Советская, д. 7, т. (4822) 34-37-48
- г. Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- г. Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- г. Тула, пр. Ленина, д. 18, т. (4872) 36-29-22
- г. Тюмень, ул. М.Горького, д. 44 ТРЦ "Гудвин", 2 этаж, т. (3452) 790-513
- г. Уфа, пр. Октября, д. 34, ТРК "Семья", 2 этаж, т. (3472) 293-62-88
- г. Чебоксары, ул. Калинина, д.105а, ТЦ "Мега Молл", 0 этаж, т. (8352) 28-12-59
- г. Челябинск, пр-т Ленина д. 68, т. (351) 263-22-55
- г. Череповец, Советский пр-т, д. 88, т. (8202) 20-21-22
- г. Ярославль, ул. Первомайская, д. 29/18, т. (4852) 72-89-20
- г. Ярославль, ул. Свободы, д. 12, т. (4852) 72-86-61

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковию:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

■ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА ■

Этруская цивилизация – самая первая из всех, расцветших на земле Италии. Ее золотой век относится примерно к 700–450 годам до н. э.

Несмотря на то что эта цивилизация развивалась главным образом в Центральной Италии, между рекой Арно, Тирренским морем и Тибром, она вырвалась весьма далеко за пределы этого региона – как на север (Паданская равнина), так и на юг (Кампания).

Язык и происхождение – это два аспекта, которые считаются этрусской загадкой.

Загадкой, которая нам до сих пор не подвластна, но которую начали разгадывать...

www.ast.ru
www.elkniga.ru

ISBN 978-5-9757-0542-6

9 785975 1705426